ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Юридическая мысль

2019 1 (111)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

ISSN 2071-4920

9 772071 492787 >

Журнал «Юридическая мысль» с 2010 г. входит
в ПЕРЕЧЕНЬ ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 34
ББК 67

Учредитель
ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Главный редактор
М. Б. Ревнова, ректор ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук
Заместитель главного редактора
С. А. Комаров, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РАЕ
Ответственный секретарь редакционной коллегии
А. В. Яковлев, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук
Редакционная коллегия:
Р. Н. Дусаев, заведующий кафедрой общеправовых дисциплин юридического факультета Петрозаводского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;
Т. Л. Комарова, проректор по науке и инновациям ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент;
В. С. Мокрый, профессор кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук;
Б. А. Ревнов, доцент кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;
Е. В. Середа, профессор кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук; профессор;
О. Э. Старовойтова, профессор кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор.
Редакционно-издательский совет:
С. А. Комаров, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РАЕ, председатель совета;
В. А. Винокуров, профессор кафедры теории и истории государства и прав ФГБУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России», Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член совета;
С. М. Воробьев, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;
Ф. Х. Галиев, профессор кафедры теории государства и права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, член совета;
А. М. Дроздова, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор, член совета;
Е. С. Ч. Ковальски, директор Российской школы права Юридического факультета Университета Лазарского (Uczelni Łazarskiego) в Варшаве, Республика

Польша, доктор honoris causa ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор политических наук, профессор, член совета;

М. Е. Крук-Ярош (Maria Kruk – Jarosz), заместитель декана по вопросам докторантуры Университета Лазарского (Uczelni Łazarskiego) в Варшаве, Республика Польша, доктор honoris causa ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Г. А. Мартьянов, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, член совета;

Е. В. Мицкая, заведующая кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Н. И. Полищук, вице-президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

А. В. Попова, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, член совета;

Ю.В. Романов, генеральный директор патентно-правового холдинга «Романовы и партнеры», руководитель Русского центра права и консалтинга, член совета;

Г. С. Скачкова, зав. сектором трудового права и права социального обеспечения ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук», доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.П. Стёпкин, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук, доцент, член Комиссии Ассоциации юристов России, член совета;

Кари Сюнберг (Kari Synberg), профессор факультета общественных и экономических наук Университета Восточной Финляндии, член правления Географического общества Финляндии, Финляндская Республика, доктор honoris causa Юридического института (Санкт-Петербург), доктор географических наук, член совета;

Н. А. Фролова, профессор кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор, член совета.

ПОДПИСКА

в отделениях почтовой связи России, стран СНГ и Балтии

в объединенном каталоге Пресса России «Подписка-2020»

Подписной индекс – 41235 (первое полугодие 2019 г.).

Подписной индекс – 82596 (годовая подписка на 2019 г.)

Подписка в Агентстве: по тел. (499) 152-8850 и/или (495) 661-2030,

по e-mail: arpk@akdi.ru arpk@bk.ru izdatcat@eg-online.ru

в **Каталоге российской прессы «ПОЧТА РОССИИ»**

Подписной индекс – 24220 (первое полугодие 2019 г.)

Журнал выходит 6 раз в год

Телефон редакции: (812) 325-98-90

Адрес в Интернете: http://lawinst-spb.ru;

E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Founder
Law Institute (St. Petersburg)
Chief Editor
M.B. Revnova, Rector of the Law Institute (St. Petersburg), PhD
Deputy Chief Editor
S.A. Komarov, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE
Executive Secretary of the Editorial Board
A.V. Yakovlev, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), PhD
Editorial team:
R.N. Dusaev, Head of common law disciplines Faculty of Law of Petrozavodsk State University, Doctor of Law, Professor;
A.V. Komarnitsky, the professor of chair of criminal law of law department of RGPU of A.I. Herzen, the candidate of jurisprudence, the associate professor;
T.L. Komarova, Vice-Rector for Science and Innovation of the Law Institute (St. Petersburg), PhD, associate professor;
V.S. Mokriy, professor of constitutional and administrative law of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor;
B. A. Revnov, associate Professor of Department of constitutional and administrative law of law Institute (Saint Petersburg), PhD;
E.V. Sereda, professor of criminal law and procedure of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor;
O.E. Starovoitova, Professor of Theory and History of State and Law of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor.
Editorial and publishing Council:
S.A. Komarov, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE, Chairman of the Council;
V. A. Vinokurov, Professor of the Department of theory and history of state and rights of the "St. Petersburg University of Emercom of Russia", Honored lawyer of the Russian Federation, Doctor of law, Professor, member of the Council;
S. M. Vorobiev, Professor of the Department of theory of state and law, international and European law, faculty of Law, Academy of the FSIN of Russia, Doctor of law, Professor, member of the Council;
F.H. Galiev, Professor of Theory of State and Law of the Bashkir State University, Doctor of Law, associate professor, member of the Council;
A.M. Drozdova, professor of the Department of legal culture and protection of human rights of the North-Caucasus Federal University, Doctor of Law, Professor, member of the Council;
E.S.Ch. Kowalski, Head of the Russian law, professor of legal theory and legal logic, Deputy Dean of Science Faculty of Law of the University of Lazarski (Uczelni Łazarskiego) in Warsaw (Poland), Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Political Sciences, Professor, member of the Council;
M.E. Kruk-Jarosz (Maria Kruk-Jarosz), deputy dean for doctoral studies of the University of Lazarski (Uczelni Łazarskiego) in Warsaw (Poland), Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

G. A. Martianov, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), candidate of law, member of the Council;

E.V. Mitskaya, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and process of the South Kazakhstan State University of Auezov (Kazakhstan), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

N.I. Polishchuk, vice-president of the Interregional Association of theoreticians of State and Law, Professor of Theory of State and Law, International and European Law Faculty of Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

A.V. Popova, a professor of the Department of legal regulation of economic activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Ph.D., associate professor, member of the Council;

Yu.V. Romanov, General Director of the patent law holding "Romanovs and partners", head of the Russian center of law and consulting, member of the Council;

G.S. Skachkova, Head sector labor law and social security law of the «Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences», Doctor of Law, Professor, member of the Council;

S.P. Stepkin, associate Professor of the Department of civil law disciplines of the Russian state social University, Candidate of law, associate Professor, member of the Commission of the Association of lawyers of Russia, member of the Council;

Kari Syunberg (Kari Synberg), professor of the Faculty of Social and Economic Sciences of the University of Eastern Finland, a board member of the Geographical Society of Finland, the Republic of Finland, Doctor of Geographical Sciences, Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), member of the Council;

N.A. Frolova, a professor of the Department of Theory of State and Law named by G.V. Maltsev of «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», Doctor of Law, Professor, member of the Council.

Информация для авторов:

Ваши материалы (объемом до 0,6-1,0 усл.-печ. л.) направляйте по адресу:
199106, Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3.
Юридический институт (Санкт-Петербург).
Тел. (812) 325-98-90. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Каждая статья должна сопровождаться рецензией!

Просьба указывать свою должность, ученую степень, звание,
фамилию, имя и отчество, почтовый адрес и телефон

Свидетельство о регистрации ПИ № 2-4890 от 15 декабря 2000 г.
Формат 80x108/16. Подписано в печать 28.02.2019. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 8,8. Тираж 500 экз. Заказ № 1-19.
Отпечатано в типографии «OneBook.ru» ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва» www.onebook.ru

© «Юридическая мысль», № 1 (111), 2019

На обложке – фрагмент картины
С. Дали «Рафаэлевская голова, разлетающаяся на куски» (1951)

Юридическая мысль

2019 НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 2001 ГОДУ 1(111)

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Воробьев С.М., Глебова Н.А.
Понятийная характеристика антидискредитационной политики России 8

Дроздова А.М.
Права пожилых людей: некоторые философские и правовые аспекты 15

Комаров С.А., Мамедов А.К.
Методология социально-правового познания 25

Копосова Т.Ю.
Полицейская реформа как элемент системы
Великих реформ Александра II 42

Панин С.Ю.
Особенности правового регулирования деятельности
саморегулируемых организаций 47

12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения

Карташова Г.Н.
К вопросу о множественности лиц на стороне работника,
не достигшего возраста четырнадцати лет 56

Лапшин К.В.
Трудовой договор и контракт в России и Беларуси 63

Скачкова Г.С., Оробец В.М.
Трудовой договор с гражданским персоналом: некоторые особенности
правового регулирования..... 71

Чуча С.Ю., Кирсанов Р.В.
Особенности регулирования труда работников пожилого возраста:
к вопросу о необходимости совершенствования
российского законодательства в контексте
обеспечения социальной безопасности 82

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Бохан А.П., Чмырёв С.Н., Евстафиади Я.К.
Конкуренция уголовно-правовых и административно-правовых норм в сфере оборота гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения, газового оружия и холодного оружия 88

Коробова И.Н.
К вопросу о реализации принципа гуманизма в уголовно-исполнительном праве Российской Федерации с учетом требований международных правовых стандартов 95

Савченко Н.И.
Борьба с коррупцией в России на современном этапе 101

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Коршунова О.Н.
О содержании методики прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования 105

Никитин Е.Л.
Обеспечение законности оперативно-розыскной деятельности средствами прокурорского надзора и ненадзорных функций прокуратуры 115

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Архипова Н.А., Шебалин А.В.
К вопросу об этапах получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами 126

Перемолотова Л.Ю.
Влияние правового сознания на эффективность оперативно-розыскной деятельности 131

Авторский указатель за 2018 138

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

УДК 340
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.111.1.002

Понятийная характеристика антидискредитационной политики России

С.М. Воробьев*, Н.А. Глебова**

Аннотация. В статье дается анализ понятийной характеристики антидискредитационной политики Российского государства. В работе с учетом мнений известных российских теоретиков приводится определение антидискредитационной политики, обозначаются ее цель, задачи и принципы. При этом настоящая статья отражает авторскую позицию по данной проблеме. В работе использовались современные общенаучные и специальные методы познания: анализ, синтез, структурно-функциональный, нормативно-логический, комплексный.

Ключевые слова: дискредитация, антидискредитационная политика, государственная власть, противодействие.

Conceptual characteristics of Russia's anti-defamation policy

Annotation. This scientific article is devoted to the analysis of the conceptual characteristics of the anti-defamation policy of the Russian state. In this paper, taking into account the views of well-known Russian theorists, the definition of anti-defamation policy is given, its purpose, objectives and principles are indicated. This article reflects the author's position on this issue. Modern General scientific and special methods of cognition were used in the work: analysis, synthesis, structural and functional, normative and logical, complex.

* *Воробьев Сергей Михайлович,* доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России. E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

Vorobyev Sergey Mikhailovich, Doctor of law, Associate Professor, Professor of the Department of the Department of theory of state and law, international and European law of Academy of FSIN Russia.

** *Глебова Наталья Александровна,* кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России. E-mail: natalyaglebova85@yandex.ru

Glebova Natalia Alexandrovna, candidate of legal Sciences, Deputy head of the Department of theory of state and law, international and European law of Academy of FSIN Russia.

Keywords: discredit antidiscrimination policy, government, opposition.

Одним из основополагающих принципов в реализации государственной правовой политики, направленных на обеспечение основ конституционного строя России, является принцип обеспечения равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 19 Конституции РФ). Соответственно мы полагаем, что равенство прав и свобод человека и гражданина может рассматриваться в качестве ее центрального звена, направленного на формирование правосознания и национального стереотипа поведения населения. По мнению А. С. Мордовца, в равенстве прав человека, как в зеркале, видны сходные начала гражданского общества и правого государства, степень их демократичности. Фактический уровень равенства есть важнейший показатель зрелости всей системы общественных отношений [1].

Политика – это принципиальное направление деятельности государства относительно существующих слоев общества, есть участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания его деятельности; она носит объективный характер, имеет свою объективную логику, независимую от предначертаний тех или иных лиц, партий, движений [2, с. 82]. Политика, проводимая государством, осуществляется в различных сферах государственной и общественной жизни через механизм правового регулирования. Тем самым она приобретает характер правовой политики.

В XXI в. активно формируется категория правовой политики, отражающая собой многоаспектную деятельность государства: процессы оптимизации нормотворчества, основные направления развития политической системы общества, обеспечение самодостаточности личности и т.д. [2, с. 81].

По мнению профессора Н. И. Матузова, правовая политика – это особая форма выражения государственной политики, средство юридической легитимации, закрепления и осуществления политического курса страны, воли ее официальных лидеров и властных структур. Будучи осознанной, консолидированной, данная политика, воплощаемая в законах, кодексах, других основополагающих нормативно-правовых актах, в консультациях, направлена на охрану и защиту социального строя, развитие и совершенствование общественных отношений. Политика называется правовой вследствие того, что она, во-первых, основывается на праве и связана с правом; во-вторых, осуществляется правовыми методами; в-третьих, охватывает, главным образом, правовую сферу деятельности; в-четвертых, опирается, когда это необходимо, на принуждение; в-пятых, является публичной, официальной; в-шестых, отличается нормативно-организационными началами.

В ее основе лежат такие принципы, как социальная обусловленность; научная обоснованность, реалистичность; устойчивость и предсказуемость; легитимность, демократический характер; гуманность и нравственные начала; справедливость; гласность; сочетание интересов личности и государ-

ства; приоритетность прав человека; соответствие международным стандартам [3, с. 320–323].

Как видим, не случайно известный теоретик государства и права, профессор Н. И. Матузов сводит правовую политику к интересам личности и государства, а также приоритету прав человека. Это не случайно, а вполне логично, поскольку деятельность государства сопряжена с двойственными началами по обеспечению как своих интересов, так и интересов граждан с учетом соблюдения прав человека. Государственные интересы, так или иначе, будут находить свое отражение в обеспечении охраняемых законом прав и свобод человека и гражданина.

Правовая политика Российского государства должна быть ориентирована на конституционную политику, которая, с точки зрения А. В. Малько, есть не что иное, как научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных и муниципальных органов, а также общественных объединений по созданию в стране эффективного механизма конституционно-правового регулирования, по оптимизации ее конституционного развития. В свою очередь, конституционная политика нацеливает соответствующие федеральные государственные органы, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления, общественность на решение актуальных проблем, в частности, по защите прав и законных интересов граждан, прогрессивно-юридическому совершенствованию деятельности государства и общества. Значимость конституционной политики обусловливается и дальнейшим формированием полноценной и действенной государственно-правовой системы, стержнем которой выступает именно Конституция Российской Федерации. В связи с этим правовая политика должна занимать первенствующее положение среди других политик в силу «обеспечения на своем уровне и своими средствами прав и свобод личности, поддержания баланса между областью государственно-политических отношений и сферой гражданского общества» [3, с. 2–5].

Одним из основных направлений правовой политики, на наш взгляд, является антидискредитационная политика государства, которая характеризуется как деятельность государственных, муниципальных органов, общественных объединений, направленная на запрещение дискредитации, предупреждение ее распространения и защиту прав и свобод граждан, системы государственных органов власти от любых форм дискредитационного проявления посредством создания и обеспечения реализации в государстве системы правовых норм. Данная система правовых норм по защите от дискредитации возникла не самопроизвольно, поскольку она является неотъемлемой частью государственно-правовой политики в сфере охраны прав и свобод человека и обеспечения безопасности государства. Важное место в этой политике занимает качественное исполнение реализуемых государством обязательств перед своими гражданами. Степень удовлетворенности населения решением государством, в первую очередь, социальных проблем, влияющих на уровень жизни, будет прямым образом способствовать степени повышения доверия граждан к государственной власти. Положительный уровень доверия населения будет

влиять на развитие законных электоральных отношений, определять оптимальный уровень правовой культуры и правосознания граждан, минимизировать нигилистические взгляды и отрицательное отношение к государственной власти ее механизму, способствовать повышению степени ее легитимности.

Антидискредитационная политика государства характеризуется государственно-волевым, системно-концептуальным, официально-публичным характером, отражает реальную ситуацию, связанную с реализацией дискредитации государства. Государственная политика в области борьбы с различного рода дискредитационными проявлениями представляет собой деятельность, направленную на выработку мер противодействия распространению негативных проявлений дискредитации, разработку нормативно-правовой базы, связанной с противодействием дискредитации, повышение правовой культуры, правовой грамотности населения. Антидискредитационная политика государства связана с разработкой государственной доктрины противодействия дискредитации, отражает индивидуальное и общее отношение граждан и институтов гражданского общества к проблемам, связанных с распространением дискредитации.

При этом деятельность по разработке правового механизма предупреждения распространения дискредитации не должна являться спонтанной и не согласованной ввиду того, что процесс дискредитации имеет тщательно спланированный характер и требует скрупулезного, осознанного научно обоснованного изучения со стороны органов государственной власти и институтов гражданского общества. Поэтому, на наш взгляд, антидискредитационная правовая политика государства должна строиться на следующих принципах:

– научная определенность противодействия дискредитации, ее проявлениям и последствиям;

– прогнозирование и моделирование механизма противодействия борьбы с дискредитацией государства;

– анализ, планомерность и системность мер, связанных с противодействием дискредитации государства и ее последствиям;

– нормативность противодействия дискредитации государства;

– структурированность взаимодействия государственных органов в сфере противодействия дискредитации и ее последствиям.

Государственная политика по противодействию дискредитации России должна быть оптимально сбалансированной для всех заинтересованных субъектов профилактики дискредитации. При этом важно, знать и понимать детерминанты возникновения и распространения дискредитации власти в России. Для этого необходимо тщательно изучать цели и задачи, которые ставят перед собой политические деятели, идеологи демонтажа государственный власти на территориях иностранных государств. Безусловно, мы должны иметь в виду и принимать во внимание, что деятельность агрессивно настроенных стран в большинстве случаев направлена на подрыв и дестабилизацию политической, общественной, военной, культурной, информационной и социально-экономической сферы России. Поэтому основной целью антидискредитационной правовой политики государства яв-

ляется системное повышение уровня организации деятельности государственных органов и институтов гражданского общества в сфере противодействия дискредитацции, ее проявлениям и последствиям в отношении органов государственной власти и государства в целом.

Если говорить о непосредственных детерминантах дискредитации России, то мы условно их можем разделить на две большие взаимосвязанные группы – внешние и внутренние. Внешние детерминанты обусловлены деятельностью иностранных государств по отношению к России, внутренние – зависят от деятельности государственной власти внутри государства. К ним относятся политические, культурные, религиозные, идеологические, социально-экономические факторы – идентичные по названию, но отличающиеся между собой по своим характеристикам, связанным с мотивацией, направленностью, субъектным составом, масштабом и последствиями распространения дискредитации.

Задачами антидискредитационной правовой политики государства являются:

– определение сферы защиты государства от дискредитации, ее проявлениям и последствиям;

– разработка системы взаимодействия государственных структур и институтов гражданского общества в сфере борьбы с дискредитацией государства;

– совершенствование государственной деятельности в сфере борьбы с правонарушениями, связанными с распространением дискредитации в государстве;

– организация государственного механизма защиты от дискредитации и ее последствий;

– разработка и реализация превентивных мер в сфере борьбы с дискредитацией и ее последствиями;

– формирование у населения правовой культуры в сфере противодействия распространения дискредитации.

На наш взгляд, главным эпицентром дискредитации является население государства, потому как оно выполняет роль «лакмусовой бумажки», впитывающей все сразу и способной изменять свое мнение о государственной власти. Одной из сфер воздействия на общественное мнение является правовая сфера, связанная с обеспечением равенства прав человека. Следовательно, мы можем предположить, что западные авторы могут осуществлять целенаправленную деятельность, направленную на распространение «фейковых» новостей среди российского населения и мирового сообщества о росте неравенства (дискриминации) в России с целью последующего побуждения к оппозиционной деятельности. Данная деятельность может отражать политическую и правовую идеологию западных стран, связанную с осуществлением агрессии в отношении России и развертыванием правовой экспансии (например, Закон США «О демократии в России» 2002 г.).

Сложившаяся в настоящее время международная политическая ситуация характеризуется глубоким воздействием информационной сферы на граждан государств. Такая «война взглядов на мир» во многом нарушает

стабильность экономики государства, ущемляет безопасность от внешней угрозы, дискредитирует внутренние настроения. Первые шаги по укреплению основ российской государственности уже сделаны. Для ограничения распространения недостоверной информации в Российской Федерации 7 марта 2019 г. в окончательном чтении был принят пакет законопроектов о запрете распространения недостоверной общественно значимой информации, что позволит обеспечить защиту от так называемых «сетевых террористов», а предлагаемый правовой механизм защиты от недостоверной информации позволит предотвратить панические настроения среди населения. Пакет законопроектов был одобрен на заседании Совета Федерации ФС РФ 13 марта 2019 г. Как отмечает П.В. Крашенинников, «закон ударит по интернет-лжи, из-за которой создается угроза наступления общественно опасных последствий. Уже не раз доказано, что фейковые новости способны дестабилизировать ситуацию не только внутри страны, но и на международной арене» [4].

Отражением назревших потребностей в изменении и развитии тех или иных правоотношений выступает правовая идеология [5]. Реализация политических идей, выраженных в политической идеологии, в формах права, происходит в процессе право-творчества, которое является важной сферой взаимодействия политической и правовой идеологии. На наш взгляд, требующей разрешения является проблема и связанная с ней потребность государства в минимизации негативных последствий дискредитации. Оптимальным механизмом разрешения данной проблемы является грамотная реализация правовой политики государства, связанная с противодействием дискредитации. Ведь не случайно правовая политика – это не столько сфера борьбы за власть, сколько деятельность, связанная с выработкой стратегии правового регулирования и ее осуществлением [6].

Для обеспечения механизма противодействия детерминантов дискредитации необходимо усиление правотворческой функции Российского государства. Правотворческая функция государства напрямую связана с обеспечением механизма противодействия распространению дискредитации и представляет собой деятельность государственных органов, направленную на осуществление законотворческого процесса на предмет его соответствия выработке действенных государственных мер противодействия дискредитации. Правотворческая функция направлена на выработку конструктивных законодательных актов, на основе которых государственные органы могут осуществлять планомерную борьбу с пресечением актов распространения дискредитации. На фоне этого будет развиваться тенденция по разработке антидискредитационной политики России.

Рассмотрев специфику антидискредитационной политики Российского государства, можно предположить, что в современных условиях жизни этот вид деятельности будет перспективно развиваться. Российская Федерация должна разрабатывать комплексные, координационные меры реагирования в ответ на проявления западной агрессии. В связи с чем все заинтересованные государственные структуры должны предпринимать меры по объединению консолидированных усилий в минимизации последствий дискредитации.

Библиографический список

1. *Мордовец А. С.* Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. – Саратов, 1996. – С. 58; 60.

2. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Юрайт», 2019. – 504 с. – (Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс).

3. *Матузов Н. И.* Актуальные проблемы теории права: монография. – Саратов, 2004.

4. Госдума приняла закон о штрафах за фейковые новости [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.rg.ru/2019/03/07/ gosduma-priniala-zakony-o-blokirovke-i-nakazanii-za-fejki.html (дата обращения – 10.03.2019).

5. *Бабин Ю.М.* Особенности взаимодействия политической и правовой идеологии в социалистическом обществе: автореф. дисс. канд. философ. наук. – М., 1981. – С. 17.

6. *Малько А. В.* Конституционная политика как особая разновидность правовой политики // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 4. – С. 2–5.

«Наш нравственный долг – всемерно
поддержать старшее поколение, которое
внесло огромный вклад в развитие страны»

В.В. Путин
(Послание к Федеральному Собранию РФ
1 марта 2018 г.)

УДК 341.231.14
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.111.1.004

Права пожилых людей: некоторые философские и правовые аспекты

А.М. Дроздова*

Аннотация. В статье исследуются проблемы, связанные с увеличением численности пожилых людей в обществе и реализации, защиты их прав с целью создания практических механизмов философского, нравственного, психологического и правового отношения в обществе и в самом государстве к людям пожилого возраста. Анализируется понимание прав пожилого человека и созданных механизмов защиты прав пожилых людей, в сфере обеспечения достойной и безопасной жизни престарелых, пенсионеров и долгожителей. Выдвигается тезис о том, что следует подготовить и реализовать концепцию, в основе которой будет заложен принцип уважительного и ответственного отношения к пожилому человеку, который не будет подвергаться словесному, сексуальному, психологическому, финансовому или даже физическому насилию; ему не смогут отказать в надлежащей медицинской, социальной и иной помощи.

Ключевые слова: пенсионеры, пожилые люди, престарелые, долгожители, механизмы защиты, проблемы реализации прав пожилых граждан.

Rights of older persons: some philosophical and legal aspects

Annotation. This article takes a look at the problems associated with the increase in the number of older people in society and protection of their rights with a view to establishing practical arrangements of philosophical, moral, psychological and legal relations in society and in the State to elderly people. Analyzes the understanding of the rights of the older person and created mechanisms for the protection of the rights of older persons, in the sphere of providing

* *Дроздова Александра Михайловна*, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: temp17@rambler.ru

Drozdova Alexandra Mikhailovna, Professor of the Department of legal culture and human rights protection of the Law Institute of the North Caucasus Federal University, Doctor of law, Professor.

decent and safe life for the elderly, pensioners and longevity. Advances the thesis that should prepare and implement the concept, which will be based on the principle of a respectful and responsible attitude towards an elderly man who would not be subjected to verbal, sexual, psychological, financial or even physical violence; It will not be able to refuse proper medical, social and other assistance.

Keywords: pensioners, the elderly, the elderly, long-livers, protection mechanisms, problems of realization of the rights of older citizens.

В самые древние времена существования человечества люди уже мечтали о бессмертии и продлении человеческой жизни на длительный период, но природа распорядилась по-иному и люди стареют, создавая ряд определенных проблем для человеческого сообщества в целом, и именно проблемы старости, выживания, адаптации к возрастным изменениям были, есть и будут центральными в мировоззрении различных стран и народов постоянно. Однако, не следует забывать, что у человечества есть особенность: проявлять заботу о стариках, отдавая дань их опыту и мудрости и помня о том, что все в свое время окажутся в этом статусе.

Для Российской Федерации, как и для всех стран в мире, на сегодняшний момент характерно увеличение доли жителей – граждан более пожилого возраста, хотя исторически обосновывается средний возраст населения, так как постоянно происходит процесс рождаемости и смертности, которые обычно уравновешивали друг друга. Поскольку население нашей страны в частности «взрослеет», то и заботы государства о престарелых гражданах должны занимать умы чиновников все больше и больше, так как появившиеся проблемы настоятельно требуют новых взглядов, идей, концепций и механизмов для реализации и защиты социального статуса человека в возрасте за 60 лет в обществе.

При том, что благодаря здравоохранению и социальной защите люди избавились от опасных эпидемий, повысили уровень и качество жизни и могут сегодня дожить до 80 и более лет, все же статус пожилого человека указывает на ряд трудностей и проблем в своей реализации, так как престарелый человек так или иначе испытывает определенные затруднения в психологической, социально-экономической, бытовой и иных сферах в процессе адаптации к условиям жизни после прекращения трудовой деятельности и достижения зрелого возраста. Понятно, что объективно необходимо вырабатывать специфические формы, приемы, способы, методы, особые технологии работы с данной возрастной группой населения.

Позволим заметить, что данное направление работы очень многогранно, так как целенаправленно следует подготовить в целом общество, чиновников, каждую семью к повсеместной защите людей престарелого возраста с целью обеспечения безопасной, достойной, равноправной жизни названной категории граждан, с учетом того, что каждый из нас достигнет этого возраста и испытает на себе возрастную дискриминацию или защиту, заботу и внимание всего общества. Порой для пожилого человека дея-

тельность социальных служб, защита их прав, решение экономических, бытовых, психологических, медицинских и иных проблем имеет более важное жизненное значение, чем в трудоспособном возрасте.

Наиболее важным является аспект воспитания общественности в сфере уважительного и равноправного отношения к пожилым людям со стороны молодежи и людей среднего возраста, что приведет к взаимному влиянию и объединению всех членов общества, а впоследствии и к обеспечению каждому из нас определенного гарантированного жизненного положения в любом возрасте. Важно не выбросить из жизни общества пожилого, постараться определить экономические, политические, социальные и иные факторы, влияющие на здоровье и самочувствие этого человека, обеспечить ему возможность заниматься полезным и важным делом, чувствовать себя нужным и востребованным, гарантировать ему реализацию конституционных прав и свобод.

Сегодняшний пенсионер, чтобы не впасть в уныние и не обесценивать свою жизнь (к этому больше склонны мужчины…), должен общаться с родственниками, друзьями, желательно жить в браке и семье; некоторые видят смысл жизни в участии в деятельности общественных организаций, занятии посильным спортом, посещении клубов по интересам, тренажерных и танцевальных залов, а также концертов, музеев, выставок, театров и т.д.

Нельзя не отметить, что ученые ряда стран занимаются исследованием данной проблемы и приходят порой к выводу, что граждане, ведущие здоровый образ жизни, с высокой физической активностью, употребляющие здоровую пищу, нашедшие свое место в обществе, чувствуют значимость и смысл в жизни, что в свою очередь определяет самочувствие человека, положительно влияет на его здоровье и продляет его жизнь. Создавая условия для нормальной жизни и дальнейшего развития личности человека, прошедшего уже длительный жизненный путь, общество и государство осознают необходимость формирования адекватной правовой базы [1, с. 6].

В литературе используют разные определения для немолодых людей, а именно: престарелые, пожилые, старики и т.д. Кто и как может определить, кто такой пожилой человек? Пожилой – это уже не молодой, тот, который начинает стареть? Как определить тот возраст, по достижении которого следует причислять человека к пожилому? Если вспомнить историю, то женщину порой в 20 лет признавали старухой; когда нам с вами 15-20, мы также 20-летнего человека считаем достаточно взрослым, а 30-летнего стариком… Сегодня 30-40-летние граждане считают себя молодыми, после 40 лет женщины рожают детей. Считать 20-ти летнего стариком, просто смешно, т.к. это самый расцвет жизни, начало самостоятельной жизни, создание семьи, завершение обучения и получение специальности или профессии, тогда как уже к 30-40 годам сформированная личность способна более реально оценить свои силы и возможности, способна отвечать за собственные поступки и брать ответственность за своих близких.

Всемирная организация здравоохранения констатирует сегодня тот факт, что следует изменить критерии определения биологического возраста человека и устанавливает следующую классификацию, а именно: от 25 до 44 лет – это молодой человек; в возрасте от 44 до 60 – это средний воз-

раст; *от 60 до 75 – людей следует считать пожилыми*; а от 75 до 90 – старого возраста, тех, кто живет более 90 лет, следует называть долгожителями. В жизни обычно пожилыми называют людей, достигших возраста 50 лет и старше, в зависимости от того, кто оценивает предлагаемый возраст, так как женщина в возрасте 70 лет, например, может назвать мужчину лет 50-ти мальчиком. Более того, сами люди в большинстве не собираются называть себя стариками, так как не чувствуют порой свое старение и не хотят стареть, называя себя пожилыми при достижении 65-70 лет.

Мало кто в молодости задумывается над тем, какие этапы жизни ему предстоит преодолеть и когда он станет пожилым, особенно с учетом того, что процесс старения происходит на физиологическом и на психологическом уровнях. В резко меняющихся условиях научно-технического прогресса некоторым людям, даже молодым, а также достигшим определенного возраста сложно освоить современные инновационные технологии, что вполне может стать для них психологической травмой, которая заставляет чувствовать свою ненужность, заставляет задуматься над возрастом и переоценить свою значимость. Пока еще никто не отменил пословицу о том, что «человеку столько лет, на сколько он сам себя ощущает», многие помнят еще и то, что «мои года – мое богатство». Определенная часть пожилых людей, оптимистически воспринимающих свое взросление, способных поддерживать свою физическую форму, вести здоровый образ жизни, правильно и рационально питаться, вполне может приостановить или замедлить свое и физиологическое и психологическое старение.

Не лишним будет напомнить, что ежегодно 1 октября все страны мира отмечают *День пожилых людей* с тем, чтобы обратить внимание всех нас на жизнь тех, кто перешагнул через границу зрелости и приблизился к сфере престарелых граждан, а благодаря медицине и условиям жизни общества стали жить дольше, а значит и смогли отодвинуть процессы старения. Сегодня получает развитие повсеместно наука об изменениях личности в процессе старения – геронтология, которая возможно исследует все изменения в обществе и даст соответствующие рекомендации и пожилым, и молодым по созданию определенной сферы общественных интересов. В ряде стран пенсионерами становятся в возрасте минимум 70 лет, называется данная категория людей «третьим возрастом», они продолжают вести активный образ жизни, что характерно для определенной категории людей и нашей страны тоже.

Что такое права человека и есть ли понимание прав пожилого человека? Общепризнанными правами человека являются права, которыми наделены люди с момента рождения независимо ни от каких факторов, а при соблюдении установленных общепризнанных конституционных прав люди равны в своем человеческом достоинстве и могут жить в социуме себе подобных без дискриминации. Для обеспечения данного состояния общества в государстве существуют механизмы реализации, гарантий и защиты прав личности.

Обратившись ко Всеобщей декларации прав человека, отмечаем, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» [2], что в свою очередь определят данный принцип в отношении чело-

века любого возраста: как мужчины, так и женщины, при том, что определенные права приобретают большую актуальность для пожилых граждан, например, право на социальное обеспечение, право на медицинское обслуживание и т.д., чем для молодежи. По мнению автора, следует повсеместно создавать механизмы защиты прав пожилых людей, что в свою очередь способствует обеспечению достойной и безопасной жизни пожилых, поддерживая их как равноправных членов общества и относясь к пожилым людям с почтением, но на равных основаниях с молодыми.

Нельзя не спросить себя, а нарушают ли права пожилых людей в нашем государстве, кто и как. И отвечаем, что, несмотря на все вышесказанное, в отношении именно категории пожилых, престарелых и стариков нередко нарушаются общепризнанные права человека, и самое ужасное зачастую теми, кто по долгу своей службы должен всячески защищать права названной категории лиц, а именно: это право на свободу от дискриминации; на свободу от насилия; право на социальную защиту; на охрану здоровья; право на труд; право пожилых людей на собственность и право наследования и т.д. Не только в России, но и в мире имеют место случаи нарушения прав пожилых людей, но так хочется верить в то, что в нашей стране не будут подвергать неуважительному отношению пожилого гражданина в силу достигнутого им возраста; не будут подвергать словесному, сексуальному, психологическому или даже финансовому насилию; не смогут отказать в надлежащей медицинской и социальной помощи или окажут ее некачественно; прекратят вынужденно отправлять на пенсию по достижению пенсионного возраста пожилых, но трудоспособных людей, считая их «нетрудоспособными» в силу их возраста; примут такие законы о наследовании, которые не будут лишать родственников права на владение имуществом и его наследования после смерти родителей, детей, мужа, жены и т.д., а смогут всесторонне защитить права собственника и собственности от нечестных и нечистоплотных посягателей на имущество.

Основой правового регулирования статуса пожилых граждан, социальных прав и гарантий является Конституция РФ 1993 г., которая формирует основу и стержень системы законодательства о пожилых людях в России [3].

Общеизвестно, что система норм в сфере реализации и защиты прав людей «третьего возраста» обычно подразделяется на две группы норм, а именно: на нормы, которые закрепляют права каждой личности вне зависимости от возраста, и нормы, которые касаются непосредственно пожилых людей или специальных групп граждан, например, ветеранов.

Провозгласив Российскую Федерацию социальным государством, страна определяет направления социальной политики в отношении своих граждан с целью создания общества свободного развития каждого человека и обеспечения условий для достойной жизни личности, что непосредственно относится и к возрастному населению. Вместе с тем, конституционно (ст. 39 Конституции РФ) устанавливаются гарантии социального обеспечения по возрасту, по инвалидности, по утере кормильца, по болезни и т.д.

Наравне со всеми без исключений пожилые люди на основании ст. 41 Конституции РФ обеспечиваются правом на охрану здоровья и получение

бесплатной медицинской помощи в государственных и муниципальных учреждениях. Более того, не установлено запретов для граждан вообще и пожилых в частности на получение образования (ст. 43). Для нас достаточно важной является ст. 44 Конституции, которая предоставляет право и гарантирует каждому участие в культурной жизни, доступ к культурным ценностям, обеспечивает различные виды творчества. Так, например, в Санкт-Петербурге некоторые ведущие музеи России предоставляют пенсионерам и иным категориям граждан бесплатный доступ к экспозиции выставочных залов.

Конституционно любой человек в России пользуется правом на получение квалифицированной юридической помощи, которая, к сожалению, предоставляется не всегда бесплатно, что порой ограничивает возможность пожилых людей обращаться за этой юридической помощью.

Если пенсионер пожелает, то он теоретически может на основании ст. 33 Конституции обратиться в государственные или муниципальные органы с предложениями, замечаниями, критикой, проблемами. Правда, не факт, что практически они будут услышаны, так как чиновники всегда *заняты* и порой не обращают внимания на такие мелочи со стороны пожилых, неработающих граждан, чем демонстрируют свой уровень правосознания и правовой культуры, да и свое предназначение, не думая о том, что человек пытается быть активным и настойчивым потому, что хочет быть замеченным, полезным, активным.

Смею предположить, что умный и грамотный, подготовленный к управленческой деятельности чиновник может выстроить с пожилыми гражданами отношения таким образом, что они, пожилые, будут только помогать ему и содействовать в решении поставленных государственных задач и планов, так как в большинстве своем это образованные, профессионально подготовленные лица, которые в силу возраста уже просто не работают в трудовых коллективах, среди них юристы, врачи, учителя, экономисты, ученые, инженеры, руководители различных структур и органов в прошлом и их опыт бесценен, а значит, его можно и нужно использовать.

По справедливому мнению ученых, основные конституционные принципы и нормы являются основными для создания на их базе федеральных законов, указов Президента, постановлений Правительства и иных нормативных правовых актов по созданию гарантий для реализации и защиты прав пожилого населения страны. Среди таковых интерес представляют нормативные акты, регулирующие трудовую деятельность, занятость населения предпенсионного и пенсионного возраста и само пенсионное законодательство, так как они обеспечивают материальное состояние граждан и их социальную составляющую и после выхода на пенсию, которая в свою очередь позволит людям реализовать социальную активность, поддерживать свое здоровье, обеспечить для себя благоприятный режим отдыха и досуга.

Невзирая на то, что действующее трудовое законодательство в целом не ограничивает право на труд пожилых людей, Конституционный Суд РФ стоит на тех же позициях при рассмотрении соответствующих жалоб; не взирая на то, что определенные международные правовые акты запрещают расторгать трудовой договор с работником пенсионного возраста, неко-

торые законодательные акты России допускают определенные ограничения, т.е. устанавливают в этой сфере возрастной ценз. Среди указанных законов можно привести в пример Федеральный закон от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ (в ред. от 27.05.2003) «Об основах государственной службы Российской Федерации» [5], который установил предельный возраст для нахождения на государственной должности государственной службы – 65 лет для мужчин и 63 года – для женщин; Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» (ред. от 11.12.2018) [5]; что указывает в свою очередь на то, что порой работодатель, да и государство не заинтересованы в организации трудовой деятельности пожилых пенсионеров, что по меньшей мере просто странно в современных условиях развития страны.

Выход человека, который порой с 16-18 лет трудился на благо страны и государства, на пенсию – это сложный и важный момент, новый этап, который приходится пережить человеку, достигшему достаточно зрелого возраста. Ему следует изменить порой достаточно резко условия, уровень и образ жизни, распроститься с общественно-полезным трудом, с трудовым коллективом, изменить степень активности и сферу деятельности. Если вспомнить советский период жизни, то ухода на пенсию просто боялись и считали, что это конец активной жизни. Возможно, по этой причине не все могли адаптироваться к новым условиям своего существования и только некоторые с радостью ожидали выхода на пенсию, зная, чем они будут заниматься в последующем. Зададимся вопросом: а что делало государство в плане подготовки выхода человека на пенсию, кроме порой громких проводов типа выталкивания, когда на пятки уже наступал новый и молодой специалист. Странно, что опытный, образованный, профессионально подготовленный специалист в миг становился никому не нужным! А как же принципы формирования коллективов, когда в нем должны быть различные по возрасту и квалификации специалисты, а как же наставничество, передача опыта и т.д.?

Ныне действующий Закон «О государственных пенсиях в Российской Федерации» 1990 г., сохранивший определенные нормы старого "Закона о государственных пенсиях в СССР" 1956 г., несомненно качественно от него отличается, хотя бы даже тем, что обеспечивает пенсиями больший круг лиц, например. На основе названного Закона создан Пенсионный фонд Российской Федерации; впервые вышеназванным Законом введена социальная пенсия; приятно, что по Закону «за пенсией гражданин может обратиться в любое время, без ограничения каким-либо сроком и независимо от характера занятий ко времени обращения» и что «работающие пенсионеры, среди которых в большинстве своем лица старшего поколения, пенсии в период работы получают в полном размере». На основании ст. 129 Закона определен судебный порядок разрешения споров по пенсионным вопросам.

Положительными характеристиками названного Закона является малое наличие отсылочных норм и большое число правил прямого действия, что несомненно является преимуществом данного нормативного акта. Любое законодательство должно претерпевать изменения и соответствовать современным требованиям, пенсионное законодательство не исключение,

так в 1997 г. появляется Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 113-ФЗ «О порядке исчисления и увеличения государственных пенсий» [6]. Хотя ради справедливости некоторые считают, что современные пенсии не обеспечивают в полном объеме затрат на самые необходимые нужды пожилого человека, но данный вопрос достаточно спорный и неоднозначный, а значит, требует серьезного анализа и обсуждения, изучения различного рода специалистами, не без сравнения с существующей системой заработных плат в различных сферах деятельности работающего населения, а также не среднего человека, а каждого конкретного лица с учетом условий его жизни и требований.

Среди значимых законов РФ нельзя не назвать принятый в свое время Федеральный закон от 12 января 1995 г. «О ветеранах» [7], который определяет механизмы гарантий и защиты прав такой категории граждан России, как ветераны, в сфере обеспечения им условий на почет, уважение, активную деятельность и достойную жизнь. Данный закон охватывает достаточно большое число жителей нашей страны, а именно: это ветераны ВОВ, участники боевых действий на территории других государств, блокадники Ленинграда, члены семей погибших (умерших) инвалидов и участников Великой Отечественной войны, а также ветераны труда и военной службы, что составляет около 35 млн человек. Если учесть, что большая часть названных граждан находится в достаточно старом возрасте, среди них есть долгожители, то именно названный закон предоставляет им дополнительные права и гарантии, а также определенные льготы экономического и морального направления; хотя на практике не все так складывается гладко, как того хотелось бы.

Реализация механизма защиты прав ветеранов зависит от множества различных факторов, таких как непрофессиональная деятельность чиновников и судей в том числе, выделение соответствующих средств, создание общественных органов из числа самих ветеранов, формирование денежных фондов и средств для реализации Закона, недостаточность правового регулирования некоторых сфер деятельности Закона, например, в процессе реализации права на санаторно-курортное лечение и реабилитацию бесплатно или на льготных условиях и т.д.

Нельзя не упомянуть также такие основополагающие нормативные правовые акты, регулирующие социальные права человека, как Федеральные законы от 10 декабря 1995 г. «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» и от 2 августа 1995 г. «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов», в которых также определены гарантии реализации прав граждан и полномочия органов государственной власти на основе реализации принципа милосердия и человеколюбия к ближнему, что в свою очередь соответствует нормам Европейской социальной хартии [8].

Все вышеназванные законы касались в основном социальной сферы и при этом их достаточно много, т.е. на законодательном уровне государство пытается решать проблемы в отношении престарелых и пожилых людей. Все сводится сегодня к реализации данных норм и механизмов на практике, т.е. просматривается значительная роль исполнителей.

А еще реализация законов «Об образовании», «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации», «О выборах Президента Российской Федерации», «О референдуме» и т.д., которые также не содержат ограничений и дискриминационных норм для участия пожилых и престарелых граждан с учетом еще и того, что именно названная категория избирателей является активной, дисциплинированной и сознательной. Ради справедливости заметим, что названа лишь часть нормативных правовых актов, которые регулируют в стране реализацию прав и свобод престарелых и пожилых граждан с целью повышения уровня социальной поддержки и реализации предоставленных прав пожилым гражданам, точнее лицам.

Вместе с тем нарушается оперативное исполнение судебных решений по социальным делам в отношении лиц старшего поколения, так как зачастую суды общей юрисдикции не имеют и не хотят иметь полноценных квалифицированных знаний в социальных вопросах. Возможно следует специально готовить квалифицированных судей в названной сфере и им поручать рассматривать дела, связанные с защитой социальных прав вообще и особенно прав престарелых и пожилых людей. Сюда же следует добавить проблемы насилия и унижения в семье, присвоения и отъема имущества у своих родных, но пожилых родственников и т.д., что могло бы стать также сферой рассмотрения квалифицированными профессионально подготовленными судьями.

С учетом всего сказанного выясняется наличие определенного числа нормативного регулирования, разработанного правового обеспечения, создания множества различных органов и структур, действовавших в названной сфере, но при этом отсутствие единого центра реализации и защиты прав пожилых людей, особенно в субъектах Российской Федерации.

Совсем недавно председатель Комитета Совета Федерации по социальной политике Валерий Рязанский выступил с предложением по созданию Стандарта благополучия пенсионеров, который, по его мнению, должен позволить пожилым людям вести активный образ жизни, а именно: пользоваться спортивными залами и бассейнами в отведенное для этого время, иметь возможность пользоваться библиотеками и культурными центрами, получать квалифицированную медицинскую помощь от специально обученных для работы с пожилыми сотрудников больниц и поликлиник, пользоваться услугами и консультациями в геронтологических центрах или специальных дневных пансионатах для пожилых граждан, которые уже имеют место быть, с тем, чтобы получить там общение, питание, медицинское наблюдение, физическое и эстетическое развитие, отдых и т.д. [9].

Вместе с тем ведутся разговоры и по созданию в России института Уполномоченного по правам пожилых людей, который будет контролировать уровень защиты прав пожилых в домах престарелых, осуществлять адресную защиту подопечных в различного рода бюрократических процедурах, сможет защитить право пожилых на труд, а в целом, омбудсмен по правам пожилых сможет поменять отношение в обществе и в самом государстве к людям пожилого возраста.

Библиографический список

1. *Исаева Н. М., Ардова Е. И., Автономов А. С., Карюхин Э. В.* Права пожилых людей: законодательство, комментарии. Методическое пособие для общественных организаций / Под ред. Э. В. Карюхина. – Изд. 2-е доп. Региональный общественный фонд помощи престарелым «Доброе Дело» // М., 2007. – 142 с. /www.dobroedelo.ru

2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). Ст. 1 //http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/

3. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 3-е изд., перераб. и доп. / А. М. Дроздова [и др.]; под ред. проф. С. А. Комарова. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 398 с. – Серия: Профессиональный комментарий.

4. Федеральный закон «Об основах государственной службы Российской Федерации» от 31.07.1995 № 119-ФЗ (ред. от 27.05.2003). Режим доступа: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_7379/ (утратил силу).

5. Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 11.12.2018) «О занятости населения в Российской Федерации» (ред. от 11.12.2018) // Режим доступа: http:// www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_60/

6. Федеральный закон «О порядке исчисления и увеличения государственных пенсий» от 21.07.1997 № 113-ФЗ (последняя редакция). Документ утратил силу или отменен. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15225/ Дата обращения 08.02.2019 г.

7. Федеральный закон от 12 января 1995 г. «О ветеранах» (в ред. федеральных законов от 2 января 2000 г. и 4 мая 2000 г.).

8. Европейская социальная хартия (пересмотренная) (принята в г. Страсбурге 03.05.1996. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120807/

9. Https://news.rambler.ru/other/41593097/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more &utm_source=copylink

УДК 340.115
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.111.1.001

Методология социально-правового познания

С.А. Комаров*
А.К. Мамедов**

Аннотация. В статье рассматривается диалектика социально-правового познания в сравнении с естественнонаучным познанием. Авторами приводятся аргументы, подтверждающие их различие, а также их сходство в подходах и принципах производства знания. Особое внимание уделяется вкладу К. Поппера в изучении проблем как естественнонаучного, так и социально-гуманитарного познания в концепции «критического рационализма». Акцентируется внимание на борьбе и критике Поппером социальной теории К. Маркса, а именно рассматриваются две основные проблемы, поставленные К. Поппером – проблема «историцизма» и проблема использования диалектической логики в социальном познании. В статье приводятся взгляды критиков на теорию Маркса для анализа как самой теории, ее предсказательных аспектов революции, расплывчатости исходных основ, а также для проверки самой концепции К. Поппера. Авторами критикуется дискредитация диалектической логики как методологии научного познания вообще и социально-правового познания в частности. Акцент делается на отвержении закона логики – законе противоречия.

Ключевые слова: социальное познание, правовое познание, естественнонаучное познание, диалектическая логики, социальная революция, критический рационализм, историцизм, общество, наука.

Methodology of social and legal cognition

Annotation. The article deals with the dialectics of social and legal cognition in comparison with natural science cognition. The authors provides arguments confirming their difference, as well as their similarity in the approaches and principles of knowledge production. Attention is paid to the struggle and Popper's criticism of the social theory of K. Marx, namely the two main problems posed by K. Popper – the problem of "historicism" and the problem of us-

* *Комаров Сергей Александрович,* Президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

Komarov Sergey Alexandrovich., President of the Interregional Association of theorists of state and law, scientific Director of the Law Institute (St. Petersburg), Professor of the Department of theory and history of state and law, doctor of law, Professor.

** *Мамедов Агамали Куламович*, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: akmnauka@yandex.ru

Mamedov Agamali Kulamovich, D.Phil. in Social Science, Professor, Head of the Sociology of Communication Systems Subdepartment, Sociology Department of Lomonosov Moscow State University.

ing dialectical logic in social cognition. The authors also focuses on the struggle and criticism of Popper's social theory K. Marx, namely the two main problems posed by K. Marx. Popper-the problem of "historicism" and the problem of using dialectical logic in social cognition. The article presents the views of critics on Marx theory for analysis as the theory itself, its predictive aspects of the revolution, the vagueness of the original foundations, as well as to test the concept of Popper. The authors criticize the discrediting of dialectical logic as a methodology of scientific cognition in General and social and legal cognition in particular. The emphasis is on the rejection of the law of logic-the law of contradiction.

Keywords: social cognition, natural science cognition, dialectics of logic, social revolution, critical rationalism, historicism, society, science.

Социальное, как и правовое познание системно отлично от естественнонаучного по методам эмпирического и теоретического исследования, что обусловлено, в конечном счете, различием в природе объектов научного знания. Многое из того, что доступно и применимо в естествознании, недоступно или неприменимо в социально-гуманитарных науках, включая юриспруденцию, и наоборот. В частности, в социальных науках широко используется такой метод сбора эмпирической информации, как опрос, а в естествознании он невозможен. В области теоретических методов в социально-правовом познании широко используется телеологическое объяснение социальных явлений, их целей, преследуемых теми или иными объектами познания (социальными субъектами), а в естественных науках с такого рода объяснениями сложнее. В физических науках оно совершенно запрещено и допустимым считается лишь объяснение из причин (каузальное); в биологических же науках оно допускается наряду с каузальным объяснением, но только – в своей бессознательной модификации (организмы устроены целесообразно, но целесообразность не является планомерной реализацией чьего-либо замысла). Но в социальных науках, включая правовые, допускаются и признаются все эти методы объяснения социальных явлений – на уровне общего, особенного и единичного. Например, нормативное и каузальное, телеологическое (целевое) и системное и т.п.

Например, в теории государства и права познание государственно-правовых явлений осуществляется с использованием общенаучных методов (формально-логический, системный, исторический, структурно-функциональный, социологический и др.), общелогических методов (анализ, снтез, обобщение, сравнение, абстрагирование, аналогия, моделирование и др.) и частно-научных методов (сравнительное правоведение, технико-юридический анализ, конкретизация, толкование и др.) [3, с. 34-37].

В то же время, естественно научное и социально-гуманитарное познание исходят из общих принципов производства знания, и поэтому аналогично относятся к области научного познания, отличаясь в том от религиозного, художественного и иного. Наука стремится к получению не просто полезного знания, но знания обязательно истинного. И хотя наука так же, как и все остальные формы сознания способна впадать в заблуждения,

но не готова мириться с этим и нацелена на то, чтобы избавиться от них и прийти к познанию именно истины, а не ее противоположности.

Но на этом пути науку, как явствует из истории, постоянно подстерегают множество сложностей и ловушек сознания, исследованию которых посвящены усилия социологов, эпистемологов и методологов науки, цель которых – исследование самой возможности и необходимых условий достижения именно истинного знания. Несомненно, одним из весомых мыслителей, внесшим вклад в методологию научного познания, является К. Поппер, который, в отличие от не менее выдающихся специалистов в этой области, – Т. Куна, П. Фейерабенда, И. Лакатоса и других – уделял внимание в равной степени, как проблемам естественно научного, так и социально-гуманитарного познания. Более того, именно его рефлексия над проблемами социальных теорий и способствовала выработке общей теории научного познания, которую он обозначил концепцией «критического рационализма». Важнейшей чертой его концепции – и это следует подчеркнуть – является то, что она не допускает отступления от принципов рациональности научного познания, в то время как альтернативные концепции Т.Куна, П. Фейерабенда, отчасти М. Полани и других – допускают в научное познание толику иррациональности.

Что же касается области социальных наук, то, как известно, Поппер открыто боролся с тем широким и восторженным признанием, которое получила социальная теория К. Маркса. При этом можно заметить, что и сама общая концепция научного познания во многом выросла из критики марксизма и аналогичных (в эпистемологическом плане) теорий. В настоящей работе мы рассмотрим только две, – весьма важные и связанные, – проблемы, поставленные Поппером на основе анализа особенностей теории Маркса. Это – проблема так называемого «историцизма» и проблема использования диалектической логики в социальном познании.

В то время, когда научная деятельность К. Поппера еще только начиналась, социальная теория К. Маркса являлась одной из самых влиятельных, а, возможно, и самой влиятельной концепцией в социальных науках. В качестве примера наивысшей оценки приведем когда-то известное высказывание В.И. Ленина: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное миросозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма» [5, с. 43].

Сегодня с подобной оценкой К. Маркса согласны, по-видимому, меньшинство ученых, в чем повинны не только фактическое развитие событий в XX-XXI вв. и накопленный современным обществом социальный опыт, но также и рациональная критика самой теории Маркса выдающимися учеными, в числе которых одно из первых мест принадлежит, несомненно, и самому Попперу. Тем не менее, авторитет теории Маркса в настоящее время если и девальвирован, то не исчез полностью, а во многом (и заслуженно) сохраняет влияние. В качестве примера современной и сдержанной, но при этом положительной оценки можно привести высказывание

английского историка Дж. Тоша: «Сейчас еще рано утверждать, – пишет он, – какими будут долгосрочные последствия сдвига 1989-1992 гг. в интеллектуальном плане, но сразу по двум причинам можно предположить, что марксизм вряд ли удастся быстро списать со счетов. Нынешнее враждебное отношение, как бы велико оно ни было, не изменит того факта, что марксизм оказал совершенно беспрецедентное воздействие на историческую науку и в качественном, и в количественном смысле. Эта теория не имеет равных по широте охвата и уровню научной проработки. Пока историки признают необходимость теории, они будут обращаться к марксистской традиции. Обоснованность этого прогноза станет совершенно бесспорной, если мы учтем сравнительную теоретическую бедность других направлений ..» [12, с. 127].

Но в середине XX в., когда критический анализ К. Поппера только набирал силу, авторитет теории К. Маркса был практически безоговорочным. В тот период даже крайние идеологические противники отдавали ей должное: «Марксизм, – писал З. Бжезинский, – представляет собой новый, исключительно важный этап в становлении человеческого мировоззрения. Марксизм означает победу активно относящегося к внешнему миру человека над пассивным, созерцательным человеком и в то же время победу разума над верой ... Марксизм ставит на первое место систематическое и строго научное изучение действительности, так же как и руководство действием, вытекающим из этого изучения» [2, с. 73]. Тем более важными представляются научные усилия К. Поппера, который практически полностью отвергал теорию К. Маркса и критически оценивал ее со всех основных направлений: логического, методологического, содержательного и т.д.

Хотя сам «историцизм» К. Поппер приписывал не только марксизму, но и ряду течений социальной мысли, но детальную критику представил именно на примере марксизма, что объясняется вышеуказанными обстоятельствами. К тому же для него это было принципиально, ибо он стремился именно к открытой критике своего оппонента и не хотел «скатиться к скрытой критике» [10, с. 557].

Итак, в чем же, по мнению самого К.Поппера, заключена фатальная ошибка «историцизма»? «Центральные идеи историцистского метода и, в частности, марксизма, – пишет он, – таковы:

(а) Несомненно, что мы можем предсказывать солнечные затмения с высокой степенью точности и далеко в будущее. Почему же мы не могли бы предсказывать революций? Если бы социальный ученый в 1780 году знал об обществе хотя бы половину того, что знали об астрономии древние вавилонские астрологи, то он смог бы предсказать Французскую революцию.

Фундаментальная идея, что революции можно предсказывать точно так же, как солнечные затмения, – продолжает К.Поппер, – порождает следующее понимание задачи социальных наук:

(б) Цель социальных наук в прин-ципе ничем не отличается от цели естественных наук – делать предсказания, точнее, исторические предсказания о социальном и политическом развитии человечества.

(в) Как только эти предсказания сделаны, можно определить задачи политики. Она должна смягчать «родовые муки» (по К.Марксу), неизбежно сопровождающие предсказанные и неотвратимые политические изменения.

Эти простые идеи, в частности, мысль о том, что целью социальных наук являются исторические предсказания, например, предсказания социальных революций, – заключает К.Поппер, – я буду называть историцистской доктриной социальных наук. Мысль о том, что политика должна облегчать родовые муки неизбежных политических изменений, я буду называть историцистской доктриной политики. Обе эти доктрины можно рассматривать как части более широкой философской схемы, называемой историцизмом, а именно: той точки зрения, что история человечества следует некоторому плану, и если нам удастся разгадать этот план, мы получим ключ к будущему» [10, с. 559-560].

И далее К.Поппер развивает критику «историцизма», построенную на том, что общество сильно отличается от «замкнутых и чисто механических систем» как солнечная система, работающая «как часы», что и позволяет делать относительно нее очень точные и далеко идущие предсказания.

Нет смысла детально рассматривать всю аргументацию К.Поппера, ибо ошибка очевидна. Критикуется не сама теория К. Маркса, а приписанный образ, созданный самим К.Поппером. Дело в том, что ни К. Маркс с Ф. Энгельсом, ни их последователи – не претендовали на точность предсказаний, соизмеримую с точностью астрономических вычислений. Но проблема «историцизма», поднятая К. Поппером, этим, конечно, не снимается, поскольку марксизм и действительно содержал некоторого рода исторические предсказания, научность которых действительно нуждается в рациональной критической оценке. В частности, теория К. Маркса содержала в себе предсказание о неизбежности социальной революции в Европе. Не назначая никаких сроков, классики, тем не менее, доказывали ее неизбежность, столь же неотвратимую, как и те же солнечные затмения, которые ведь обязательно должны наблюдаться при данных условиях.

При этом, хотя субъективно основатели марксизма, естественно, хотели верификации предсказанной теории, поэтому действительно часто и лично ошибались, принимая те или иные события того времени за начало. Но эти их личные «предсказания» не следует путать с тем предсказанием, которое логически следовало из теории. Поэтому, не зная, когда именно «созреют» «социальные затмения», основатели марксизма, тем не менее, нисколько не сомневались, что рано или поздно они должны произойти, это следовало из их теории, в истинности которой были уверены.

С одной стороны, она основывалась, конечно, и на простой эмпирической закономерности, уже вполне выясненной к тому времени европейскими историками. Европейское общество, как известно, жило и действовало по одним правилам во времена Римской империи (описаны как «рабовладельческое» общество), потом оно, в ходе насильственных пертурбаций V-VI вв., перешло к жизни уже по другим правилам («феодального» общества), а потом, также в ходе революций XVII-XIX вв., перешло к новым правилам («буржуазного» общества).

Если даже эмпирически экстраполировать последовательность перемен в будущее, то возникает уверенность, что череда изменений в Европе на этом не остановится, и ее ожидают новые потрясения и переход к новым общественным порядкам. В самом деле, почему бы то, что наблюда-

лось на протяжении всей предшествующей истории Европы, должно прекратиться в будущем? Между прочим, именно на такой же, чисто эмпирической экстраполяции основана и знаменитая теория длинных волн российского ученого Н. Кондратьева, вполне респектабельная и принятая сообществом. Но, конечно, К. Маркс с Ф.Энгельсом основывались не только и даже не столько на этой эмпирической экстраполяции. Их теория состояла в нахождении причинного объяснения социальных переворотов (включавшего элементы телеологизма). Историки открыли периодичность социальных переворотов, а К. Маркс с Ф.Энгельсом предложили рациональное объяснение. Они были уверены в том, что открыли причину и механизм («закон») исторических процессов, которые увидели в неуклонном прогрессе производительных сил общества. Любое общество стремится к максимально быстрому развитию производительных сил и не может не стремиться к этому, т. к. иначе оно либо полностью исчезнет (в случае деградации), либо будет подчинено более развитыми обществами, которые вовлекут его в свой прогрессивный поток.

Это – первый и самый главный постулат марксистской теории, все остальное производно. При этом понятие производительных сил общества оставляется лишь интуитивно ясным, а его дискурсивное уточнение основателями марксизма не проводится. «Самое замечательное в этой доктрине, – писал критик марксизма Л. Мизес, – в ней не дано определение основного понятия – материальных производительных сил. К.Маркс нигде не говорит нам, что он имеет в виду, когда ссылается на материальные производительные силы. Мы должны вывести это из редких исторических иллюстраций его доктрины. Самый откровенный из этих случайных примеров можно найти в его книге «Нищета философии», опубликованной в 1847 г. на французском языке. Читаем: «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом» [9, с. 83]. Замечание Л. Мизеса, в принципе, правомерно, но неполно. В любой научной теории ее исходные понятия и постулаты зачастую принимаются без доказательств и строгих определений – как интуитивно очевидные и ясные. Именно так обстоят дела не только в «Началах» Евклида или в «Началах» И.Ньютона, но и в теории Ч. Дарвина, в которой тоже не объясняется досконально, что такое «наследственность», «изменчивость» и «естественный отбор» - что принимается как интуитивно ясное.

Требование предварительного четкого дискурсивного определения исходных понятий равносильно, как установил Аристотель, запрету на теоретическое мышление вообще. Никакая теория никогда не будет построена, если требовать изначально формально корректного определения ее исходных понятий и доказательства ее постулатов; они должны быть приняты как интуитивно ясные. Второй же постулат этой теории заключается в том, что социальные порядки небезразличны к росту производительных сил, а могут либо тормозить, либо ускорять, будучи при этом склонными к консервативности, неподатливости к изменениям. Поэтому рано или поздно в любом обществе прогрессирующее развитие производительных сил неизбежно «натыкается» на сдерживающие его рамки, мешающие их дальнейшему прогрессу.

Но, почему же, общественные порядки не могут изменяться в соответствии с прогрессирующим развитием производительных сил? Ведь ясно

же, что это было бы наилучшим выходом для всего общества и выгодно всем его членам? На этот вопрос отвечает третий постулат марксистской теории, гласящий, что в обществе есть господствующие классы, которым выгодны именно старые, а не новые порядки, поскольку их собственное господство и основано именно на консервации.

Но, поскольку прогресс производительных сил неизбежно порождает и новые социальные классы, которым этот старый порядок начинает мешать, то между старыми господствующими классами, выступающими за консервацию порядков, и новыми классами, выступающими за отмену и замену новыми порядками, назревает социальный конфликт, который и разрешается всегда в ходе социальной революции – всегда насильственной и, с точки зрения старых порядков, – незаконной, нелегальной.

Таков вполне ясный и понятный механизм возникновения революций, предлагаемый теорией К. Маркса. Такова сама суть этой теории, которая предсказывает только саму неизбежность (необходимость) революций, не предсказывая их с математической точностью. Поэтому критиковать ее по несбывшимся (субъективным) прогнозам на тот или иной, назначенный кем-то срок, – некорректно.

Но, поскольку эта теория основана не столько на строгих и четко определенных понятиях, сколько на интуитивных и даже метафорических представлениях («производительные силы», «производственные отношения», «социальные классы», «базис», «надстройка», «общественное бытие», «общественное сознание» и т.д.), то можно критиковать ее именно за расплывчатость исходных основ, что на самом деле постоянно делалось. «Наиболее примечательным моментом в этой теории, – пишет Л. Мизес, – было то, что она никогда не была ясно изложена. В «Коммунистическом манифесте» для иллюстрации классовой борьбы взяты конфликты между кастами (Л. Мизес называет «кастами» сословия – *авт.*). Затем К.Маркс добавляет, что в современном буржуазном обществе возникли новые классы. Но он так нигде и не сказал, что такое класс и что он имел в виду, говоря о классах с антагонистическими противоречиями между ними и соотнося классы с кастами. ... Ни Маркс, ни один из его многочисленных последователей не смогли сказать нам, что же представляет собой общественный класс и, тем более, действительно ли общественные классы играют в социальной структуре ту роль, которую приписывает им теория» [9, с. 80]. «Понятия базиса и надстройки, – вторит известный социолог Р.Арон, в целом, вполне благосклонно относившейся к этой теории, – ... неясны и допускают бесконечные спекуляции» [1, с. 177].

Но то же самое можно утверждать и про все остальные исходные понятия, на которых основана эта теория. Но стоит и повторить, что этот характер теории К. Маркса не представляет собой чего-то исключительного в области научного познания. Попробуйте, например, четко определить, что понимают физики под интуитивно ясным, но таким загадочным понятием (или представлением) силы (или массы). И что останется от современной физики, если лишить ее этого неопределенного понятия? Тем не менее, в основу теории К. Маркса положены все же не просто какие-то неопределенные и ничем не основанные понятия, а понятия интуитивно ясные и ни в чем не противоречащие ни повседневному опыту, ни известным на тот

момент и научно установленным фактам. Но эта теория может критиковаться и с различных других ее сторон. «Всякая теория, – подытоживал размышления над обстоятельствами Р. Арон, – стремящаяся стать идеологией политического движения или официальной доктриной государства, должна поддаваться упрощению, для простаков, и усложнению, для снобов. Вне всякого сомнения, учение К. Маркса в высшей степени обнаруживает эти добродетели. Каждый может найти в нем то, что он хочет» [1, с. 177].

И почему же его теория не осталась всего лишь научной теорией, а стала (сознательно стремилась) еще и «идеологией политического движения» и даже «официальной доктриной государства»? Дело в том, что теория К. Маркса не останавливалась на простом объяснении социальных революций и предсказании их неизбежности в будущем (в таком виде она вполне совместима с современными канонами научности), но она шла и значительно дальше. Предсказывали, в частности, что следующая социальная революция в Европе будет не просто революцией, а социалистической, отрицающей частную собственность на средства производства вообще и любые социальные порядки, основанные на принципе частной собственности. Будущая революция, были убеждены марксисты, введет совершенно новые порядки, основанные на принципе общественной собственности. Откуда же они могли знать, что будущая революция будет именно социалистической? Ведь из принципов самой теории К. Маркса, описанных выше, это ни в коем случае не следует. Утверждается лишь то, что на каком-то этапе развития производительных сил «буржуазного» общества должны появиться какие-то новые социальные силы, которым старые порядки должны казаться тормозом к дальнейшему прогрессивному развитию. Эти силы должны были расти и крепнуть, и на каком-то этапе вступить в конфликт с господствующими классами буржуазного общества, держащимися за старые порядки, затем произвести насильственное изменение в общественных порядках в интересах всего общества.

Поэтому, прежде всего, странно уже то, что К.Маркс увидел в качестве такого класса пролетариат. Ведь предыдущие революции (рабовладельческая, феодальная и буржуазная) хотя и происходили с непременным участием общественных низов, но не по их инициативе – будущие рабовладельцы, феодалы и капиталисты относились к верхам общества. Почему же тут вдруг именно пролетариат (низы общества) выступит ведущей революционной силой? И эмпирически, и теоретически выбор пролетариата в качестве революционной силы у К. Маркса не был обоснованным.

Но, во-вторых, еще более важно то, что новый переворот, по мысли К. Маркса, должен был отрицать не просто ближайший ему прежний социальный порядок (буржуазный), но он должен был отрицать и все прежние порядки того же самого рода, то есть все порядки, основанные на принципе частной собственности. На смену этому принципу должен будет прийти принцип общественной собственности как его полная противоположность. Капитализм («буржуазное общество»), рассматриваемый К. Марксом как самое совершенное – крайнее – развитие принципа частной собственности, должен был перейти в свою противоположность. Но неизбежность такого перехода не могла следовать из его теории (в которой для этого нет совер-

шенно никаких предпосылок), и она могла следовать, как это совершенно верно и замечает К.Поппер [10, с. 548-549], только из диалектической логики Г.Ф. Гегеля, которую К. Маркс, как мы знаем, признавал в качестве методологической основы своей теории.

Будучи гегельянцем в начале научной деятельности, и «перевернув потом с головы на ноги» гегелевскую логику, К.Маркс, видимо, не отказался полностью от ее основных положений и даже сделал эту науку руководящей основой в научных исследованиях. По меньшей мере, так неоднократно утверждал он сам, и К.Поппер (некритически) принимает такое объяснение. Поэтому и другая важнейшая часть критики марксизма сосредоточена на попытке дискредитации диалектической логики как методологии научного познания вообще и социального познания, в частности. К. Поппер утверждает, что в основу этого подхода положена гегелевская диалектика, суть которой, в свою очередь, состоит в том, что отвергается основной закон логики – закон противоречия. Отрицание же этого закона, доказывает он, позволяет диалектике ускользать от всякой критики – ее практически нельзя опровергнуть, поскольку из противоречивых высказываний можно вывести все, что угодно, и все это будет считаться научным и обоснованным. Но основной критерий научности в том-то и состоит, согласно методологии самого К.Поппера, что теория должна поддаваться опровержению, – иначе она ненаучна. То, что принципиально нельзя опровергнуть – ненаучно, и поэтому не заслуживает никакого доверия. Но именно такую теорию и представляет собой марксизм, который благодаря его диалектичности не поддается никакой критике и его принципиально нельзя опровергнуть – следовательно, он ненаучен.

«Маркс и Энгельс, – писал Поппер, – настойчиво утверждали, что науку не следует интерпретировать как массив, состоящий из окончательного и устоявшегося знания или из «вечных истин», но надо рассматривать ее как нечто развивающееся, прогрессирующее. Ученый – это не тот человек, который много знает, а тот, кто полон решимости не оставлять поиск истины. Научные системы развиваются, причем развиваются, согласно Марксу, диалектически. … Реальность, однако, такова, – говорит К.Поппер, – что марксов прогрессивный и антидогматический взгляд на науку на деле никогда не проводился ортодоксальными марксистами. Прогрессивная, антидогматическая наука критична, в критике – сама ее жизнь. Но марксисты никогда не отличались терпимостью к критике марксизма, диалектического материализма!

Гегель полагал, – продолжает К. Поппер, – что философия развивается и что его система, однако, должна оставаться последней, наивысшей и вечно непревзойденной стадией развития. Марксисты переняли эту установку, распространив ее на систему К. Маркса. Поэтому антидогматическая установка К. Маркса проводится только в теории, а не в практике ортодоксального марксизма, диалектика же используется марксистами, по примеру энгельсовского «Анти-Дюринга», главным образом в апологетических целях – для защиты от критики. Как правило, критиков хулят за неумение понять диалектику – эту пролетарскую науку – или за предательство. Благодаря диалектике, антидогматическая установка была оставлена и марксизм утвердился как догматизм, и догматизм достаточно гибкий,

чтобы с помощью диалектического метода уклониться от всякой животворной критики. Таким образом, он превратился в то, что я назвал железобетонным догматизмом.

Однако для развития науки, – заключает К. Поппер, – нет большего препятствия, чем такого рода догматизм. Не может быть развития науки без свободного соревнования мыслей – такова сущность антидогматического подхода, когда-то столь решительно отстаиваемого К. Марксом и Ф. Энгельсом. Вообще говоря, свободное соревнование научных идей невозможно без свободы мышления как такового. Таким образом, диалектика сослужила дурную службу не только для развития философии, но и для развития политической теории» [10, с. 550-551].

Нужно заметить, прежде всего, что в этой критике К.Поппера внимание сосредоточено не на том, что говорили К. Маркс с Ф. Энгельсом, а на том, что стали говорить их адепты – «ортодоксальные марксисты», которые действительно, на определенном этапе развития, впали в жесткий догматизм и потому вполне заслужили упреки, высказанные К.Поппером. Поэтому вопрос может заключаться только в том, действительно ли в самой теории К. Маркса содержится тот «фатальный недостаток», что она основана на гегелевской диалектике, которая якобы и делает ее совершенно «непотопляемой» – недоступной для любой критики, а, следовательно, – ненаучной?

На наш взгляд, есть достаточно оснований полагать, что это не так и что в марксистской теории самой по себе вовсе нет ничего диалектического. Она представляет собой самую обычную – «метафизическую» (в смысле недиалектическую) – теорию, которая всего лишь «кокетничает», по словам самого К. Маркса, гегелевской терминологией, на деле же не содержа в себе диалектики Г.В.Ф. Гегеля. Правда, выше мы и сами привели одно из свидетельств в пользу того, что использование диалектической логики в рамках мышления К. Маркса действительно имело место. Далее мы постараемся показать, что делал он это не вполне сознательно, и, если и прибегал к ее понятиям и законам, то делал это случайным и не вполне адекватным образом. И то же самое, на наш взгляд, можно сказать и о Ф.Энгельсе, несомненно, проявлявшем гораздо больший интерес к этой проблеме и даже пытавшемся изложить свою версию «диалектического материализма» в одноименной рукописи, впрочем, так и оставшейся в черновиках.

В самом деле, известно, что сам К. Маркс никогда явно не формулировал принципы своего «диалектического» метода, но он иногда делал это косвенно, позволяя говорить за себя другим. Так, в частности, в Послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» он цитирует русского экономиста И.И. Кауфмана, описывающего «метод Маркса»: «Иному читателю, – писал И.И. Кауфман, – может при этом прийти на мысль и такой вопрос ... ведь общие законы экономической жизни одни и те же, все равно, применяются ли они к современной или прошлой жизни? Но именно этого Маркс не признает. Таких общих законов для него не существует ... По его мнению, напротив, каждый крупный исторический период имеет свои законы ... Но как только жизнь пережила данный период развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает управляться уже други-

ми законами. Словом, экономическая жизнь представляет нам в этом случае явление, совершенно аналогичное тому, что мы наблюдаем в других разрядах биологических явлений ... Старые, экономисты не понимали природы экономических законов, считая их однородными с законами физики и химии» [7, с. 20-21].

Приведя рассуждения И.И. Кауфмана, К.Маркс замечает: «Автор, описав так удачно то, что он называет моим действительным методом, и, отнесшись так благосклонно к моим личным приемам применения этого метода, тем самым описал не что иное, как диалектический метод» [7, с. 21].

Однако это его замечание способно вызвать только недоумение. Все это не имеет никакого отношения не только к диалектическому методу, но и просто к научному методу вообще. Не может быть никаких частных законов, которые не имели бы под собой общих законов. Частного без общего вообще не существует. Все это, повторяем, полный вздор (объясняющийся, может быть, только тем, что оба фигуранта этого обсуждения – И.И. Кауфман и К. Маркс – смешивают неизменные объективные экономические законы с социальными порядками, которые в истории, действительно, постоянно меняются, – иначе говоря, смешивают объективные законы природы с субъективными юридическими законами, – с законодательством).

При этом, конечно, верно, что домарксовские экономисты приписывали первобытному обществу те социальные порядки, которые они наблюдали в современном им обществе. Они принимали частное и особенное за всеобщее, что было их ошибкой, но само их стремление найти такое общее было совершенно правильным, и грубейшей ошибкой является как раз отказ от поисков такого всеобщего. И, во всяком случае, такой отказ невозможно приписать ни самому Г.В.Ф. Гегелю, ни его диалектике. На этом основании, скорее, наоборот, нужно прийти к выводу, что К.Маркс не в полной мере понимал, что собой представляет гегелевская диалектика в качестве методологии познания.

В своей критике гегелевской логики К.Поппер сосредоточил все внимание на том, что эта логика отвергает закон противоречия в качестве необходимой методологической основы мышления (познания) и, что еще более важно, – основы всякой рациональной критики. Г.В.Ф. Гегель действительно отвергает этот закон мышления и противопоставляет ему противоположный принцип: что непротиворечиво, то неистинно. Иначе говоря, гегелевская логика требует противоречивости как необходимого условия истинности теоретического мышления, тогда как традиционная логика требует, наоборот, его непротиворечивости. И в этом действительно заключается основной пункт спора между традиционной (аристотелевской) и диалектической (гегелевской) логикой.

Сам К.Поппер однозначно решает этот спор в пользу первой. На каком же основании он это делает? На том основании, что закон противоречия якобы является необходимым условием любой критики. Ибо любая критика, по К.Попперу, – это именно указание на противоречия в той или иной теории. Если «отнять» у ученых закон противоречия, то никакая критика станет вообще невозможной. А значит – станет невозможной и сама наука! Ибо наука, согласно К.Попперу, развивается только посредством критики.

Верно, конечно, что наука развивается посредством критики, но этого не отрицал и сам Г.В.Ф. Гегель. Более того, у него тоже наука развивается именно посредством критики, причем тотальной.

Но как же возможна критика без апелляции к противоречиям? К. Поппер считает это невозможным. При этом в отношении любой теории он указывает на существование трех видов противоречий. Во-первых, – это могут быть противоречия в рамках самой научной теории. Если в ней можно вывести некоторое утверждение и его отрицание, то такая теория сразу же бракуется по формальным основаниям (без обращения к опыту и фактам), так как в ней нарушается закон противоречия. Последний здесь выступает в качестве формального негативного критерия истинности теории. Не может быть истинной теории, если она противоречива.

Мы должны, однако, заметить, что классическая теория (понятие) истины (истинности) вовсе не накладывает столь сильных ограничений на наше знание. Согласно этой теории, истина есть знание, соответствующее своему предмету. В ней не говорится, что истина – это непротиворечивое знание. Более того, если предмет познания сам по себе противоречив, то и знание, чтобы быть истинным относительно этого предмета, тоже обязано быть противоречивым. Иначе оно не будет соответствовать своему предмету, а значит – не будет истинным знанием о нем. Именно так и подходит к делу гегелевская логика. Утверждая, что все сущее в этом мире противоречиво, несет противоречие в себе, она именно поэтому и от знания требует быть противоречивым – иначе оно не будет истинным!

Второй вид противоречий, выделяемых К.Поппером, – это противоречия между теориями и фактами. Сама теория может быть формально непротиворечивой, но если она противоречит фактам, то она тотчас признается ложной, несмотря на свою непротиворечивость, и на этом основании тоже бракуется. Таким образом, противоречие между теорией и фактами признается более сильным, чем формальная непротиворечивость самой теории. Но это тоже вполне согласуется и с точкой зрения гегелевской логики – именно на этом основании она и требует от знания быть противоречивым. Если факты противоречивы, то должна быть противоречивой и объясняющая их теория.

Наконец, третий вид противоречия, рассматриваемый К.Поппером, – это противоречия между двумя теориями. Если мы имеем две одинаково непротиворечивые теории, которые, однако, противоречат друг другу, то мы должны выбрать из них только какую-то одну, а именно ту, которая соответствует фактам. Таково требование, вытекающее из признания закона противоречия и основанной на нем традиционной логики и методологии науки, принимаемой и отстаиваемой К.Поппером.

Но как же быть ученому в том случае, когда обе противоречащие друг другу теории в одинаковой степени подтверждаются фактами? Для современной науки такой случай не представляет собой чего-то экзотического. Известно, например, что есть две противоречащих друг другу теории световых явлений: одна из них, идущая от И.Ньютона, утверждает, что свет – это корпускулы (фотоны). А другая, идущая от О.Ж.Френеля, настаивает на том, что свет – это не корпускулы, а волны. В любом случае, и волновая, и корпуску-

лярная теории света одинаково хорошо согласуются с фактами и, следовательно, одинаково хорошо опровергаются ими же. Факты, подтверждающие волновую теорию света, тем самым опровергают его корпускулярную теорию, а факты, подтверждающие последнюю, опровергают его волновую теорию. На этом основании невозможно выбрать ту или иную из них, и современной науке не остается ничего иного, как признать истинными их обе.

Но не является ли это опровержением самого требования непременного выбора только одной из двух противоречащих друг другу теорий? Конечно, является. И сам К.Поппер просто обязан был признать в данном случае, что его методология, основанная на законе противоречия, не работает, что она неадекватна научному познанию и является методологическим препятствием к достижению истины.

Разобрав случай с этими двумя теориями света и признав, что нужно принять их обе, более того, даже согласившись, что в данном случае диалектическая логика оказывается более адекватной методологией, чем теория, запрещающая противоречия, он, тем не менее, делает только тот вывод, что «мы должны внимательно следить за тем, чтобы не приписать ей (диалектике – *авт.*) лишних достоинств» [10, с. 520]. Уклонившись, таким образом, от признания поражения своей методологии, – ведь обе эти теории опровергнуты фактами и обе должны быть отброшены! – К.Поппер снова возвращается к ней, как ни в чем ни бывало, и продолжает настаивать на ее универсальной значимости и незаменимости.

Но не делает ли он тем самым свою теорию тоже «непотопляемой» и, стало быть, ненаучной? Последнее, видимо, просто не приходит ему в голову.

Тем не менее, для всякого непредвзятого ума, рассматривающего вышеописанную коллизию, проблема здесь действительно существует и требует какого-то внятного решения. С одной стороны, противоречия существуют и даже допускаются в такой «эталонной» и ушедшей, по всеобщему мнению, далеко вперед от всех прочих науке, как современная теоретическая физика; а, с другой, – если допустить противоречивые теории, то это будет означать не только крах всех попыток критиковать их (как можно критиковать противоречивые построения?!), но и крах самой теоретической науки как таковой (ведь из противоречащих друг другу посылок можно вывести все, что угодно!) [6].

На наш взгляд, решение всех этих затруднений и парадоксов имплицитно содержится в рассмотренном выше случае с физической теорией световых явлений. Противоречие там допускается не в рамках самих теорий, а в рамках лишь всей науки о них в целом (в рамках всей оптики). Каждая из двух теорий – корпускулярная и волновая – оставляется внутренне непротиворечивой (иначе невозможно логическое выведение всех следствий из принимаемых ею постулатов), но одновременно с этим признается, что и противоположная ей непротиворечивая теория тоже обладает объективной значимостью, поскольку она тоже подтверждается опытом (фактами). Более того, признается, что ни одна из этих теорий не способна по отдельности выразить истину, и только обе они вместе эту истину выражают. Тем самым признается справедливость гегелевского принципа – что не противоречиво, то не истинно. Но вместе с тем признается и необ-

ходимость непротиворечивого развития каждой из сторон этого противоречия в противоположные друг другу непротиворечивые теории.

Так, противоречие переносится из сферы отдельной теории (которые оставляются непротиворечивыми) в сферу их высшего единства, составляющего науку. Противоречивыми должны быть науки в целом, а не отдельные, составляющие их теории. Ведь наука – это и есть некоторое сложное единство: 1) накопленных и проверенных ею фактов; 2) различных теорий, призванных объяснять эти факты; 3) различных методов сбора этих фактов, построения этих теорий и организации всей науки в целом. Диалектика, таким образом, является логикой развития (и методом организации) всей науки в целом, но не методом построения ее отдельных теорий и их проверки. Ею руководствуется (должна руководствоваться) вся наука в целом, но не отдельный ученый, создающий конкретную теорию.

Если мы обратимся теперь к самому создателю диалектической логики – Г.В.Ф. Гегелю, то увидим, что он и действительно трактовал ее именно таким образом. В самом деле, его «Лекции по истории философии» описывают нам противоречивое развитие самой философии в целом как особой науки, а не развитие какой-либо отдельной философской теории. Он понимал, в частности, что те же Платон с Аристотелем, например, не противоречили сами себе (стремились не к этому, а к непротиворечивости своих построений), но они противоречили друг другу и другим философам, которые, в свою очередь, противоречили им и всем другим авторам различных теорий. По сути, противоречивой внутри себя была вся наука, а не ее отдельные теории. И именно эти противоречия между всеми учеными и их взаимная критика теорий и двигали всю науку по пути развития знания в целом. Никакая отдельная теория не способна выразить истину познаваемого всей наукой предмета – ее способна достигать только вся наука в целом, взятая во всей совокупности своих теорий, фактов и методов. Посему, диалектика как логика науки не только не устраняет критики, но, наоборот, она требует ее, причем – тотальной.

Здесь будет полезно коснуться кратко и одного бытующего заблуждения – об относительной незрелости (или несовершенстве) социального познания, по сравнению с познанием естественнонаучным. Проявление этой незрелости видят обычно в том, что гуманитарии и до сих пор все еще не могут никак договориться между собой даже и по самым принципиальным вопросам их наук, тогда как среди физиков и химиков, например, давно уже якобы достигнут консенсус чуть ли не по всем принципиальным вопросам.

Американский ученый Л.Лаудан, исследовавший консенсус и диссенсус в науках, описывает устоявшийся предрассудок. «Большая часть ученых, – пишет он, – работающих в какой-либо области или подобласти естествознания, вообще говоря, обычно находится в согласии относительно подавляющего числа посылок своей дисциплины. Они обычно находятся в согласии относительно многих объясняемых явлений и широкого класса количественных и экспериментальных методик, служащих для установления «фактуальных утверждений». Кроме этого согласия в сфере того, что подлежит объяснению, имеется согласие на уровне объяснительных и теорети-

ческих сущностей. <...> Интуитивная мера этой колеблющейся степени согласия проистекает из сравнения естественнонаучных учебников с текстами, скажем, по философии и социологии. (И такие сравнения послужили для философов и социологов, аккуратно наблюдавших за наукой, отправной точкой для заключения о высокой степени консенсуса в естественных науках). Философы печально известны своими дебатами по фундаментальным вопросам философии, и между конкурирующими школами философов очень мало согласия даже по периферийным вопросам.

Неудивительно поэтому, что тексты, написанные, скажем, томистами, имеют очень мало общего с текстами, написанными позитивистами. Социологи подобным же образом разделены на ряд воюющих лагерей, причем до такой степени, что существуют вопиющие различия в учебниках, написанных, скажем, марксистами, герменевтиками, феноменологами, функционалистами и социометриками. Естественные науки не таковы, и это отмечали многие философы, социологи 50-60-х годов» [4, с. 486-487]. Между прочим, если перевести этот предрассудок на язык методологии «критического рационализма», то гуманитариев следовало бы, наоборот, хвалить за бескомпромиссную критичность по отношению к теориям друг друга, а физиков, наоборот, следовало бы порицать за излишний конформизм.

Другое дело, что этот взгляд на положение дел в науке не соответствует действительности, и на самом деле и в естествознании мы имеем ничуть не меньше противоречий в теоретических подходах, чем в области социально-гуманитарного знания. Если же учесть еще и то, что сам предмет естествознания по своей природе неизмеримо беднее предмета социально-гуманитарных наук, то, наоборот, уже и то количество противоречий, которое имеется в области естествознания, покажется нам уже чем-то удивительным и чрезмерным.

«Теории в науке, – отмечает тот же Л. Лаудан, – изменяются быстро – общим местом является то, что вчерашняя научная фикция становится сегодняшней ортодоксией. Однако иногда эти изменения могут обернуться продолжительными перепалками, приводящими к основательным разделениям внутри научного сообщества по вере и верности. Все упомянутые расколы были расколами между видными учеными, между теориями, длились по нескольку десятилетий, и не было счета разумной аргументации с обеих сторон. Ситуации, вроде упомянутых, – заключает Л. Лаудан, – ясно показывают, что, какая бы сила ни исходила от правил и норм науки, они на самом деле недостаточны, чтобы разрешить быстро и определенно эти дискуссии» [4, с. 489].

С нашей же точки зрения, отсюда следует совсем другой вывод: «сила, исходящая из правил и норм науки» и является глубинной причиной всех этих разногласий, поскольку наука стремится постичь истину своего предмета, а все предметы в этом мире противоречивы. Не сварливый характер ученых заставляет их постоянно ссориться между собой и критиковать друг друга, а сам предмет их исследования и требование стремиться к истине. Каждый ученый стремится построить непротиворечивую теорию предмета, но у всех вместе это получиться не может, поскольку истина противоречива. Поэтому и споры между ними неизбежны в естествознании

не меньше, чем в социальных и гуманитарных науках. Следует видеть в этих противоречиях норму и истину, а не досадное отклонение от таковых.

Конечно, не возбраняется (и было бы желательным), чтобы и сами отдельные ученые, создающие те или иные теории, учитывали требования диалектической логики и не пытались бы во что бы то ни стало уничтожить (опровергнуть) теории других ученых, исходящих из противоположных по отношению к ним принципов. Более того, было бы хорошо, чтобы они даже и приветствовали создание и развитие таких теорий, понимая, что истина достижима только их совместными усилиями, хотя они и противоречат друг другу. Это и было бы на деле следованием принципам диалектической логики как методологии научного познания [6, с. 109].

Применяя теперь это мерило к теории К. Маркса и Ф. Энгельса, легко заметить, что они на деле следовали противоположной логике, а именно, – старались во что бы то ни стало доказать, что теории, исходящие из противоположных по отношению к ним принципов, – ложны. В частности, они отвергали гегелевский (или контовский) подход к развитию общества как «идеалистический», все теории стоимости в экономической науке, противоречащие их «трудовой теории» – как «вульгарные»; все индивидуалистические теории общества, противоречившие их холистическому принципу, – как «буржуазные» и т.д. Тем самым они на деле отказывались следовать диалектической логике.

Кроме того, диалектическая логика, в том виде как изложил Г.В.Ф. Гегель, требует разрешения противоречия в синтезе противоположностей, в их «примирении», посредством которого противоречие ни в коем случае не уничтожается, а лишь «снимается», то есть одновременно и устраняется, и сохраняется. В марксистском же подходе упор делается именно на уничтожении самого противоречия посредством уничтожения одной из противоположностей. Именно из такой логики и следовал у К. Маркса с Ф. Энгельсом вывод, что грядущей социальной революцией принцип частной собственности в обществе будет совершенно уничтожен и общество перейдет полностью к принципу общественной собственности. С точки зрения логики Г.В.Ф. Гегеля, такое попросту невозможно (ибо противоречивость неустранима), и, в лучшем случае, можно говорить лишь о примирении обоих этих принципов и о нахождении некоторого разумного сосуществования между ними. Гегелевское положение о том, что истина конкретна, означает то, что она есть единство противоположностей, а вовсе не победа одной из них.

Но диалектическая логика не является той логикой пролиферации всех и всяких теорий, к которой, в конце концов, пришла и антидиалектическая – позитивистская – методология, развивавшаяся параллельно советской в западной философской мысли. От так называемого методологического анархизма (П. Фейерабенд) она отличается тем, что в ней допускаются не все и не всякие теории (объяснения), которые могут взбрести кому-либо, а лишь те (и только те), которые являются развитием логически противоположных принципов, по отношению к уже проверенным теориям, и остающиеся при этом полностью в рамках самой науки с соблюдением всех основных требований к научному познанию (объективность, рациональность, обоснованность, истинность). В согласии с этими требованиями, критерием

истинности научного познания признается лишь сама объективная реальность, не зависящая в своем бытии от нашего познания оной. Ее право на вынесение окончательного приговора в отношении любых теорий никем не может оспариваться. Не субъект должен решать, что есть истина, а сама объективная реальность должна проявить себя.

Поэтому и сама по себе противоречивость науки не является окончательным доводом в пользу ее истинности. Из истории науки хорошо известно, что во многих случаях противоречие оказывалось неистинным, не подтверждавшимся опытом, и потому одна из двух конкурировавших теорий должна была признать истинность ее соперницы (так, были отброшены теории теплорода, флогистона, теория гомункулов и др.). Иначе говоря, диалектическая логика не может применяться бездумно и так сказать механически. Она так же, как и традиционная логика, не может служить органоном научного познания. Но она может предотвращать ложные направления развития в различных науках, экономя при этом значительное количество усилий ученых, растрачиваемых обычно на бесплодные споры и нереализуемые в принципе научные программы.

Библиографический список

1. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. – М., 1992. – 608 с.

2. *Brzezinski Z.* Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. – New York, 1971. – 355 p.

3. *Комаров, С.А.* Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 502 с. – (Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс).

4. *Лаудан Л.* Наука и ценности //Философия науки: Эпистемология. Методология. Культура: Хрестоматия: Учеб. пос. для вузов /Отв. редактор-составитель Л.А. Микешина. Научный ред. Т.Г. Щедрина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. – 445 с.

5. *Ленин В.И.* Три источника, три составные части марксизма // Полное собрание сочинений, 5-е изд., том 23. – С. 43-48.

6. *Мамедов А.К.* Эпистемология социального познания. – М.: Канон+, 2017. – 223 с.

7. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. – Т. 1. – М., 1969.

8. *Мизес Л.* Бюрократия. Антикапиталистическая ментальность. Запланированный хаос. – М., 1993. – 240 с.

9. *Мизес Л.* Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. – М., 2001. – 295 с.

10. *Поппер К.* Предположения и опровержения: Рост научного знания: Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство Аст»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 638 с.

11. См: подроб.: *Семенов Ю.И.* Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М., 2003. – 776 с.

12. *Тош Дж.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. – М., 2000. – 296 с.

УДК 34.07
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.111.1.005

Полицейская реформа как элемент системы Великих реформ Александра II

Т.Ю. Копосова*

Аннотация. Великие реформы Александра II носили системный характер. Реформа полиции в соответствии со своими теоретическими источниками и организационно-правовыми предпосылками лишь отчасти соответствовала уровню преобразований государственных и правовых институтов империи.

Ключевые слова: полиция, реформа, государство, право, управление.

Police reform as an element of the great reforms of Alexander II

Annotation. The great reforms of Alexander II were systemic in nature. The reform of the police in accordance with its theoretical sources and organizational and legal prerequisites only partly corresponded to the level of transformation of the state and legal institutions of the Empire.

Keywords: police, reform, state, law, management.

Государственно-правовая деятельность по подготовке, осуществлению и мониторингу результатов широкомасштабных и всесторонних реформ в России второй половины XIX в. составляет одну из наиболее важных и поучительных страниц истории отечественного государства и права. По масштабу они сравнимы с реформами Ивана IV, Петра I и Екатерины II, однако далеко превосходят последние по своей целенаправленности, комплексности, теоретическому обоснованию и широте общественного обсуждения. Именно поэтому Великие реформы Александра II продолжают оставаться важными и актуальными для современной историко-правовой науки.

Разумеется, крестьянская, судебная, военная, цензурная, налоговая, банковская, образовательная реформы Александра II, реформы местного самоуправления и государственного управления отличались по своему масштабу и степени влияния на социальные процессы. Различным был и масштаб их предварительного обсуждения в обществе: от беспрецедентного по гласности и широте обсуждения в печати 1850-х гг. целей и путей

* *Копосова Татьяна Юрьевна*, адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России. E-mail: disse77@bk.ru

Koposova Tatyana Yurievna, adjunct of St. Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia.

образовательной реформы до практически закрытой от общественности подготовки военной реформы. Тем не менее можно с полной уверенностью утверждать: реформы носили системный характер, что имело результатом соответствующие преобразования или хотя бы частичные изменения всех, без исключения, социальных, государственных, правовых институтов.

Успех модернизации Российского государства во многом зависел от решения задачи поддержания в обществе режима законности, от развития современных для того времени форм контроля за социальными процессами и оперативного пресечения антигосударственной деятельности. Основная ответственность за решение этих задач возлагалась на действующие полицейские структуры, поэтому необходимость глубоких и всесторонних реформ полиции была обусловлена всем комплексом тенденций экономического, политического, социального и духовного развития предреформенной России.

В эпоху Великих реформ успех реформы полиции определялся соблюдением двух основных условий. Первое – обеспечение преемственности со сложившимися в истории го-сударства традициями правоохранительной деятельности, что предполагало реалистический подход в понимании социально-политических оснований и пределов возможных реформ полиции, а также осознание необходимости назревших изменений, непосредственно связанных с особенностями развития полиции в предшествующую эпоху. И второе – обеспечение точного, научно обоснованного понимания задач и целей реформы полиции, перспектив ее модернизации с тем, чтобы соответствовать общеевропейскому уровню организации правоохранительной деятельности и ее нормативно-правовых основ.

С этой точки зрения идеи европейских полицеистов (в первую очередь Н. Даламара, И.Г. Юсти, Й. Зон-нефельса, Р. Моля и Л. Штейна) имели исключительно важное значение для развития представлений об организационных и правовых основах современной полиции в России. Главные работы Р. Моля и Л. Штейна были переведены на русский язык. Рецепция их идей имела место не только в академической науки России, но и в самой значительной степени эти идеи использовались при разработке Великих реформ Александра II.

Развивая идеи немецких полицеистов, профессор Санкт-Петербургского университета И.Е. Андреевский разрабатывает учение о полиции как о сложной системе механизмов государственного управления, которое во многом сыграло роль теоретического обоснования реформы полиции. Он утверждает, что «изучить положительное полицейское законодательство», значит «представить его систематически, с показанием обстоятельств и причин, вызывающих именно такие-то законы и предписания, разъяснить их началами, представляемыми наукой полиции» [1, с. 5]. Пожалуй, именно основоположник российской полицеистики И.Е. Андреевский наиболее глубоко понял основную задачу полицейской реформы. Он писал: «Самый важный элемент, который должна провести реформа, это открытие возможности для создания такой полицейской административной практики, при которой могла бы родиться гармония полицейской деятельности общины (села и волости), земства и органов земской полиции» [2, с. 16].

Как нам представляется, именно И.Е. Андреевский произнес здесь ключевое слово – «гармония», обозначив тем самым необходимость добиться системного подхода и к организации самой полиции, и к формированию системы ее взаимодействия с государством и обществом. Важно отметить, что ключевым направлением этой системной реформы русский полицеист видел именно «гармонизацию» исторически сложившегося в России взаимодействия полиции как института государственной власти с органами местного самоуправления, причем как со стороны выполнения последними своих прямых социально-экономических функций, так и со стороны выполнения земствами отдельных полицейских функций, которые возлагались на них государством. Не будет ошибкой сказать, что И.Е. Андреевский ближе всего подошел к пониманию задачи системной модернизации полиции, если говорить языком современной правовой науки.

Возможность разработки теоретико-правового фундамента сближения учения о функциях полиции с теорией местного самоуправления была обусловлена также тем обстоятельством, что в дискуссии XIX в. относительно «общественной» или «государственной» сущности местного самоуправления приоритет получила концепция, отстаивавшая представление о том, что власть органов местного самоуправления является результатом делегирования им частично государственной власти [3, с. 488-499]. В основе такого подхода лежали идеи Л. Штейна, а также другого немецкого ученого того периода Р. Гнейста. Имели определенное влияние и идеи крайне популярного в то время в России Г.В.Ф. Гегеля, который в своей «Философии права» рассматривал полицию именно как институт гражданского общества [4, с. 265-266], нравственная идея которого воплощена в государстве [5]. В России точку зрения «государственной» концепции местного самоуправления отстаивали такие крупные и авторитетные ученые-юристы как А.Д. Градовский, В.П. Безобразов, Н.И. Лазаревский, Н.М. Коркунов.

Указанные подходы, основанные на стремлении выделить и обосновать специфические функции полиции и определить ее роль в системе отношений личности, общества и государства, стали своего рода лейтмотивом русской полицеистики. Так, выдающийся ученый-юрист И.Т. Тарасов видел главную перспективу полиции именно в ограничении ее функций с тем, чтобы дать полиции возможность сосредоточиться на решении задач правоохранительной деятельности. В той мере, в какой реформа полиции шла по этому пути, удавалось добиться, говоря современным языком, ее функциональной оптимизации: «Подводя итоги полицейской реформы, мы можем без колебания сказать, что значительное сокращение компетенции полиции не только не ослабило последней, но она вышла из эпохи преобразований с более интенсивной и централизованной властью…» [6, с. 11].

Однако к началу подготовки Великих реформ как правовая наука России, так и устоявшийся комплекс взглядов на этот вопрос в правительственных кругах основывались преимущественно на широкой трактовке функций полиции, следовавшей, в свою очередь, из расширенного понимания полицеистики как науки об административном управлении в целом. При этом ни у правящих кругов России, ни у представителей общественности не вызывала сомнения необходимость широких преобразований исто-

рически сложившегося института полиции с тем, чтобы он отвечал и практическим задачам государственного строительства, и новейшим теоретико-правовым исследованиям в этой области. Очевидная архаичность организации полиции и несовершенство ее нормативно-правовой базы требовали, однако, не просто преобразований, а подлинной модернизации как организационных форм, так и правовых основ деятельности полиции. Масштаб этих задач осознавался, конечно же, далеко не всеми правоведами и практиками-реформаторами.

С позиций историко-правовой науки, позволяющей оценить замыслы и результаты реформы полиции, можно определить основные признаки такой модернизации в качестве оптимального и желаемого результата этих реформ. На наш взгляд, реформированная полиция должна была в итоге:

– во-первых, соответствовать уровню преобразований государственных и правовых институтов империи, осуществляемых в ходе Великих реформ;

– во-вторых, эффективно противостоять резкому подъему преступности, неизбежному в условиях перехода к новому экономическому укладу, связанному с масштабными социальными изменениями (кризис сельской общины, постепенное разорение дворянства, переезд значительной массы крестьянства в города, влекущий за собой разрушение традиционного уклада жизни, и т.п.). В результате реформ темпы роста преступности стали превышать рост населения более чем в два раза [7, с. 5];

– в-третьих, иметь возможность эффективно противодействовать все более усиливающемуся революционному движению, получившему в результате Великих реформ широкую социальную базу в лице формирующегося пролетариата.

Модернизация полиции в то время могла выражаться, по меньшей мере, в таких результатах, как:

– объединение всех полицейских сил империи, высокий уровень систематической координации их деятельности с другими органами государственной власти и структурам общественного самоуправления, непосредственно входящими в правоохранительную систему Российской империи или причастными к реализации правоохранительной функции государства;

– формирование единой сети подразделений полиции для проведения оперативно-розыскных действий на регулярной основе; институциональное обеспечение выполнения полицией функции профилактики уголовных и политических преступлений;

–повышение уровня грамотности низового состава и профессиональной подготовки руководящего состава полиции, формирование профессионального правосознания сотрудников полиции.

Все эти задачи в той или иной форме и степени осознавались разработчиками реформ, но ни одна из них не была выполнена полностью. Реформа полиции осуществляясь параллельно другим реформам Александра II, носила по сравнению с ними менее масштабный, менее комплексный характер. Наибольший результат был достигнут на пути оптимизации нормативно-правовой базы деятельности полиции, хотя проблема, оставшаяся в наследие от предшествующего периода, связанная с чрезмерным числом

нормативных документов, в общем и целом не была решена. Кроме того, «Временные правила об общем устройстве полиции в городах и уездах, по общему учреждению управляемых» также нельзя считать полноценным «законом о полиции». Организационные преобразования носили половинчатый характер, относились преимущественно к низовому (уездному) уровню, и так и не были до конца завершены. Вместе с тем следует признать, что в ходе реформ полиции была все же решена ее основная тактическая задача, непосредственно обусловленная сложившимися социально-политическими предпосылками: эффективно противостоять резкому подъему преступности, связанному с масштабными социальными изменениями, вызванными Великими реформами. Ситуация находилась под контролем полиции, но в основном за счет чисто организационных решений, связанных с увеличением числа личного состава, а не за счет качественных изменений в организационной структуре полиции и ее нормативно-правовой базе, не за счет модернизации института полиции в целом.

Библиографический список

1. *Андреевский И.Е.* Полицейское право. – Т. 1. – СПб., 1871. – CCLXXIII + 543 с.

2. *Андреевский И. Е.* Реформа исполнительной полиции в России. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, ценз. 1878. - 16 с.

3. Русское государственное право: Часть особенная. Т. 2 / Коркунов Н.М.; Под ред. и с доп.: Горенберг М.Б. – 6-е изд. – С.-Пб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. – 749 с.

4. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. – М., 1990. – 524 с.

5. *Масленников Д.В., Ревнова М.Б.* Отношение религии и государства в философии права Г.В.Ф. Гегеля // Юридическая мысль. – 2018. – № 1. – С. 20-25.

6. *Тарасов И. Т.* Полиция в эпоху реформ. – М., 1885: Февраль // Журнал гражданского и уголовного права: Февраль. Издание С.-Петербургского Юридического Общества. – С.-Пб.: Тип. Правительствующего Сената, 1886. – Кн. 2. – С. 154-157.

7. *Заводюк, С.Ю.* Развитие полицейских органов Российской империи во второй половине XIX - начале XX века. Учебное пособие / Заводюк С.Ю. - Саратов: СЮИ МВД России, 2004. - 68 с.

УДК 346.232
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.111.1.003

Особенности правового регулирования деятельности саморегулируемых организаций

С.Ю. Панин*

Аннотация: За последние несколько лет функционирования саморегулируемых организаций (СРО), в законодательстве РФ наметился определенный вектор развития, обусловленный повышенным вниманием государства к вопросам деятельности СРО и осуществления контроля за этими организациями. В этом контексте безусловно актуальным стало рассмотрение вопросов правового регулирования СРО в современном законодательстве Российской Федерации для осуществления практических целей реализации контрольных (надзорных) мероприятий по их деятельности.

Ключевые слова: саморегулируемые организации (СРО); предпринимательская и профессиональная деятельность; нормативное регулирование.

Some aspects and legal regulation of self-regulatory organizations

Annotation. Over the past few years, the functioning of self-regulatory organizations (SRO), in the legislation of the Russian Federation there has been a certain vector of development, due to the increased attention of the state to the activities of SRO and control over these organizations. In this context, it certainly important was the consideration of issues of legal regulation of the SRO in the current legislation of the Russian Federation to carry out the purposes of the implementation of the control (Supervisory) events on their activities.

Key words: self-regulatory organizations (SRO); entrepreneurial and professional activities; normative regulation.

В Российской Федерации практически во всех сферах предпринимательской и профессиональной деятельности активно внедряются и функционируют саморегулируемые организации. Поэтому законодатель (на федеральном и региональном уровнях) обратил особое внимание на особенности правовой регламентации данного института, что подтверждается целым рядом нормативных правовых актов. В настоящее время федеральных законов,

* *Панин Сергей Юрьевич,* аспирант кафедры теории и истории государства и права Автономной некоммерческой организации высшего образования «Московский международный университет». E-mail: panin_s_y@mail.ru. Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор С.А. Комаров.

Panin Sergey Yurievich, post-graduate student of the Department of theory and history of state and law of the Autonomous non-commercial organization of higher education «Moscow international university». Scientific supervisor – doctor of legal Sciences, Professor S. A. Komarov.

в которых упоминается возможность (а зачастую и обязанность) осуществления саморегулирования насчитывается около семидесяти.

Тенденция развития законодательства в сфере саморегулирования направлена на создание нормативно-правовой базы, которая бы обеспечила реализацию следующих целей: 1) снижение объема государственного регулирования за счет деятельности субъектов саморегулирования; 2) усиление ответственности субъектов предпринимательской деятельности перед потребителями производимых товаров (работ, услуг); 3) создание альтернативных механизмов разрешения споров субъектов саморегулирования и потребителей, саморегулирования и государства; 4) поддержание высоких стандартов предпринимательской деятельности и деловой этики; 5) защита предпринимательского интереса в отношении с государственными органами (предполагается, что при возникновении любого спора между федеральными (региональными) органами исполнительной власти и членом СРО защита данного участника возлагается на саму такую организацию); 6) снижение бюджетных затрат, связанных с государственным регулированием и контролем деятельности участников саморегулируемых организаций [6]. Однако, согласно Концепции развития механизмов саморегулирования, «…не все из заявленных целей в виду разных причин были достигнуты» [10].

Одновременно с этим, отсутствует централизованное регулирование деятельности института национальных объединений СРО, их полномочий, прав и обязанностей. Таким образом, цели создания нормативной основы в области саморегулирования на данный момент достигнуты не в полной мере.

Законодательной основой функционирования саморегулируемых организаций является Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг». В развитие и дополнение данного закона был принят ряд нормативных правовых актов (см. схема № 1).

Основной законодательный акт, определяющий процессы саморегулирования сфер предпринимательской и иной профессиональной деятельности – Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях». Данный закон дал начало реформированию государственной системы по регулированию предпринимательских отношений. В большинстве сфер рынка произошел переход от лицензирования к саморегулированию. Помимо общего закона о СРО, имеется ряд нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы саморегулирования в отдельных сферах предпринимательской и профессиональной деятельности. Нормы специального (отраслевого) законодательства определяют те или иные особенности СРО в отдельных отраслях, учитывают специфику таких отраслей, однако, существующий опыт нормативного регулирования показывает, что нормы специальных законов зачастую столь специфичны, что входят в прямой конфликт с нормами общего закона.

Федеральными законами, устанавливающими в соответствии с ч. 2 ст. 5 Федерального закона № 315-ФЗ, требования об обязательном членстве к субъектам предпринимательства в СРО, закрепляются «особые требования, связанные с целями, задачами, функциями организаций, к их участникам и, как следствие, особенности по осуществлению СРО контрольных (надзорных) мероприятий за своими членами, применение дисциплинар-

ной ответственности, а также особенности по осуществлению надзора со стороны государства за соблюдением СРО положений законов Российской Федерации в сфере саморегулирования» [26].

К указанным федеральным законам относятся:

– Федеральный закон от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» (в отношении саморегулируемых организаций ревизионных союзов сельскохозяйственных кооперативов) [17];

– Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в отношении саморегулируемых организаций арбитражных управляющих) [12];

– Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (в отношении саморегулируемых организаций оценщиков) [23];

– Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (в отношении саморегулируемых организаций аудиторов) [21];

– Градостроительный кодекс Российской Федерации (в отношении саморегулируемых организаций, основанных на членстве лиц, выполняющих инженерные изыскания; саморегулируемых организаций, основанных на членстве лиц, осуществляющих подготовку проектной документации; саморегулируемых организаций, основанных на членстве лиц, осуществляющих строительство) [4];

– Федеральный закон от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в отношении саморегулируемых организаций в области энергетического обследования) [25];

– Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (в отношении саморегулируемых организаций организаторов азартных игр в букмекерских конторах и саморегулируемая организация организаторов азартных игр в тотализаторах) [8];

– Федеральный закон от 2 ноября 2013 г. № 293-ФЗ «Об актуарной деятельности в Российской Федерации» (в отношении саморегулируемых организаций актуариев) [19].

Кроме того, отдельными федеральными законами предусмотрена возможность объединения субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности в СРО:

– Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в отношении саморегулируемых организаций медиаторов) [20];

– Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» (в отношении саморегулируемых организаций в сфере кадастровой деятельности) [7];

– Федеральный закон от 13 марта 2006 г. №38-ФЗ «О рекламе» (в отношении саморегулируемых организаций в сфере рекламы) [14];

– Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» (в отношении саморегулируемых организаций в сфере теплоснабжения) [18];

– Федеральный закон от 30 декабря 2008г. № 316-ФЗ «О патентных поверенных» (в отношении саморегулируемых организаций патентных поверенных) [13].

В описанную выше систему нормативного правового регулирования не вошли в силу соответствующих исключений в законе № 315-ФЗ СРО на профессиональном рынке ценных бумаг, акционерные инвестиционные фонды, управляющие компании и специализированные депозитарии инвестиционных фондов, паевые инвестиционные фонды и негосударственные пенсионные фонды, жилищные накопительные кооперативы, негосударственные пенсионные фонды, кредитные организации, бюро кредитных историй (см. схема 2). Помимо этого, в некоторых сферах действующее законодательство предусмотрело обязательное членство участников в специализированных негосударственных объединениях, однако такие объединения не обладают статусом СРО (к примеру, адвокатура и нотариат).

Указанными выше федеральными органами исполнительной власти, уполномоченными на осуществление государственного надзора, ведутся реестры СРО соответствующих сфер.

При этом Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, помимо ведения реестров СРО оценщиков и СРО арбитражных управляющих, на основании ст. 20 Федерального закона № 315-ФЗ ведет реестр саморегулируемых организаций, основанных на добровольном членстве субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности (далее также – «добровольные» СРО).

Кроме того, функции по нормативному правому регулированию отдельных вопросов, связанных с развитием саморегулирования, осуществляются и иными федеральными органами исполнительной власти, в частности, Минстроем России, Министерством здравоохранения Российской Федерации, Правительством Российской Федерации.

Являясь ответственным органом за выработку государственной политики и нормативно-правовое регулирование в сферах несостоятельности (банкротства), оценочной деятельности Минэкономразвития России также наделено полномочиями по утверждению федеральных стандартов оценки, федеральных стандартов профессиональной деятельности арбитражных управляющих, порядков ведения реестров членов саморегулируемых организаций оценщиков, ведения реестра арбитражных управляющих, ведения единого государственного реестра саморегулируемых организаций арбитражных управляющих и иными полномочиями. В рамках реализации функций по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере саморегулирования профессиональной и предпринимательской деятельности Минэкономразвития России на регулярной основе проводит оценку состоянии системы саморегулирования в Российской Федерации и различных аспектов ее функционирования [2].

В гражданском законодательстве определяются особенности гражданско-правового статуса СРО. Также Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» установил основу правового статуса саморегулируемой организации как разновидности некоммерческой.

Схема 1

Иерархия нормативной базы СРО

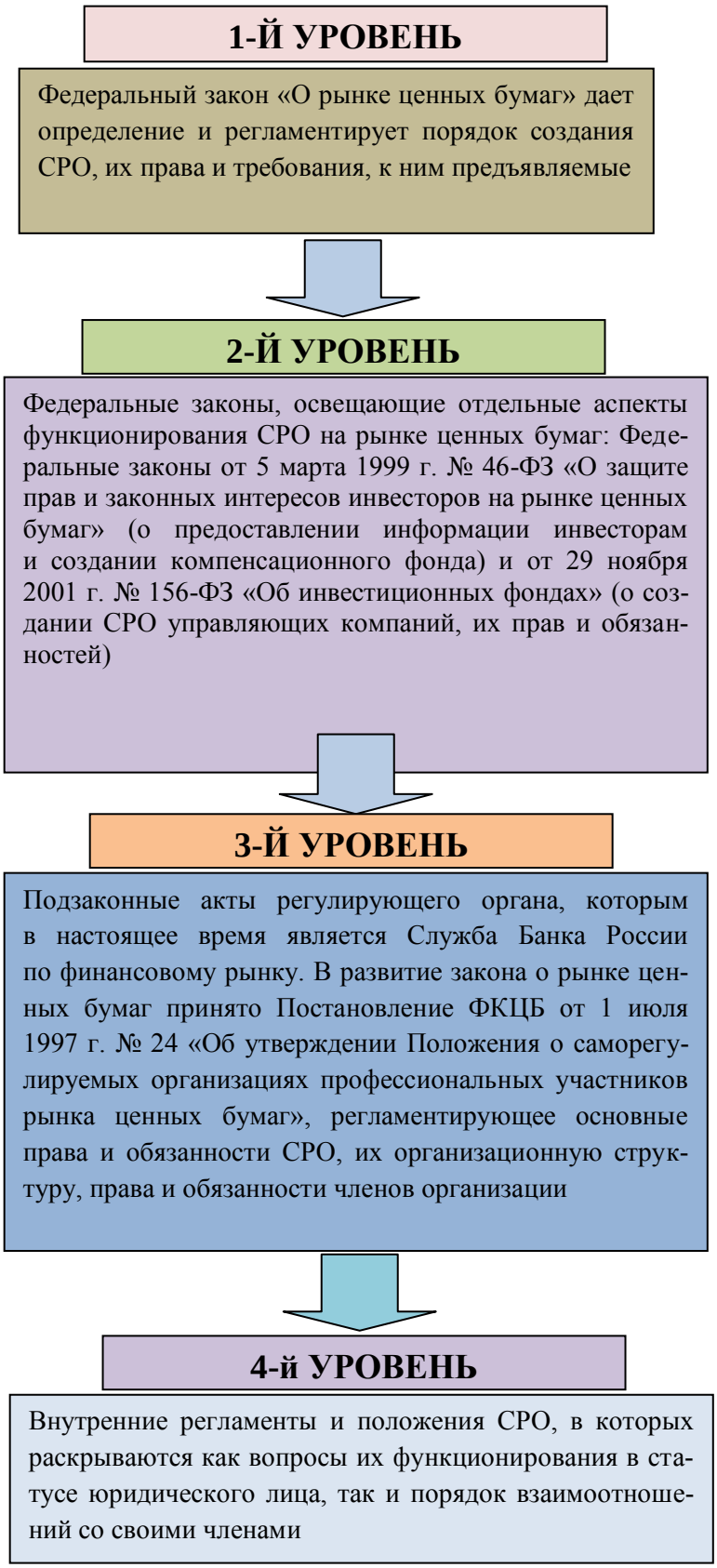
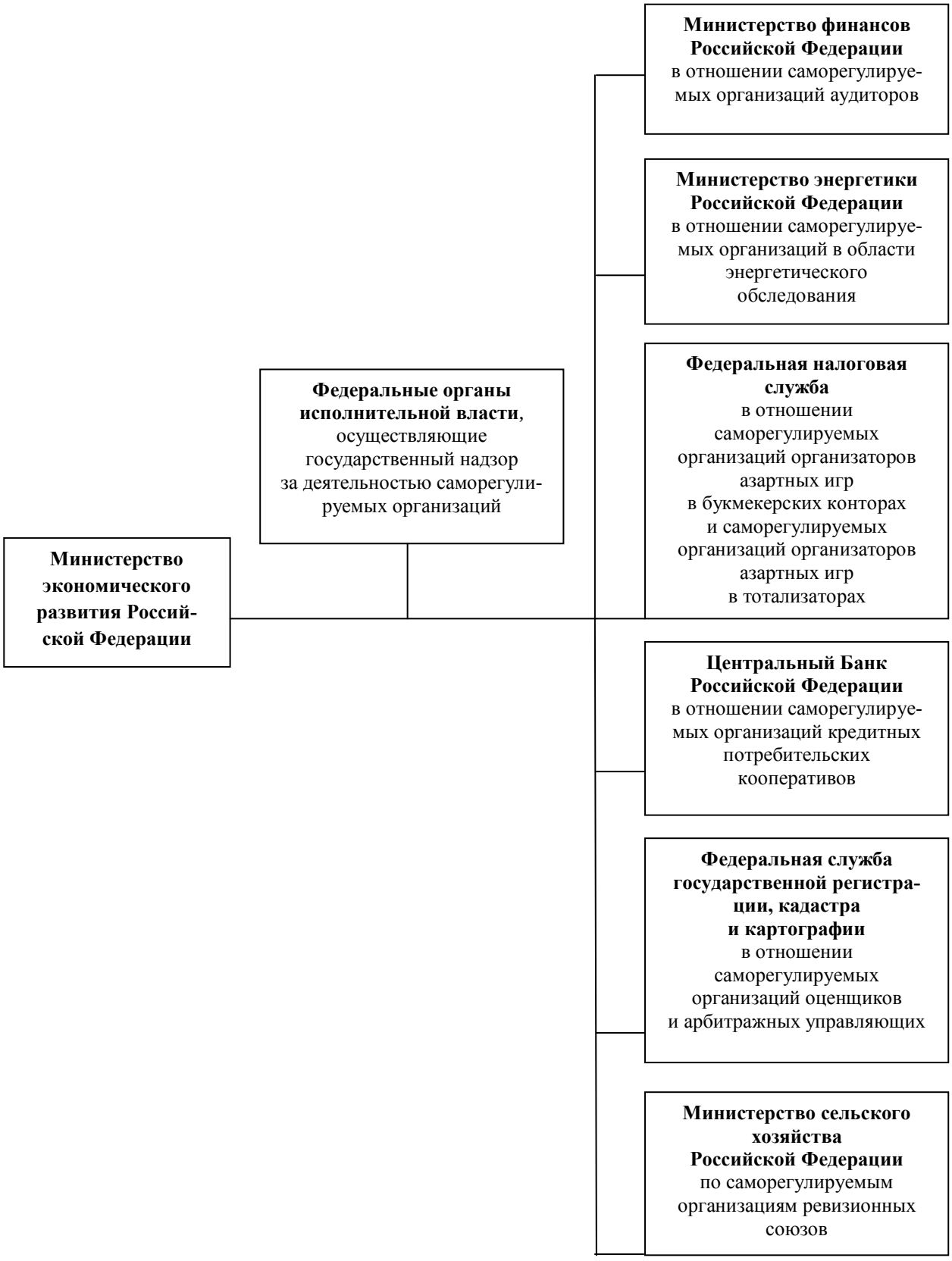


Схема 2

Система государственного управления сферой саморегулирования



Накопленный в России и в зарубежных государствах опыт соединения участников рыночной деятельности по профессиональному признаку послужил основой для появления закона о саморегулируемых организациях. Сложился ряд традиций в рассматриваемой сфере.

В научной литературе высказаны скептические мнения по поводу того, насколько положительно влияет данный закон на регулирование предпринимательских отношений. Анализ систем саморегулирования различных сфер показал, что работа тех СРО, где необходимо обязательное членство, в большинстве случаев является более эффективной.

В. К. Андреев задается вопросом: «Оправдано ли в принципе существование единого Закона о СРО в отрыве от того либо иного вида предпринимательства по продаже товаров или оказанию услуг?» [1]. Г. А. Гаджиев придерживается схожего мнения, говоря о принципе обеспечения дифференциации отраслей саморегулирования: «Особенность саморегулируемых организаций для каждой конкретной сферы определяется отдельно, например для строительной отрасли характерна высокая степень потенциального риска…» [3].

Полагаем, что принятие базового закона в сфере саморегулирования было продиктовано тем, что со временем все чаще в законодательных актах встречалось требование по обязательному членству в СРО. Это требование касалось субъектов различных сфер предпринимательства. Ввиду того, что саморегулирование пришло вместо лицензий, была необходима выработка единых подходов по правовой природе, требованиям к подобным организациям, процессам их легитимации, функциям и т.п. Это можно было совершить, только приняв единый закон, а уже потом предопределить дифференциацию норм в рамках специального законодательства.

Закон «О саморегулируемых организациях» в ч. 2 ст. 1 определяет особенности саморегулирования отдельных сфер предпринимательской и профессиональной деятельности посредством специального законодательства. Сюда можно отнести ГрК РФ [4], Федеральные законы от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [12], от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» [21], от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности» [23], от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [24], от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» [18], от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» [17], от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» [11], от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» [14] и др.

Закон «О саморегулируемых организациях» обладает ограниченной сферой применения. Сфера его действия не подпадает под саморегулируемые организации профессиональных участников рынка ценных бумаг, акционерные инвестиционные фонды, управляющие компании и специализированные депозитарии инвестиционного фонда, паевые инвестиционные фонды и негосударственные пенсионные фонды, жилищные накопительные кооперативы, кредитные организации, бюро кредитных историй. Правовой статус этих СРО определяют Федеральные законы, которые регулируют конкретную сферу деятельности. В числе таких нормативно-правовых актов можно назвать Федеральные законы от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [15], от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ

«Об инвестиционных фондах» [22], от 30 декабря 2004 г. № 215-ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах» [9] и др.

Также нужно отметить, что в настоящий момент окончена деятельность по разработке проекта Федерального закона «О саморегулируемых организациях в сфере финансовых рынков». С принятием данного отраслевого нормативного акта отношения в этой сфере деятельности получили легальное закрепление.

Таким образом, система правовых основ саморегулирования в России на данный момент состоит из: соответствующих положений ГК РФ и Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», норм Закона «О саморегулируемых организациях», положений отраслевого законодательства, которое определяет особенности, в сравнении с Законом о СРО, саморегулирования в отдельной сфере предпринимательских и профессиональных отношений и устанавливает свод самостоятельных правил саморегулирования в сферах, которые были изъяты из компетенции Закона о СРО.

Вышеизложенное констатирует о наличии разделения саморегулирования на режимы общего саморегулирования (определяется Законом о СРО) и специального саморегулирования (определяется специальным законодательством и распространяет свое действие на названные в ч. 3 ст. 1 Закона о СРО виды деятельности). Полагаем, что процесс дифференциации в данной сфере нельзя оценивать в качестве негативного, ведь наряду с формированием единого концептуального подхода в праве также необходимо и разделение.

Итак, действующее законодательство рассматривает саморегулирование в рамках комплексного правового института отрасли предпринимательского права, который состоит из правовых норм частноправового и публично-правового характера. Правовая основа данного института сочетает в себе императивные и диспозитивные начала, использует частноправовые и публично-правовые средства воздействия на отношения участников экономической деятельности.

Библиографический список

1. *Андреев В.К.* Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права России: курс лекций. – М.: Российская академия правосудия, 2012. – 276 с.

2. *Волкова А. А.* Экономические основы функционирования саморегулируемых организаций в сфере услуг: автореф. дис. … канд. экон. наук. – М., 2012. – 28 с.

3. *Гаджиев Г. А.* Экономическая эффективность, правовая этика и доверие государству // Законность в экономической сфере как необходимый фактор благоприятного инвестиционного климата: материалы VI Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся. – М., 2012. – С. 10-21.

4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ, в ред. от 23.04.2018 г. // Российская газета, 2004, 30 декабря.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. – М.: Проспект, КноРус, 2018. – 324 с.

6. *Забелин А. В.* Саморегулируемые организации как субъекты общественного контроля в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // Научный журнал Апробация. – 2015. – № 7. – С. 92-93.

7. О кадастровой деятельности: Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 221-ФЗ (в ред. от 28.02.2018 г.) // Российская газета, 2007, 1 августа.

8. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ (в ред. от 27.11.2017 г.) // Российская газета, 2006, 31 декабря.

9. О жилищных накопительных кооперативах: Федеральный закон от 30.12.2004 г. № 215-ФЗ (в ред. от 03.07.2016 г.) // Российская газета, 2004, 31 декабря.

10. О Концепции совершенствования механизмов саморегулирования: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.12.2015 г. № 2776-р. // URL: http://www.government.ru.

11. О кредитной кооперации: Федеральный закон от 18.07.2009 г. № 190-ФЗ (в ред. от 03.07.2016 г.) // Российская газета, 2009, 24 июля.

12. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 01.07.2018 г.) // Российская газета, 2002, 2 ноября.

13. О патентных поверенных: Федеральный закон от 30.12.2008 г. № 316-ФЗ (в ред. от 02.07.2013 г.) // Российская газета, 2008, 31 декабря.

14. О рекламе: Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ (в ред. от 03.07.2018 г.) // Российская газета, 2006, 15 марта.

15. О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ (в ред. от 18.04.2018 г.) // Российская газета, 1996, 25 апреля.

16. О саморегулируемых организациях: Федеральный закон от 01.12.2007 г. № 315-ФЗ (в ред. от 03.07.2016 г.) // Российская газета, 2007, 6 декабря.

17. О сельскохозяйственной кооперации: Федеральный закон от 08.12.1995 № 193-ФЗ (в ред. от 03.07.2016 г.) // Российская газета, 1995, 16 декабря.

18. О теплоснабжении: Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 190-ФЗ (в ред. от 29.07.2017 г.) // Российская газета, 2010, 30 июля.

19. Об актуарной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 02.11.2013 г. № 293-ФЗ (в ред. от 23.06.2016 г.) // Российская газета, 2013, 6 ноября.

20. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ (в ред. от 23.07.2013 г.) // Российская газета, 2010, 30 июля.

21. Об аудиторской деятельности: Федеральный закон от 30.12.2008 г. № 307-ФЗ (в ред. от 23.04.2018 г.) // Российская газета, 2008, 31 декабря.

22. Об инвестиционных фондах: Федеральный закон от 29.11.2001 г. № 156-ФЗ (в ред. от 31.12.2017 г.) // Российская газета, 2001, 4 декабря.

23. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ (в ред. от 29.07.2017 г.) // Российская газета, 1998, 6 августа.

24. Об электроэнергетике: Федеральный закон от 26.03.2003 г. № 35-ФЗ (в ред. от 29.06.2018 г.) // Российская газета, 2003, 1 апреля.

25. Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23.11.2009 г. № 261-ФЗ (в ред. от 23.04.2018 г.) // Российская газета, 2009, 27 ноября.

26. *Руденко К. В.* Правовое положение саморегулируемых организаций в сфере рекламы: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – М., 2013. – 26 с.

12.00.05 - Трудовое право; право социального обеспечения

УДК 347.641
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.111.1.006

К вопросу о множественности лиц на стороне работника, не достигшего возраста четырнадцати лет

Г.Н. Карташова*

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем законодательного закрепления отношений представительства работников, не достигших возраста четырнадцати лет. Рассматриваются актуальные вопросы субъектного состава представительства в трудовых отношениях, а также множественности лиц на стороне работника, не достигшего возраста четырнадцати лет.

Ключевые слова: работники, не достигшие возраста четырнадцати лет, законные представители, множественность лиц, представительство, органы опеки и попечительства.

On the issue of plurality of persons on the employee's side under the age of fourteen

Annotation. The article is devoted to the study of the problems of legislative consolidation of the relations of representation of workers under the age of fourteen. Deals with the issues of the subjective representation of the relationship and justification of the multiplicity of persons on the side of the employee under the age of fourteen.

Keywords: employees under the age of fourteen, legal representatives, plurality of persons, representation, guardianship authorities.

Наиболее распространенным основанием возникновения трудовых правоотношений является заключение трудового договора или фактический допуск к работе с последующим подписанием договора (ч. 2 ст. 67 ТК РФ).

Заключить трудовой договор могут субъекты трудового права, обладающие возможностью реализации права на труд. Реализовать право на труд способно лишь лицо, обладающее возможностью

* *Карташова Галина Николаевна,* старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права Института права, экономики и управления Сахалинского государственного университета; прикрепленное лицо Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук. E-mail: k.g.n.25@mail.ru

Kartashova Galina Nikolaevna, senior lecturer of the Department of civil and labor law of the Institute of law, Economics and management of Sakhalin State University; attached person of the Federal state budgetary institution of science of the Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences.

выражать свою волю посредством волеизъявления. Трудовой Кодекс РФ, определяя порядок заключения трудового договора, не регламентирует порядок установления воли и волеизъявления, необходимый для заключения трудового договора [1, с. 76]. Действительно, установление воли и волеизъявления в трудовых правоотношениях является пробельным в теории трудового права и не привлекает внимание законодателя. Трудовой кодекс РФ игнорирует волевой критерий и не определяет судьбу трудовой правосубъектности, которая имеет важное юридическое значение и необходима для установления, изменения, прекращения трудовых правоотношений. Отдельные положения Трудового кодекса РФ, по мнению Э.Н. Бондаренко, дают основание полагать, что воля и волеизъявление предусмотрены иными статьями Кодекса, например, определяющими принципы трудового права (свобода труда, запрет принудительного труда и т.п.). Бесспорно, что в большинстве случаев вступление потенциального работника и работодателя в трудовые отношения не составит больших затруднений установить их волю и волеизъявление, поскольку в соответствии со ст. 56 Трудового кодекса РФ должно быть достигнуто соглашение между работником и работодателем по всем обязательным условиям трудового договора.

В.М. Лебедев настаивает на том, что воля сторон, являясь внутренним элементом содержания трудовой сделки, должна быть четко выражена, поскольку является условием ее действительности. Более того, волеизъявление сторон трудового договора должно преследовать единые цели, соответственно, в этом их воля должна совпадать [2, с. 224-225]. А подпись сторон в соответствующем документе – малоубедительное доказательство действительности воли лица.

Вероятно, законодатель не уделяет вопросу воли и волеизъявления достаточно внимания по той причине, что в трудовом праве изначально в целях защиты прав и законных интересов работника не предусматривалось понятие недействительности договора, поскольку установление порока в этих элементах должно влечь определенные негативные правовые последствия.

Но если работник в возрасте старше четырнадцати лет сам знакомится с содержанием трудового договора, обсуждает условия своей трудовой деятельности, то в ситуации с трудовыми отношениями с работником в возрасте до четырнадцати лет установить действительную волю самого малолетнего ребенка достаточно сложно или даже невозможно, хотя именно это малолетнее лицо будет выполнять трудовую функцию. Установление воли несовершеннолетнего лица в возрасте до четырнадцати лет является проблемой как в правоприменительной практике, так и в теории права в связи с недостаточной четкостью нормативного регулирования их участия в трудовых правоотношениях.

Исходя из содержания норм Трудового кодекса РФ, недостающий объем дееспособности для заключения трудового договора малолетнего работника восполняется действиями одного из родителей (опекуна), который не просто представляет интересы ребенка, он подписывает трудовой договор, в соответствии с которым трудовая функция выполняется лицом в возрасте до четырнадцати лет (ч. 4 ст. 63). При этом родитель (опекун), выступая

от имени и в интересах ребенка сам, непосредственно в трудовые отношения не вступает. Согласно ст. 15 Кодекса, субъектами трудового правоотношения являются работник, участвующий своим личным трудом, и работодатель, лично нанимающий работника. Родитель (опекун) в трудовых правоотношениях выступает как лицо, наделенное законом правом представлять интересы малолетних граждан во всех взаимоотношениях с третьими лицами.

Но законодательство РФ в сфере трудовых отношений не предоставляет возможности заключения трехстороннего и (или) многостороннего трудового договора, такая возможность предусмотрена только в отношении соглашений (где третий участник – это органы государственной власти в лице уполномоченных представителей). По общему правилу, множественность на стороне работника не допускается. Родитель (опекун), подписывая трудовой договор, лично трудовую функцию не выполняет, поэтому не может считаться стороной трудового договора, он выполняет роль законного представителя.

Определяя субъектный состав представительских правоотношений по заключению трудового договора с участием лиц в возрасте до четырнадцати лет, следует отметить неполноту ч. 4 ст. 63 Трудового кодекса РФ. В качестве лиц, уполномоченных выразить согласие на трудоустройство и подписать трудовой договор с лицами в возрасте до четырнадцати лет, указаны один из родителей или опекун. Аналогичным образом изложена и ч. 5 ст. 348^8 Кодекса.

Но круг лиц, уполномоченных разными нормативными актами представлять интересы детей, выступать от их имени, гораздо шире. Традиционно в числе субъектов, обладающих полномочиями представителей лиц в возрасте до четырнадцати лет, нормативные акты, кроме родителей и опекунов, называют и усыновителей, которые обладают равными с биологическими родителями правами и несут равные с ними обязанности в отношениях с усыновленным (удочеренным) ребенком, равно как и в отношениях с третьими лицами (ст. 137 Семейного кодекса РФ).

Еще одна группа лиц, способная выступить представителями малолетних – это приемные родители, которые в соответствии с семейным законодательством (ст. 153 Семейного кодекса РФ) также являются уполномоченными представителями не-совершеннолетнего ребенка. Не урегулировано в Трудовом кодексе РФ и представительство детей, оставшихся без попечения родителей, помещенных в детские социальные учреждения (ст. 155.1 Семейного кодекса РФ).

Таким образом, законными представителями ребенка следует считать родителей или лиц, их заменяющих, к которым относятся: усыновители, опекуны, приемные родители [3], а также администрация ДСУ. Поэтому полагаем, что ч. 4 ст. 63 и ч. 5 ст. 348^8 Трудового кодекса РФ должны предоставить право всем перечисленным выше категориям законных представителей представлять интересы детей в возрасте до четырнадцати лет в трудовых правоотношениях, объединив их устоявшимся в законе и в практике понятием «законные представители» (ст. 261 Трудового кодекса РФ).

Если в трудовые отношения должен вступить ребенок в возрасте до четырнадцати лет, то действия представителя приобретают самостоятельное правовое значение. Особенность проявляется в том, что воля законных представителей направлена на возникновение трудовых отношений, где права и обязанности носят личный характер. При этом часто воля самого исполнителя трудовой функции – малолетнего ребенка остается неясной.

Как известно, предметом трудового договора является личное выполнение определенной трудовой функции, а представительство малолетнего работника направлено не просто на компенсацию отсутствия знаний у ребенка, но и выполняет активную роль, создавая правовые последствия не только для представляемого, но и для представителя (родителя, законного представителя), который не устраняется на стадии исполнения обязательств по договору. Возможность представителя быть субъектом трудовых правоотношений, где трудовая функция реализуется иным лицом или совместно, требует нормативного закрепления.

В связи с чем предлагаем дополнить гл. 2 Трудового кодекса РФ и ввести в нее ст. 20.1 «Представительство в трудовых отношениях» следующего содержания:

«Представителями работников, не достигших возраста шестнадцати лет, выступает один из родителей (законный представитель) в силу полномочия, основанного на законе либо акте уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления.

Трудовой договор, заключенный представителем от имени и в интересах лица, не достигшего возраста четырнадцати лет (работника), непосредственно создает, изменяет и прекращает трудовые права и обязанности работника и его представителя в лице одного из родителей, законного представителя».

Статья 20 Трудового кодекса РФ именуется «Стороны трудовых отношений», коими являются работник и работодатель, и указание в ней на представителей сторон искажает первоначальную сущность трудовых правоотношений, допуская подмену понятий сторон трудового договора. В ст. 20.1 Кодекса также следует включить ч. 3 следующего содержания: «В случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 63 и ч. 5 ст. 348^8 настоящего Кодекса, работники участвуют в трудовых отношениях и отношениях, возникающих на основании трудового договора, непосредственно или через своих законных представителей».

Современное трудовое законодательство РФ, позволяя законным представителям выражать волю на заключение трудового договора, в то же время никак не определяет их правовой статус.

Существуют полярные точки зрения ученых по этому поводу.

Одни из них утверждают, что субъектами трудового права в правоотношениях с участием лиц в возрасте до четырнадцати лет выступают сами родители [4, с. 99].

Другие ученые считают, что представитель работника в возрасте до четырнадцати лет лишь частично замещает работника на этапе формализации заключения трудового договора, а малолетний работник выполняет лично трудовую функцию [5].

Третья группа ученых полагает, что родители наряду с малолетним ребенком являются субъектами трудовых правоотношений [6, с. 13-14; 7, с. 13], поскольку они компенсируют недостающее волевое сознание ребенка. Такой вывод сделан в связи с тем, что не признают за лицами в возрасте до четырнадцати лет полной трудовой правосубъектности, хотя и не могут отрицать факт их участия в трудовых отношениях. Поэтому можно предположить, что эти ученые справедливо признают так называемую «множественность лиц на стороне работника». Понимая, что без активного участия законных представителей ребенка в возрасте до четырнадцати лет невозможно не только возникновение трудовых правоотношений, но и их полноценная реализация, можно сделать вывод, что в данной ситуации мы имеем дело с представительством, создающим множественность лиц на стороне работника.

Затрагивая вопрос о множественности лиц на стороне работника, отмечаем, что если проблеме множественности лиц на стороне работодателя посвящено немало исследований, то вопрос о множественности на стороне работника в науке трудового права практически не разработан. По нашему мнению, поскольку на стороне одного участника правовых отношений – работника в одном правоотношении выступают два лица, то вполне уместно поставить вопрос о множественности лиц в трудовом правоотношении на стороне работника. Так как между участниками происходит разделение множественности прав и обязанностей, а не предмета исполнения (как это чаще всего бывает в гражданских правоотношениях), то подобная множественность принципиально отличается от множественности в гражданском праве.

Множественность на стороне работника представляется нам как явление, в котором на стороне работника принимают участие два (или более) субъекта, а права и обязанности между ними распределяются таким образом, что права или обязанности, принадлежащие одному участнику, отсутствуют у другого участника.

По общему правилу, родитель (законный представитель), подписывая трудовой договор, лично трудовую функцию не выполняет, поэтому формально не может считаться стороной трудового договора. Между тем не лишним будет отметить, что законный представитель хотя и выступает от собственного имени, но в интересах малолетнего ребенка и его полномочия в трудовых отношениях более широкие, нежели чем только формальное представительство при подписании трудового договора. Так, для подписания трудового договора, в соответствии с которым работа выполняется лицом в возрасте до четырнадцати лет, законодатель не делает никаких изъятий по процедуре оформления трудовых отношений.

Следовательно, законный представитель малолетнего работника должен ознакомиться и подписать в интересах работающего ребенка не

только трудовой договор, но и иные обязательные документы (приказ, инструкции безопасности, правила внутреннего трудового распорядка, вероятно, и должностную инструкцию и иные необходимые для работы документы). Его содействие в процессе реализации ребенком трудовой функции выражается в личном присутствии при совершении всех как предшествующих подписанию трудового договора, так и последующих (после под-

писания трудового договора) юридически значимых действий, затрагивающих интересы ребенка.

Содействие в реализации трудовой функции ребенком в возрасте до четырнадцати лет может выражаться как в одобрении, даче согласия (на оплату, условия труда, характер, место работы и т.п.), так и в активных действиях (инициирование собеседования – прослушивание ребенка, прохождение медицинского осмотра, обучение на курсах и т.п.). Но при этом фактического замещения при исполнении непосредственно трудовой функции все же не происходит.

Таким образом, при реализации трудовой функции не смешивается деятельность законного представителя и работающего ребенка, а трудовой процесс не «выталкивает» представителя из отношений, как это происходит в иных представительских правоотношениях. Поскольку цель представителя не достигается лишь заключением договора, он продолжает активно участвовать в процессе его исполнения, который становится невозможным без участия одного из родителей, подписавших договор (законного представителя).

Необходимо учитывать, что в рассматриваемой ситуации права и обязанности участников на стороне работника не совпадают, а дополняют друг друга. Из множества возможных прав и обязанностей сторон трудового договора перераспределение обязанностей не происходит только в отношении фактической реализации трудовой функции, которую способен реализовать только лично ребенок в возрасте до четырнадцати лет. При этом множественность на стороне работника нельзя назвать солидарной или субсидиарной, поскольку у каждого участника свои обязательства, которые не могут быть исполнены одним лицом взамен или в дополнение другого.

Поэтому все известные модели представительства, когда происходит временная замена лица представителем, действующим от имени доверителя и передающим права и обязанности представляемому в полном объеме (например, гражданско-правовая модель (ст. 182 Гражданского кодекса РФ), процессуальная модель (ст. 53 - 54 Гражданского процессуального кодекса РФ), или когда представитель действует от своего имени, но с целью защиты и представления интересов представляемого без права перехода ему обязательств (ст. 64 - 65 Семейного кодекса РФ), не подходят для модели правоотношений с работником в возрасте до четырнадцати лет, реализующим право на труд посредством представителя.

Можно утверждать, что предпосылкой появления множественности лиц на стороне работника явилась необходимость реализации работником своей способности к труду, в рассматриваемом случае – ребенком в возрасте до четырнадцати лет. Фактически в случае с участием в трудовых отношениях ребенка в возрасте до четырнадцати лет заключение договора и отчасти его исполнение зависят от нескольких субъектов – это сам ребенок, его законный представитель (родитель, опекун и др.) и органы опеки и попечительства. Малолетний ребенок в силу возраста не способен понимать значение всех своих действий или руководить ими и, как следствие, обладать возможностью реализации отдельных субъективных прав.

Не следует забывать и о том, что трудовой процесс длительный и сложный и необходимость представлять интересы работающего ребенка не ис-

черпается подписанием трудового договора. А, как нам известно, лицом, способным выступать представителем ребенка в возрасте до четырнадцати лет, осуществляющим контролирующие полномочия, способен быть только законный представитель ребенка. Без наделения полномочиями на стороне работника его законного представителя последний не может исполнять свои обязательства не только по отношению к трудовой функции ребенка, но и конституционные, семейно-правовые обязательства, например, обеспечить благоприятную среду для развития ребенка, социальную защиту, получение обязательного образования и иные. На протяжении всей трудовой деятельности ребенка в возрасте до четырнадцати лет на его стороне явно проявляется деятельность двух лиц: одно дает согласие на возникновение трудовых отношений, обсуждает условия и подписывает документы, осуществляет фактический контроль за формальностями исполнения условий договора, получает за ребенка и в его интересах заработную плату и реализует иные, связанные с трудовыми права, а другое лицо – ребенок фактически выполняет трудовую функцию.Без выраженной воли обоих участников на стороне работника трудовые отношения не состоятся вовсе. Наука трудового права не должна игнорировать факт участия детей в трудовых отношениях при активном участии родителей (законных представителей). Потому для эффективного правового регулирования и реальности исполнения трудового договора с детьми в возрасте до четырнадцати лет, обеспечения интересов как малолетних лиц, так и их работодателей необходимо расширение понятия представительства в трудовом праве и признание наличия множественности лиц на стороне работника в лице самого работника в возрасте до четырнадцати лет и его законного представителя.

Библиографический список

1. *Бондаренко Э.* Заключение трудового договора. Противоречия и пробелы в Трудовом кодексе Российской Федерации // Право и экономика. – М.: Юрид. Дом «Юстицинформ», 2004. – № 9. – С. 76.

2. Современное трудовое право (Опыт трудоправового компаративизма). Кн. 2 / Воронкова Е.Р., Лебедев В.М., Мельникова В.Г.; Под ред.: Лебедев В.М. – М.: Статут, 2009. – 192 с.

3. *Алексеева О.Г., Заец Л.В., Звягинцева Л.М (и др.)* Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. С.А. Степанова. – М.: Проспект «Институт частного права», 2015 // URL: СПС «Гарант».

4. *Миронов В.И.* Трудовое право. – СПб.: Питер, 2009. – 864 с.

5. *Яворчук Н.Н.* Правовые гарантии, предоставляемые молодежи, и их роль в регулировании отношений в сфере труда // Российский ежегодник трудового права. – 2006. – СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2007.- № 2. – С. 331-352.

6. *Михайлова Н.П.* Все о трудовых отношениях. – М.: // Вече, 2010. – 190 с.

7. *Филина Ф.Н., Толмачев И.А., Сутягин А.В.* Сам себе адвокат. – М.: Гросс-Медиа. РОСБУХХ, 2008. – 680 с.

УДК 347.454.1
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.111.1.007

Трудовой договор и контракт в России и Беларуси

К.В. Лапшин*

Аннотация. В статье рассмотрены особенности заключения, изменения и прекращения трудовых договоров в России и Беларуси. Приведен сравнительный анализ норм ТК РБ, регулирующих заключение срочных трудовых договоров, и декретов Президента РБ, регулирующих заключение контрактов. Показано, что некоторые положения белорусского трудового законодательства противоречат положениям конвенций МОТ, ратифицированных РБ, а также ТК РБ, и могут нарушать права работников. В статье даются рекомендации по переносу некоторых норм белорусского трудового законодательства в российское законодательство (в тех случаях, когда, по мнению автора, такой перенос может быть обоснован) или, напротив, о нецелесообразности такого переноса.

Ключевые слова: ТК РФ, ТК РБ, трудовое законодательство, трудовой договор, контракт.

Employment contract and contract in Russia and Belarus

Annotation. The article discusses the features of the conclusion, amendment and termination of employment contracts in Russia and Belarus. The comparative analysis of the norms of labor code of Belarus regulating the conclusion of fixed-term employment contracts and decrees of the President of Belarus regulating the conclusion of contracts is given. It is shown that some provisions of the Belarusian labor legislation contradict the provisions of ILO conventions ratified by the Republic of Belarus, as well as the labor code, and may violate the rights of workers. The article gives recommendations on the transfer of some norms of the Belarusian labor legislation to the Russian legislation (in cases where, in the author's opinion, such transfer can be justified) or, on the contrary, on the inexpediency of such transfer.

Keywords: TK RF, TK RB, labor legislation, employment contract, contract.

* *Лапшин Константин Владимирович*, директор Правового департамента компании «Управление Домом Моды Восточной Европы СП ЗОО» (г. Москва); прикрепленное лицо Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук. E-mail: klapshin@mail.ru

Lapshin Konstantin Vladimirovich, Legal Department Director in Fashion House Management Eastern Europe SP ZOO (Moscow); attached person of the Federal state budgetary institution of science of the Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences.

Содержание трудового договора, определенное в ст. 57 Трудового кодекса Российской Федерации [1] (далее – ТК РФ) и ст. 19 Трудового кодекса Республики Беларусь [2] (далее – ТК РБ), во многом схоже. При этом наиболее подробное регулирование трудового договора содержится в законодательстве РФ. Считаем, что подробное описание в нем содержания трудового договора должно быть сохранено с учетом приведенных ниже уточнений.

В соответствии со ст. 57 ТК РФ трудовой договор, заключаемый с работником, должен содержать сведения, индивидуализирующие стороны, а также обязательные условия (в том числе, трудовую функцию работника, дату начала работы) и срок договора (в случае срочного трудового договора), режим рабочего времени и отдыха, условия труда на рабочем месте. Стороны вправе по своему усмотрению включить в договор дополнительные условия, не ухудшающие положения работника.

Статья 57 ТК РФ также предусматривает, что если при заключении трудового договора какие-либо из обязательных условий или информация о сторонах договора не были в него включены, то это не ведет к признанию его недействительным, а требует внесения в него соответствующих уточнений.

В отличие от ТК РФ, который вводит понятие «трудовой договор», не предусматривая возможности заключения контракта как особого вида или особой формы трудового договора, трудовое законодательство Беларуси помимо термина «трудовой договор» оперирует термином «контракт», определение которого было введено Декретом Президента РБ от 26 июля 1999 г. № 29 [3] (далее – Декрет Президента РБ № 29).

В соответствии со ст. 1 этого документа под контрактом понимается «трудовой договор, заключаемый в письменной форме на определенный срок и содержащий особенности по сравнению с общими нормами законодательств о труде». При этом в ст. 2 предусмотрен целый ряд дополнительных условий, подлежащих обязательному включению в контракты: дополнительные меры по стимулированию труда, уменьшение (лишение) премий, в ряде случаев полная материальная ответственность, дополнительные основания расторжения контракта за нарушение работником своих обязанностей и др.

Считаем, что подобная норма трудового законодательства РБ, применяемая на практике ко всем категориям белорусских работников, необоснованно ухудшает их положение. Поэтому такая норма должна быть из законодательства исключена либо оставлена только в отношении прямо перечисленных в Декрете Президента РБ № 29 категорий работников и лишь в тех случаях, когда это объективно необходимо и предусматривает предоставление работникам адекватной компенсации за ограничение их прав.

Статья 18 ТК РБ предусматривает введение Правительством РБ примерной формы трудового договора. Постановлением Министерства

труда РБ от 27 декабря 1999 г. № 155 «Об утверждении примерной формы трудового договора» была введена такая форма [4], которая более подробно, нежели ТК РБ (ст. 19), описывает содержание трудового догово-

ра. Данная форма широко применяется на практике при заключении трудовых договоров, хотя законодательно обязательность ее соблюдения прямо не закреплена. Отметим, что п. 9 Декрета Президента РБ № 29 также предусмотрена разработка примерной формы контракта работодателя с работником.

Представляется целесообразным закрепить на уровне ТК РФ, что для определенных категорий работников является обязательным соблюдение форм трудовых договоров, устанавливаемых в определенном законодательством порядке. Такими работниками могут быть, в частности, государственные служащие, моряки, домашние работники, ученики и др. При этом следовало бы исключить из ст. 198 ТК РФ оговорку о том, что «ученический договор с лицом, ищущим работу, является гражданско-правовым и регулируется гражданским законодательством и иными актами, содержащими нормы гражданского права».

В соответствии со ст. 58 ТК РФ и ст. 17 ТК РБ трудовые договоры в России и Беларуси могут заключаться на срок не более пяти лет.

Контракты, заключаемые в соответствии с п. 1 Декрета Президента РБ № 29, заключаются на срок не менее одного года. Так как данный документ не отменяет регулирование ТК РБ отношений с работниками, работающими по контрактам (постольку, поскольку соответствующие отношения не урегулированы напрямую Декретом Президента РБ № 29), то считаем, что максимальный срок работы работников в Беларуси по контрактам также не должен составлять более пяти лет. К такому же выводу, отметим, приходят и некоторые белорусские авторы, например, К.Л. Томашевский [5].

Трудовой кодекс РБ запрещает заключать срочные трудовые договоры в целях уклонения от предоставления прав и гарантий, предусмотренных для работников, с которыми заключается трудовой договор на неопределенный срок. Однако Декретом Президента РБ № 29, позволившим переводить работников на контракты, ухудшающие их положение, практически отменен ряд гарантий, предоставляемых работникам.

Так, из приведенного выше определения контракта, заключаемого по Декрету Президента РБ № 29, следует, что он может заключаться, в том числе, для выполнения работы, носящей постоянный характер. Этот вывод прямо подтвержден в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РБ от 26 июня 2008 г. № 4 [6]. Однако, согласно ст. 17 ТК РБ, срочный трудовой договор может заключаться только в случаях, когда трудовые отношения не могут быть установлены на неопределенный срок и в иных случаях, предусмотренных ТК РБ. В самом ТК РБ отсутствует норма о том, что контракты могут заключаться для выполнения работы, носящей постоянный характер. Хотя в ст. 17 ТК РБ содержится указание на то, что контракт является разновидностью трудового договора и заключается на условиях, предусмотренных законодательством о труде.

Как следствие, белорусский работодатель вправе не продлевать такие краткосрочные контракты по истечении срока их действия даже в случае, если работа не является временной. Полагаем, что это не соответствует положениям ст. 42 ТК РБ, устанавливающим ограниченный перечень оснований расторжения трудового договора, заключенного на неопределенный

срок. При этом, в соответствии с данными Белорусского конгресса демократических профсоюзов, в настоящее время около 90 % работников в Беларуси работают на основании контрактов, подавляющее большинство из которых заключено сроком на один год [7].

Представляется, что положения Декрета Президента РБ № 29, позволяющие заключать контракты с работниками, работа которых носит постоянный характер, противоречат ТК РБ: указанные нормы должны быть приведены в соответствие с ТК РБ.

Российский законодатель прямо не указал, могут ли по соглашению сторон заключаться трудовые договоры в случаях, перечисленных в ст. 59 ТК РФ, если с работниками могут быть заключены трудовые договоры на неопределенный срок с учетом того, что заключение таких договоров почти во всех случаях более выгодно работнику, чем работодателю. В этой связи работодатели в России часто предлагают работникам заключать срочные трудовые договоры по основаниям, перечисленным в ст. 59 ТК РФ, даже в тех случаях, когда возможно заключение договора на неопределенный срок.

По нашему мнению, заключение договоров на определенный срок может допускаться только в тех случаях, когда с работником по каким-либо причинам не может быть заключен договор на определенный срок, вне зависимости от того, подпадают ли указанные случаи в перечень, содержащийся в ст. 59 ТК РФ, или нет.

Считаем, что подобное уточнение следует прямо закрепить в ТК РФ. Действительно, иное трактование закона, позволяющее заключать срочные трудовые договоры со всеми категориями работников, перечисленными в ст. 59 ТК РФ, без учета возможного ухудшения их положения по сравнению с тем, которое бы имело место при заключении трудовых договоров с неопределенным сроком действия, может привести к дискриминации таких работников. Например, если пенсионер при заключении срочного трудового договора не намерен выходить на пенсию по истечении его срока, а хочет продолжать работать, то заключение с пенсионером срочного трудового договора должно рассматриваться как дискриминация работника по возрасту и признаваться незаконным.

Законодательство России и Беларуси предусматривает возможность изменения работодателем трудового договора в одностороннем порядке в связи с изменениями в организации производства и труда. Однако критерии таких изменений и сроки уведомлений работников определяются в этих государствах по-разному.

Так, в соответствии со ст. 74 ТК РФ, в случае, когда по причинам, связанным с изменением организационных или технологических условий труда (изменения в технике и технологии производства, структурная реорганизация производства и др.), определенные сторонами условия трудового договора не могут быть сохранены, допускается их изменение по инициативе работодателя, за исключением изменения трудовой функции работника, с предварительным уведомлением работни-ка за два месяца. При этом работодатель обязан предложить работнику, не согласному на изменение существенных условий его труда, другую имеющуюся у работодателя работу, подходящую работнику по состоянию здоро вья (ст. 74 ТК РФ). Бе-

лорусское законодательство такой нормы не содержит, что, по нашему мнению, является его упущением.

Согласно ст. 32 ТК РБ работодатель имеет право изменить существенные условия труда работника

при продолжении им работы по той же специальности, квалификации или должности в связи с обоснованными производственными, организационными или экономическими причинами, предупредив об этом работника только за месяц. Кроме того, Декретом Президента РБ от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» [8] (далее – Декрет Президента РБ № 5) руководителю организации предоставлено право изменять существенные условия труда работника в связи с обоснованными организационными или экономическими причинами, предупредив об этом работника за 7 дней.

Таким образом, Декрет Президента РБ № 5 не только существенно снизил срок уведомления работников, но и ввел новое основание для изменения существенных условий его труда – «экономические причины». Полагаем, что такая норма существенно нарушает законные права работников и должна быть отменена.

Общие основания прекращения трудовых договоров перечислены в ст. 77 ТК РФ и ст. 35 ТК РБ.

Российский законодатель в ст. 77 ТК РФ прямо указывает, что трудовой договор с работником может быть прекращен и по иным основаниям, предусмотренным ТК РФ и иными федеральными законами. Но ст. 35 ТК РБ указывает, что трудовой договор может быть прекращен только по основаниям, установленным ТК РБ. При этом ТК РБ содержит еще и дополнительные, по сравнению со ст. 35 ТК РБ, основания прекращения трудовых договоров для некоторых категорий работников: с временными (ст. 294) и сезонными работниками (ст. 301).

Дополнительные основания прекращения трудовых договоров в Республике Беларусь для руководителей и работников, нарушивших производственно-технологическую, исполнительскую или трудовую дисциплину, установлены Декретом Президента РБ № 29 и Декретом Президента РБ № 5, что, очевидно, противоречит норме ст. 35 ТК РБ.

Представляется, что норма ст. 77 ТК РФ, предусматривающая открытый перечень оснований прекращения трудового договора, уточнение которых может производиться только на уровне федеральных законов, более удачно, чем нормы законодательства РБ, регулирует соответствующие отношения и не должна меняться.

По законодательству РФ работник, по общему правилу, вправе в любой момент расторгнуть трудовой договор, предупредив об этом работодателя в письменной форме не позднее, чем за две недели (ст. 80 ТК РФ), а руководители организаций - за один месяц (ст. 280 ТК РФ). В случаях, когда заявление об увольнении работника обусловлено невозможностью продолжения им работы (например, зачисление в образовательную организацию, выход на пенсию и др.), а также в случае установленного нарушения работодателем законодательства трудовой договор подлежит расторжению и в более короткий срок, указанный работником (ст. 80 ТК РФ).

Таким образом, для одностороннего расторжения заключенного с работником трудового договора российский законодатель не вводит различий для работников в зависимости от срока действия такого договора.

Белорусское законодательство предусматривает право увольнения по собственному желанию только для работников, заключивших трудовые договоры на неопределенный срок (ст. 40 ТК РБ). При этом в соответствии со ст. 41 ТК РБ работники, заключившие трудовые договоры на определенный срок, могут уволиться досрочно лишь в случае, когда заявление об увольнении обусловлено невозможностью продолжения работы в связи с болезнью и инвалидностью, а также в случае установленного нарушения работодателем законодательства. Такая норма ТК РБ, следовательно, предусматривает меньше оснований увольнения по инициативе работников (например, не является основанием зачисление работника в образовательную организацию).

Белорусский законодатель в ст. 40 ТК РБ предоставляет работнику, работающему на условиях трудового договора, заключенного на неопределенный срок, право уволиться с предупреждением за один месяц (а не за две недели, как это, по общему правилу, предусмотрено ст. 80 ТК РФ). Подобная новелла белорусского законодательства ухудшает права работников, предусмотренные ст. 80 ТК РФ, поэтому нельзя рекомендовать ее имплементацию в законодательство РФ.

Сложившаяся судебная практика по Декрету Президента РБ № 29 исходит из того, что так как контракт является разновидностью срочного трудового договора, то работники не вправе расторгнуть его досрочно [6, п. 19].

Считаем, что указанная норма Декрета Президента РБ № 29 существенно ухудшает права работника и может расцениваться как принуждение к труду, поскольку лишает работника, работающего на постоянной основе, права досрочно прекратить трудовой договор. В случае, если работник прекратит работу, то такое прекращение работы будет являться прогулом и работник может быть уволен по виновному основанию. При этом Декрет Президента № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укрепления трудовой и исполнительской дисциплины», отнимающий у работников, работающих по контрактам, право на досрочное прекращение трудовых отношений, направлен, как следует из его названия, на поддержание трудовой дисциплины.

Однако, согласно Конвенции МОТ № 29 «Относительно принудительного или обязательного труда» (1930 г.), ратифицированной СССР, каждый член МОТ обязуется в кратчайший срок упразднить применение принудительного или обязательного труда. Согласно ст. 2 этой Конвенции термин «принудительный или обязательный труд» включает в себя «работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания и для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг». При этом, в соответствии со ст. 13 ТК РБ и Конвенцией МОТ № 105 «Об упразднении принудительного труда» (1957 г.), ратифицированной Республикой Беларусь, запрещен принудительный труд, под которым, в том числе, понимается работа, требуемая от работника под угрозой применения средств поддержания трудовой дисциплины.

Декрет Президента РБ № 29 в соответствии со ст. 20 Закона РБ от 2 июля 2009 г. № 31-З «О национальных правовых актах» [9] не должен противоречить ратифицированным Беларусью международным договорам, включая Конвенции МОТ № 29, № 105.

В этой связи полагаем, что если труд работников в РБ, заключивших контракт, носит постоянный характер, то работникам должно предотавляться право досрочно расторгать контракты в том же порядке, в котором они вправе расторгать трудовые договоры с неопределенным сроком действия.

Статья 81 ТК РФ содержит ряд существенных отличий оснований прекращений трудовых договоров по сравнению с аналогичными основаниями, перечисленными в ст. 42 ТК РБ, а именно:

– согласно п. 3 ч. 1 ст. 81 ТК РФ увольнение работника в связи с несоответствием занимаемой должности или выполняемой работе должно быть подтверждено результатами аттестации. Такого условия белорусское законодательство не содержит;

– согласно пп. «а» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ под прогулом понимается отсутствие работника на рабочем месте без уважительных причин в течение всего рабочего дня (вне зависимости от длительности дня) или в течение четырех часов подряд в течение рабочего дня. Белорусский законодатель под прогулом понимает отсутствие на рабочем месте в течение трех часов подряд (п. 5 ч. 1 ст. 42 ТК РБ). Поэтому в РБ невозможно, например, уволить за прогул работника, длительность рабочего дня которого составляет менее трех часов. Считаем, что норма в редакции, предложенной законодательством РФ, более удачна.

При этом Декретом Президента РБ № 29 (п. 10) и Декретом Президента РБ № 5 (п. 3.5, 6.9, 6.10 и 6.11)

введен ряд дополнительных оснований для увольнения руководителей организаций и работников.

В числе таковых: необеспечение надлежащей трудовой дисциплины подчиненными работниками или сокрытие фактов нарушения ими трудовой и исполнительской дисциплины; нарушение руководителем организации порядка и сроков выплаты заработной платы; нарушение работником производственно-технологической, исполнительской или трудовой дисциплины, повлекшее причинение организации ущерба в размере, пре вышающем три начисленные среднемесячные заработные платы; некоторые другие. Полагаем, что такие дополнительные основания прекращения трудовых договоров существенно ухудшают права работников, предоставленные им ТК РБ, и такие нормы следовало бы отменить.

Библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 3.

2. Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 80. – 2/70.

3. Декрет Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению

трудовой и исполнительской дисциплины» // Собрание декретов, указов Президента и постановлений Правительства Республики Беларусь. – 1999. – № 21. – Ст. 586.

4. Постановление Министерства труда Республики Беларусь от 27 декабря 1999 г. № 155 «Об утверждении примерной формы трудового договора» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2000. – № 7. – 8/2550.

5. *Томашевский К.Л.* Трудовой кодекс Республики Беларусь 1999 г. Основные новеллы общих положений и института трудового договора // Государство и право. – 2002. – № 1. – С. 80.

6. Постановление Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 26 июня 2008 г. № 4 «О практике рассмотрения судами трудовых споров, связанных с контрактной формой найма работников» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2009. – № 84. – 6/728.

7. Белорусский конгресс демократических профсоюзов. БКДП требует отмены законов, превращающих трудовые отношения в стране в негарантированные и незащищенные // URL: http://www.bkdp.org/ (дата обращения: 30.12.2018).

8. Декрет Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г.№ 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» // ИПС ЭКСПЕРТ © www.expert.by.

9. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2009. – № 161. – 2/1583.

УДК 347.454.1
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.111.1.008

Трудовой договор с гражданским персоналом: некоторые особенности правового регулирования

Г.С. Скачкова*,
В.М. Оробец**

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, касающиеся особенностей правового регулирования труда лиц гражданского персонала, свидетельствующие о дифференциации в трудовом праве. Раскрыт перечень воинских должностей, которые могут замещаться гражданским персоналом, в организациях Вооруженных Сил РФ и федеральных органах исполнительной власти, в которых законодательством РФ предусмотрена военная служба. Особо отмечено, что лица гражданского персонала могут работать по трудовому договору также в иных органах, организациях и учреждениях в сфере обеспечения обороны и безопасности, правоохранительной деятельности государства, по защите прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: Трудовой кодекс РФ, дифференциация, Вооруженные Силы РФ, воинские должности, гражданский персонал.

Employment contract with civil personnel: some feature legal regulation

Annotation. The article deals with the issues related to the peculiarities of legal regulation of civil personnel, indicating differentiation in labor law. The list of military positions that can be replaced by civilian personnel, organizations of the Armed Forces of the Russian Federation and Federal Executive authorities, in which the legislation of the Russian Federation provides for military service, is disclosed. It is particularly noted that civil personnel can also work under an employment contract in other bodies, organizations and institutions in the field of defense and security, law enforcement activities of the state, the protection of human and civil rights and freedoms.

Keywords: labor code of the Russian Federation, differentiation, Armed forces of the Russian Federation, military positions, civilian personnel.

* *Скачкова Галина Семеновна*, доктор юридических наук, профессор, заведующая сектором трудового права и права социального обеспечения Института государства и права Российской академии наук. E-mail: laborlaw@igpran.ru

Skachkova Galina Semenovna, doctor of law, Professor, head of the labor law and social security law branch of the Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences.

** *Оробец Вячеслав Михайлович*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Московского педагогического государственного университета (МПГУ). E-mail: orobetsvm@yandex.ru.

Orobets Vyacheslav Mikhailovich, doctor of law, Professor, head of the Department of state and municipal management of the Moscow pedagogical state University (MPSU).

С принятием Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 (далее – Трудовой кодекс РФ, Кодекс] как основного кодификационного акта России по регулированию трудовых отношений получила свое дальнейшее развитие дифференциация в трудовом праве [1]. Так, в Кодексе впервые появился целый раздел XII, состоявший из 10 специальных глав, посвященных особенностям регулирования труда отдельных категорий работников. Глава 40 «Общие положения» включила в себя две статьи, посвященные в целом как особенностям регулирования труда (ст. 251), а также основаниям и порядку их установления (ст. 252).

Специальных же глав вначале было 15 (с 41 по 55), потом количество их стало меняться в сторону увеличения. Причем если первоначально гл. 41-54 состояли каждая из нескольких статей применительно к конкретной категории работников, то гл. 55 стала включать в себя разнородные правовые нормы по регулированию особенностей труда отдельных категорий работников, расширяя круг последних.

Среди группы таких правовых норм можно выделить положения ст. 349, которая в настоящее время звучит так: «Регулирование труда лиц, работающих в организациях Вооруженных Сил Российской Федерации, федеральных органах исполнительной власти и федеральных государственных органах, в которых законодательством Российской Федерации предусмотрена военная служба, а также работников, проходящих заменяющую военную службу альтернативную гражданскую службу».

В ч. 1 данной статьи перечислен круг лиц, относительно которых действуют ее положения. В их числе названы две категории работников: а) заключивших трудовой договор о работе в воинских частях, учреждениях, военных образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования, иных организациях Вооруженных Сил РФ и федеральных органов исполнительной власти, в которых законодательством РФ предусмотрена военная служба; б) проходящих заменяющую военную службу альтернативную гражданскую службу.

В ст. 349 Трудового кодекса РФ речь идет об особенностях регулирования труда тех граждан, которые работают по трудовому договору как в воинских частях Вооруженных Сил РФ, так и в тех организациях и учреждениях, которые функционируют в сфере военной службы. Имеются в виду учреждения, военные образовательные учреждения высшего и среднего профессионального образования, иные организации Вооруженных Сил РФ и федеральных органов исполнительной власти, в которых законодательством РФ предусмотрена военная служба.

На реализацию прав и обязанностей в сфере труда различных категорий лиц гражданского персонала особое влияние оказывает нормативно-правовая база по регламентации их трудовых отношений с работодателем, имеющим особый правовой статус с учетом возлагаемых на него государством задач по обеспечению обороноспособности страны.

Согласно п. 1 ст. 12 «Комплектование Вооруженных Сил Российской Федерации личным составом» Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ

«Об обороне» [2], личный состав Вооруженных Сил РФ включает военнослужащих и лиц гражданского персонала (федеральных государственных гражданских служащих и работников) Вооруженных Сил РФ.

В п. 2 данной статьи сказано, что комплектование Вооруженных Сил РФ осуществляется в соответствии с законодательством РФ:

1) военнослужащими – путем призыва граждан РФ на военную службу по экстерриториальному принципу и путем добровольного поступления граждан РФ (иностранных граждан) на военную службу;

2) федеральными государственными гражданскими служащими;

3) работниками.

В п. 3 данной статьи особо указано на то, что перечень воинских должностей, которые могут замещаться гражданским персоналом Вооруженных Сил РФ (за исключением воинских должностей, для которых штатом предусмотрены воинские звания высших офицеров, воинских должностей, которые могут замещаться федеральными государственными гражданскими служащими), устанавливается Министром обороны РФ.

Наличие в стране различных видов военно-служебной деятельности, специфика законодательно установленной компетенции и решаемых задач в разных государственных организациях и органах не позволяют использовать единый документ по всем видам воинской службы. Специализация такой службы, обусловленная задачами и функциями соответствующих государственных организаций и органов, реализуется в их деятельности в рамках имеющихся полномочий, обусловливая особенности правового статуса и фактической деятельности не только различных категорий военнослужащих, но в определенной мере и лиц гражданского персонала.

Так, согласно ч. 3 ст. 42 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [3], единый перечень воинских должностей, подлежащих замещению высшими офицерами, и общее количество воинских должностей утверждаются Президентом РФ. Перечни иных воинских должностей утверждаются в порядке, определяемом Министром обороны РФ или руководителем федерального органа исполнительной власти, в котором законом предусмотрена военная служба.

В перечнях воинских должностей определяются воинские должности, которые могут замещаться военнослужащими женского пола, военнослужащими – иностранными гражданами, гражданским персоналом или замещаются на конкурсной основе.

При возможном замещении воинских должностей гражданским персоналом действует главное правило: замещение лицом гражданского персонала должности, комплектуемой военнослужащим, допускается на условиях срочного трудового договора до прибытия на эту должность военнослужащего. Иными словами, трудовой договор, заключаемый с лицом гражданского персонала, носит срочный характер, определяемый до назначения военнослужащего на должность, занимаемую работником. Поэтому трудовые отношения с гражданским персоналом на замещение соответствующих должностей могут быть только на условиях срочного трудового договора и существуют до зачисления военнослужащего на такую должность. Как неоднократно отмечалось в судебной практике, срочный трудовой до-

говор гражданского специалиста прекращается с даты приема дел и должности назначенным военнослужащим или с момента приема на работу последнего [4].

Относительно воинских должностей, замещаемых гражданским персоналом в Вооруженных Силах РФ, действует приказ Министра обороны РФ от 28.01.2004 № 20 «Об утверждении Перечня воинских должностей, подлежащих замещению старшими и младшими офицерами в Вооруженных Силах Российской Федерации, которые разрешается замещать гражданским персоналом» [5].

В приложенном к приказу Перечне воинских должностей, подлежащих замещению старшими и младшими офицерами в Вооруженных Силах РФ, которые разрешается замещать гражданским персоналом, перечислены категории работников с указанием военно-учетной специальности (ВУС) по каждой из категорий, объединенных в две группы: «Начальники» (66 позиций) и «Специалисты» (122 позиции).

Воинские должности старших и младших офицеров в органах военного управления, объединениях, соединениях, воинских частях и организациях Вооруженных Сил РФ разрешено замещать гражданским персоналом при соблюдении определенных условий: а) воинские должности должны быть вакантными; б) их замещение должно производиться без ущерба для боевой и мобилизационной готовности войск; в) установлены пределы выделенных лимитов численности гражданского персонала и ассигнований на выплату заработной платы в соответствии с Приложением к данному приказу; г) у гражданского персонала нет в подчинении военнослужащих; д) исполнение обязанностей по должностям, указанным в Приложении к данному приказу, не допускается в порядке совмещения.

В Примечании к Приложению особо сказано о том, что воинские должности заместителей и помощников начальников, перечисленные в Перечне, также разрешается замещать гражданским персоналом. Наименования замещаемых должностей образуются путем приставки наименования «заместитель» или «помощник» к должности начальника в соответствующем падеже.

При этом не подлежат замещению гражданским персоналом воинские должности, непосредственно связанные с планированием и управлением операциями и боевыми действиями; обеспечением боевой и мобилизационной готовности войск (сил); организацией взаимодействия с другими органами военного управления по вопросам планирования, организации и контроля боевой и мобилизационной подготовки, применения войск (сил), боевого и технического обеспечения в органах военного управления, боевых и специальных войсках, а также связанные с несением боевого дежурства, дежурства в качестве оперативного дежурного и дежурства с оружием.

Особые правила действуют относительно наименования ряда должностей гражданского персонала, устанавливаемые при замещении воинской должности по группе ВУС 90.

Так, по наименованию должности гражданского персонала, которая устанавливается при замещении воинской должности по группе ВУС 90, разрешается устанавливать второе наименование врачебной или провизор-

ской должности по Номенклатуре должностей медицинского и фармацевтического персонала [6], а также специалистов с высшим профессиональным образованием в военно-медицинских учреждениях (подразделениях) в соответствии с профилем учреждения (структурного подразделения).

В настоящее время действует также приказ Министра обороны РФ от 13.10.2008 № 520 «Об утверждении Перечня должностей (профессий), замещаемых лицами гражданского персонала, в Вооруженных Силах Российской Федерации» [7].

Перечень предназначен для установления в Вооруженных Силах РФ единых наименований должностей гражданского персонала, а также для обеспечения машинной обработки штатной информации по лицам гражданского персонала Вооруженных Сил РФ. Он состоит из четырех разделов: Общие положения (раздел I); Классификатор профессий рабочих (с указанием кода и наименования профессии рабочего) (раздел II); Классификатор должностей руководителей, специалистов и технических исполнителей (с указанием кода и наименования должности) (раздел III); Таблица признаков производных должностей (раздел IV).

В классификаторы включены основные (базовые и приравненные к ним) наименования профессий рабочих и должностей руководителей, специалистов и технических исполнителей.

Предусмотрена возможность образования и кодирования производных от них наименований (заместитель, помощник, дежурный, сменный и др.) с использованием таблицы признаков производных должностей.

Перечни должностей (профессий), замещаемых лицами гражданского персонала, в разных государственных организациях и органах, по своей структуре особо не отличаются друг от друга, включая в себя следующие разделы: 1) Наименование воинских должностей; 2) Должности гражданского персонала, которые устанавливаются при замещении воинских должностей; 3) Условия замещения воинских должностей офицеров гражданским персоналом.

Отличие в перечнях имеет место в должностях гражданского персонала, устанавливаемых при замещении воинских должностей и условиях замещения воинских должностей офицеров гражданским персоналом, поскольку такие перечни принимаются с учетом специализации воинской службы, обусловленной задачами и функциями соответствующих государственных организаций и органов. Особо указывается и перечень воинских должностей, не подлежащих замещению гражданским персоналом, который иногда имеет и некоторые отличия.

Рассмотрим в качестве примера приказ МВД России от 07.04.2014 № 323 «Об утверждении Перечня воинских должностей офицеров, которые могут замещаться гражданским персоналом во внутренних войсках МВД России» [8]. Данный перечень по своему содержанию во многом совпадает с перечнем в Приложении к приказу Министра обороны РФ от 28.01.2004 № 20.

Вместе с тем в Перечне МВД России от 07.04.2014 называются как воинские должности, непосредственно связанные с организацией шифровальной работы, так и воинские должности, по которым невозможно в со-

ответствии с нормативными правовыми актами установление должностного оклада. Некоторые особенности имеют место при осуществлении гражданским персоналом трудовой деятельности в военно-учебном заведении на основании приказа Министра обороны РФ от 15.09.2014 № 670 «О мерах по реализации отдельных положений статьи 81 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации"» [9].

Согласно данному документу личный состав военно-учебного заведения подразделяется на постоянный состав и переменный состав.

К постоянному составу военно-учебного заведения относятся: руководящий состав, научно-педагогические работники, а также инженерно-технический, административно-хозяйственный, производственный, учебно-вспомогательный, медицинский и иной персонал, осуществляющий вспомогательные функции (п. 53). К переменному составу военно-учебного заведения относятся докторанты, адъюнкты, слушатели и курсанты (п. 60).

Постоянный состав военно-учебного заведения комплектуется военнослужащими и гражданским персоналом Вооруженных Сил РФ, с замещением последним в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами РФ и Минобороны РФ, содержащими нормы трудового права.

Прием на работу лиц гражданского персонала Вооруженных Сил РФ для замещения должностей, не относящихся к руководящему и преподавательскому составу, осуществляется в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами РФ и Минобороны РФ, содержащими нормы трудового права.

Должности, подлежащие замещению военнослужащими и являющиеся вакантными, могут замещаться гражданским персоналом Вооруженных Сил РФ по трудовому договору в соответствии с законодательством РФ и нормативными правовыми актами Минобороны РФ.

Нормативно-правовая база относительно труда лиц гражданского персонала, касающаяся порядка и условий замещения ими должностей военнослужащих, до последнего времени ограничивалась актами Минобороны и МВД России.

Вместе с тем сравнительно недавно такие документы появились и применительно к лицам гражданского персонала, входящим в личный состав войск национальной гвардии России. Появление таких документов было вызвано принятием специального федерального закона о государственной военной организации, предназначенной для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина. Имеется в виду Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [10].

Согласно положениям п. 1 ст. 24 «Военная служба, служба в войсках национальной гвардии. Комплектование войск национальной гвардии личным составом» гл. 4 «Личный состав войск национальной гвардии» в войсках национальной гвардии предусматриваются военная служба, служба в войсках национальной гвардии РФ, государственная гражданская служба.

Итак, можно сделать вывод, что граждане в войсках национальной гвардии могут находиться: а) на военной службе; б) службе в войсках на-

циональной гвардии РФ; в) государственной гражданской службе. Полагаем, что здесь законодатель допустил неточность: среди перечисленных категорий граждан нет лиц, подпадающих под действие ч. 1 ст. 349 Трудового кодекса РФ с заключением ими трудового договора о работе и именуемых гражданским персоналом с распространением на них норм трудового законодательства РФ.

Однако такое утверждение опровергается как положениями самого Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ, так и иных нормативных правовых актов, принятых в его развитие.

Так, в п. 2 ст. 1 «Войска национальной гвардии Российской Федерации и их предназначение» данного закона сказано, что «личный состав войск национальной гвардии включает в себя военнослужащих, сотрудников и лиц гражданского персонала (федеральных государственных гражданских служащих и работников) войск национальной гвардии».

Таким образом, в состав лиц гражданского персонала войск национальной гвардии входят две категории граждан: а) федеральные государственные гражданские служащие; б) работники.

Какие именно воинские должности могут быть замещены гражданским персоналом? Обратимся к приказу Росгвардии от 05.08.2016 № 55 «Об утверждении Перечня воинских должностей офицеров, которые могут замещаться гражданским персоналом в войсках национальной гвардии Российской Федерации» [11].

Выделив две категории лиц гражданского персонала (начальники и специалисты), данный документ утвердил Перечень воинских должностей, которые могут замещаться гражданским персоналом. При этом определено соответствие наименования воинских должностей наименованию должностей гражданского персонала, которые устанавливаются при замещении воинских должностей, с указанием условия замещения воинских должностей офицеров гражданским персоналом с учетом группы военно-учетных специальностей (группы ВУС).

В Примечании к приказу Росгвардии от 05.08.2016 № 55 особо указано на дополнительные условия возможности замещения гражданским персоналом воинских должностей заместителей начальников, перечисленных в настоящем Перечне.

Воинские должности заместителей начальников также могут замещаться гражданским персоналом (при этом наименования должностей гражданского персонала образуются путем добавления перед должностью слова «заместитель») при условии возможности установления по ним должностного оклада в соответствии с нормативными правовыми актами по оплате труда гражданского персонала Росгвардии.

Вместе с тем ряд воинских должностей в Росгвардии не подлежит замещению гражданским персоналом. Такие должности непосредственно связаны: с планированием и управлением операциями и боевыми действиями; обеспечением боевой и мобилизационной готовности войск; организацией шифровальной работы; с несением боевой службы, боевого дежурства, дежурства в качестве оперативного дежурного и дежурства с оружием. В этот список входят и воинские должности, по которым невозможно

в соответствии с нормативными правовыми актами установление должностного оклада.

Относительно занятия гражданами в Росгвардии должностей медицинского и фармацевтического персонала применяются общие правила, установленные в Вооруженных Силах РФ.

Характеризуя правовой статус лиц гражданского персонала, нельзя не отметить, что, как показывает анализ соответствующих нормативных правовых актов, содержание ст. 349 Трудового кодекса РФ несколько противоречит действующему законодательству РФ.

Как известно, лица гражданского персонала могут работать по трудовому договору не только в органах, организациях и учреждениях, функционирующих в сфере военной службы, но и в иных органах, организациях и учреждениях в сфере обеспечения обороны и безопасности, правоохранительной деятельности государства, по защите прав и свобод человека и гражданина. Хотя эти органы, организации и учреждения и не относятся непосредственно к военной службе, но тесно связаны с ней, являясь военизированными: граждане проходят в них службу с присвоением специальных званий и классных чинов. Задачи указанных органов также обусловливают с учетом специфики их деятельности необходимость дифференцированного подхода к регулированию труда занятых в них лиц, в том числе и относящихся к гражданскому персоналу.

Например, в Законе РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [12] содержится ст. 24 «Работники уголовно-исполнительной системы».

В числе таковых названы лица: а) имеющие специальные звания сотрудников уголовно-исполнительной системы; б) федеральные государственные гражданские служащие, замещающие должности федеральной государственной гражданской службы в уголовно-исполнительной системе; в) рабочие и служащие.

При этом организация деятельности рабочих и служащих, их трудовые отношения регламентируются законодательством РФ о труде и правилами внутреннего распорядка учреждений, исполняющих наказания.

Согласно ст. 4 Федерального закона от 21.07.1997 № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» [13] в целях технического обеспечения деятельности таможенных органов в их штатных расписаниях предусматриваются соответствующие должности работников таможенных органов, трудовые отношения которых регулируются законодательством РФ о труде.

Лица гражданского персонала работают по трудовому договору и в других организациях и учреждениях федеральных органов исполнительной власти, выполняющих задачи в области обороны, правоохранительной деятельности и безопасности государства.

Представляется, что следует дополнить ст. 349 Трудового кодекса РФ указанием на особенности регулирования труда лиц гражданского персонала, работающих по трудовому договору не только в Вооруженных Силах РФ, но и в иных органах, организациях и учреждениях в сфере обеспечения обороны и безопасности, правоохранительной деятельности государства, по защите прав и свобод человека и гражданина.

Необходимость такого рода дополнения ст. 349 Трудового кодекса РФ подтверждается, в частности, наличием единого документа по оплате труда работников отдельных органов ряда министерств и ведомств РФ. Имеется в виду постановление Правительства РФ от 30 декабря 2000 г. № 1027 «Об упорядочении условий оплаты труда работников отдельных органов федеральных органов исполнительной власти, выполняющих задачи в области обороны, правоохранительной деятельности и безопасности государства» [14].

Этот документ носит комплексный характер, поскольку принят в целях обеспечения социальных гарантий и упорядочения условий оплаты труда работников отдельных органов целого ряда министерств и ведомств: Минобороны России, МВД России, Минюста России, МЧС России, Спецстроя России и др.

В ч. 2 ст. 349 Трудового кодекса РФ сказано, что в соответствии с задачами органов, учреждений и организаций, указанных в ч. 1 настоящей статьи, для работников устанавливаются особые условия оплаты труда, а также дополнительные льготы и преимущества.

Таким образом, можно полагать, что особый подход к правовому регулированию труда работников органов, учреждений и организаций, названных в ч. 1 ст. 349 Трудового кодекса РФ, ограничивается установлением особых условий оплаты труда, а также дополнительных льгот и преимуществ.

Вместе с тем хотелось бы сразу пояснить, что особенности в регулировании труда лиц гражданского персонала не могут быть сведены только к установлению особых условий оплаты труда, а также дополнительных льгот и преимуществ, как сказано в ч. 2 ст. 349 Трудового кодекса РФ. Такие особенности могут касаться, в частности, рабочего времени и времени отдыха некоторых категорий лиц гражданского персонала, а также ряда других вопросов [15].

Однако в настоящей статье эти вопросы не затрагиваются, поскольку они требуют отдельного рассмотрения.

Библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный. закон от 30 декабря № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 3.

2. Об обороне: Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 23. – Ст. 2750.

3. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ // Собрание законодательства РФ/ – 1998.– № 13. – Ст. 1475.

4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2012 г. по делу № 25-Г12-1 о восстановлении на работе, взыскании среднего заработка за время вынужденного прогула и компенсации морального вреда. В удовлетворении иска о восстановлении на работе, взыскании среднего заработка за время вынужденного прогула и компенсации морального вреда отказано правомерно, так как должность, которую на момент увольнения замещала истица, допускает замещение лицом гражданского персонала до прибытия на эту должность военнослужащего, увольнение истца произведено в связи с истечением срока трудового дого-

вора, порядок увольнения соблюден [Электронный ресурс] // «КонсультантПлюс» // URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req; Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 18 марта 2015 г. по делу № 33-935/2015. Требование: О признании трудового договора заключенным на неопределенный срок. Обстоятельства: По мнению истца, у ответчика не имелось оснований для заключения срочного трудового договора. Решение: В удовлетворении требования отказано, так как должность, которую замещает истец, допускает замещение лицом гражданского персонала до прибытия на эту должность военнослужащего // URL:http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req.

5. Об утверждении Перечня воинских должностей, подлежащих замещению старшими и младшими офицерами в Вооруженных Силах Российской Федерации, которые разрешается замещать гражданским персоналом: приказ Министра обороны РФ от 28 января 2004 г. № 20 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти.– 2004. – № 9.

Нельзя не отметить наличие также такого документа, как приказ Министра обороны РФ от 28 сентября 2012 г. № 3030дсп «Об утверждении Перечня воинских должностей, подлежащих замещению старшими и младшими офицерами в Вооруженных Силах Российской Федерации, которые разрешается замещать гражданским персоналом» (зарегистрирован в Минюсте РФ 21 декабря 2012 г., регистрационный № 26230).

6. Об утверждении Номенклатуры должностей медицинских работников и фармацевтических работников: приказ Минздрава России от 20 декабря 2012 г. № 1183н //Российская газета, 2013, 27 марта.

7. Об утверждении Перечня должностей (профессий), замещаемых лицами гражданского персонала, в Вооруженных Силах Российской Федерации: приказ Министра обороны РФ от 13 октября 2008 г. № 520 //URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req.

8. Об утверждении Перечня воинских должностей офицеров, которые могут замещаться гражданским персоналом во внутренних войсках МВД России: приказ МВД России от 7 апреля 2014 г. № 323 // Российская газета, 2014, 27 мая.

9. О мерах по реализации отдельных положений статьи 81 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»: приказ Министра обороны РФ от 15 сентября 2014 г. № 670 // Российская газета, 2014, 30 декабря.

10. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 27 (ч. I). – Ст. 4159.

11. Об утверждении Перечня воинских должностей офицеров, которые могут замещаться гражданским персоналом в войсках национальной гвардии Российской Федерации: приказ Росгвардии от 5 августа 2016 г. № 55 //Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2016. – № 39.

12. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1316.

13. О службе в таможенных органах Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3586.

14. Об упорядочении условий оплаты труда работников отдельных органов федеральных органов исполнительной власти, выполняющих задачи в области обороны, правоохранительной деятельности и безопасности государства: поста-

новление Правительства РФ от 30 декабря 2000 г. № 1027 // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 2. – Ст. 179.

15. *Скачкова Г.С.* Регулирование труда лиц гражданского персонала федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации, выполняющих задачи в области обороны, правоохранительной деятельности и безопасности государства: науч-практ. пособие / Г.С. Скачкова; Рос. Акад. наук, Ин-т государства и права. – М.: Волтерс Клувер, 2005.

УДК 349.222
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.111.1.009

Особенности регулирования труда работников пожилого возраста: к вопросу о необходимости совершенствования российского законодательства в контексте обеспечения социальной безопасности

С.Ю. Чуча[*], Р.В. Кирсанов[**]

Аннотация. В статье рассмотрен ряд особенностей регулирования труда работников пожилого возраста. Авторами разработан проект новой главы в Трудовом кодексе РФ, посвященной трудовой деятельности указанной категории работников и касающейся таких аспектов их взаимоотношений с работодателем, как заключение, изменение и прекращение трудового договора, регулирование рабочего времени и времени отдыха, оплата труда, обеспечение здоровых и безопасных условий труда.

Ключевые слова: трудовые отношения, работники пожилого возраста, работодатель, социальная безопасность.

Features of regulation of labor of elderly workers: the question of the need to improve the Russian legislation in the context of security social security

Annotation. The article considers some peculiarities of regulation of work of workers of advanced age. The authors developed a draft of a new Chapter in the Labor code of the Russian Federation devoted to the labor activity of this category of workers and concerning such aspects of their relationship with the employer as the conclusion, amendment and termination of the employment contract, regulation of working time and rest time, remuneration, ensuring healthy and safe working conditions.

Keywords: labor relations, elderly workers, employer, social security.

[*] *Чуча Сергей Юрьевич,* доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора трудового права и права социального обеспечения Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт государства и права Российской академии наук». E-mail: romashkin1933@mail.ru

Chucha Sergey Yurievich., doctor of law, Professor, chief researcher of the sector of labor law and social security law of the Federal state budgetary institution of science of the Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences.

[**] *Кирсанов Роман Васильевич,* кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Kirsanov Roman Vasilievich, PhD in Law, associate Professor, Dean of the faculty of law of Omsk state University named of F.M. Dostoevsky.

Опыт других стран, к которому постепенно обращается Российская Федерация, свидетельствует о том, что в условиях демографического кризиса, когда показатели рождаемости ниже или примерно равны показателям смертности населения, современному государству жизненно важно обеспечивать требуемое для развития экономики количество наемных работников. Для России в последние десятилетия характерно увеличение в составе населения представителей так называемого «старшего поколения» (мужчин в возрасте 60 лет и старше, женщин – начиная с 55 лет, если примерно руководствоваться возрастными градациями, предлагаемыми Всемирной организацией здравоохранения): по данным Федеральной службы государственной статистики Росстата), в 2005 г. таковых насчитывалось 20,4 %, а в 2018 г. – уже 25,4 % [1].

Как видно из представленных цифр, динамика роста численности пожилого населения весьма существенна. При этом старение населения оказывает серьезнейшее влияние на состояние рынка труда. Проблема в мировой практике решается различными способами – активным привлечением рабочей силы из-за рубежа (характерный пример – Федеративная Республика Германия после Второй мировой войны), увеличением количества частично занятых работников и т.п. Однако одним из наиболее предпочтительных способов для современной России, с учетом различных обстоятельств, видится более активное применение труда пожилых работников, являющихся ее гражданами – как вышедшими на пенсию, так и только еще приближающимися к этому этапу в своей жизни.

Как отмечается исследователями, «это позволяет работникам в пожилом возрасте хотя бы отчасти решить проблему низких пенсий, а работодателям – проблему занятия рабочих мест, которые не пользуются спросом у молодежи» [2], с другой же стороны, «в значительной части современных видов занятости эффективность работников старшего возраста и молодежи практически равнозначна. Более того, способность пожилых работников продуктивно использовать обширный профессиональный и личный опыт может обеспечить работодателям конкурентные преимущества за счет более продуманных действий и более взвешенных и стратегически выверенных решений…» [3].

Иными словами, молодости и достаточно большим возможностям организма пожилые работники могут зачастую противопоставить такой поистине драгоценный ресурс, как богатый опыт, подтвержденный практикой, а не теорией. Как это нередко происходит, проблема возникла достаточно давно, но надлежащая реакция со стороны государства пока отсутствует. Так было в свое время с распространением, например, наемного труда, массовым заключением гражданско-правовых договоров вместо трудовых и т.п. Но сейчас, на наш взгляд, любое промедление недопустимо – российское трудовое законодательство нуждается в очередном обновлении.

Несомненно, уже в ближайшее время Раздел XII Трудового кодекса РФ должен быть дополнен главой, отражающей специфику регулирования труда пожилых работников. Особое внимание вызывает соотнесение понятия

«пожилой возраст» с соответствующими возрастными границами, что весьма важно для эффективного правового регулирования отношений с такими работниками. В условиях «плавающего» (прежде всего, в сторону увеличения) возраста выхода на пенсию затруднительно раз и навсегда установить эти границы.

Целесообразно, закрепив в Трудовом кодексе РФ понятие «пожилой работник», дифференцировать эту категорию на две подгруппы – пенсионного и предпенсионного возраста. Причем, опять-таки, с учетом дальнейшего реформирования пенсионного законодательства РФ, в Кодексе можно обойтись без конкретных цифр, используя, тем не менее, вполне конкретные критерии: так, пожилым работником предпенсионного возраста предлагается считать физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем и достигшее возраста, который через пять лет дает право на получение страховой пенсии по старости на общих основаниях.

Соответственно, пожилым работником пенсионного возраста следует признать лицо, достигшее актуального на данный момент по отечественному законодательству возра-ста получения страховой пенсии по старости на общих основаниях. Такие формулировки, как представляется, в сочетании с нормами пенсионного законодательства РФ обеспечат и гибкость в правовом регулировании, и необходимый уровень конкретизации.

С учетом того, что пожилые работники зачастую владеют современными компьютерными технологиями либо производственным оборудованием на достаточно высоком для осуществления поставленных перед ними задач уровне и при этом обладают несравненно большим по сравнению с молодежью профессиональным и жизненным опытом, возможен и больший учет их требований работодателем при заключении, изменении и прекращении трудового договора.

Так, целесообразно законодательно ввести правило о том, что по письменному заявлению пожилого работника работодатель обязан обеспечить ему возможность выполнения дистанционной работы или работы на дому – разумеется, если такое рабочее место будет отвечать требованиям к организации и охране труда в соответствии с гл. 49 и 49.1 Трудового кодекса РФ.

При отстранении от работы по тем обстоятельствам, которые не связаны с виной работника и относятся к медицинскому или психиатрическому освидетельствованию, а также к обучению и проверке знаний по охране труда, целесообразно производить оплату в размере среднего месячного заработка, а не как за простой для иных работников.

Наконец, с учетом все-таки имеющихся возрастных отличий анализируемой категории работников от прочих, возможно уменьшить срок предупреждения ими работодателя при увольнении по собственному желанию до одной недели, что вполне укладывается в общую логику законодателя.

В коллективный договор, если таковой у работодателя заключается, целесообразно включать его дополнительные обязанности, если это необходимо, по повышению квалификации пожилых работников. В том же режиме, что и для несовершеннолетних, нужно устанавливать для пожилых работников периодичность медицинских осмотров, т.е. ежегодно.

Очень важным видится вопрос о правильной организации режима рабочего времени и времени отдыха пожилых работников. Здесь требуется обеспечить баланс интересов таким образом, чтобы эти работники сохраняли стимул к дальнейшему продолжению активной трудовой деятельности в течение длительного периода времени, в чем, несомненно, заинтересованы государство и работодатели.

Так, если работодатель обладает соответствующими организационными возможностями, он может по соглашению с работником устанавливать ему сокращенное рабочее время либо режим гибкого рабочего времени. При правовой регламентации установления сокращенного рабочего времени необходимо избежать той двойственной ситуации, которая сложилась в настоящее время применительно к несовершеннолетним работникам. В частности, в ч. 1 ст. 92 Трудового кодекса РФ установлено, что несовершеннолетним работникам устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени, а в ст. 271 – что оплата их труда, как правило, производится пропорционально отработанному времени, и лишь по инициативе работодателя может производиться доплата за счет его средств.

Сохранение такой же неконкретности для пожилых работников видится непродуктивным. Поэтому оптимальным является, во-первых, установление продолжительности рабочего времени в 36 часов в неделю, и, во-вторых, оплата их труда пропорциональна отработанному времени с обязательной доплатой в размере половины среднего заработка за то время, на которое сокращается продолжительность его работы. При этом в Кодексе возможно сохранение права работодателя производить доплату до размера полного среднего заработка.

С учетом объективных психофизиологических изменений организма пожилых работников критичен вопрос о возможности направления их в служебные командировки, а также о всякого рода работе, выходящей за общеустановленные пределы – сверхурочной, в ночное время, в выходные и праздничные дни. Представляется, что подобная работа может быть допущена лишь с согласия самого работника – причем как предпенсионного, так и пенсионного возраста, а вот количество часов сверхурочной работы в год для пенсионеров, на наш взгляд, не должно превышать 60-80 часов.

Сталкиваясь с примерами порочной практики полулегального использования недобросовестными работодателями труда высококвалифицированных работников, авторы исходят из следующего постулата: государство обязано в короткие сроки переломить эту негативную тенденцию и дать бизнесу понять, что привлечение работников такого возраста ценно, в первую очередь, не с точки зрения отработки ими некой условной нормы часов в определенный временной промежуток, а важно с позиции использования знаний, опыта, навыков, возможности передачи их и применения в интересах работодателя.

Чтобы ежегодный основной оплачиваемый характер носил стимулирующий характер, целесообразно для работников предпенсионного возраста установить его в стандартном размере – 28 календарных дней, а для работников пенсионного возраста увеличить до 31 дня. При этом в ч. 2 ст. 128 Трудового кодекса РФ «Отпуск без сохранения заработной платы»

нужно внести дополнение, согласно которому работникам пенсионного возраста на основании их письменного заявления работодатель обязан предоставить дополнительный отпуск – до 14 календарных дней в году.

Наряду с озвученным выше стандартным набором предложений, типичных по своему содержанию для Раздела XII Трудового кодекса РФ, возможно принятие и более развернутых по характеру мер. Например, сначала в качестве эксперимента, в регионах с демографически сложной ситуацией возможен более конкретный подход к трудоустройству пожилых работников. Как известно, ст. 11 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [4] содержит такое понятие, как «индивидуальная программа реабилитации», под которой понимается целый комплекс оптимальных для инвалида реабилитационных мероприятий, в числе которых – и создание на основе такой программы инвалиду условий труда. По аналогии со ст. 11 и ст. 20 указанного Закона возможна реализация в более простом виде аналогичных мер для пожилых работников – в частности, разработка индивидуальной программы занятости, установление квот для приема на работу (тем более, что для пожилых работников создание специальных рабочих мест, как для инвалидов, не требуется).

Один из авторов настоящей статьи еще в 2000 г., анализируя проблемы правового регулирования труда лиц, нуждающихся в повышенной социальной защите (несовершеннолетних, женщин и инвалидов), предлагал, по аналогии с существующими органами, создание органов экспертизы профессиональной пригодности – для проведения соответствующей экспертизы и разработки программы трудовой деятельности (занятости) [5]. Идея не нашла широкого отклика, вместе с тем сама возможность компетентного уполномоченного органа оказывать адресное содействие работнику видится перспективной – вполне возможно, что она окажется востребованной для пожилых работников.

При этом, учитывая социально-экономическую обстановку в стране, в качестве вынужденной и, возможно, временной меры возможно возложение обязанностей по проведению экспертизы и разработке программы трудовой деятельности пожилого работника на органы медико-социальной экспертизы. Ведь, в конце концов, работники в этом возрасте, по сравнению со среднестатистическими, несколько ограничены в плане жизнедеятельности и в определенном смысле нуждаются в реабилитации.

Разумеется, в настоящей статье содержится не исчерпывающий перечень требуемых изменений. Но, как представляется авторам, предлагаемые первоочередные направления совершенствования отечественного трудового законодательства приведут к наделению достаточно существенным объемом льгот и гарантий именно тех категорий наемных работников, права которых на пенсию наиболее существенно затрагиваются пенсионной реформой. При этом предполагаемое увеличение обязанностей работодателя нельзя назвать чрезмерным, а дифференцированный подход к регулированию труда работников пожилого возраста – способствующим росту их дискриминации, которая сегодня неоправданно велика, создавая угрозу социальной безопасности государства.

Библиографический список

1. Старшее поколение. Демографические показатели // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (дата обращения: 08.01.2019).

2. *Абдуллаева Э.Т. - кызы.* Стимулирование и поощрение труда пожилого населения // Трудовое право в России и за рубежом. – 2018. – № 2. – С. 41– 43.

3. *Черняева Д.В.* Повышение пенсионного возраста как элемент пенсионной реформы: сравнительно-правовой анализ // Трудовое право. – 2010. – № 6. – С. 23 – 29.

4. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 48. – Ст. 4563.

5. *Кирсанов Р.В.* Особенности правового регулирования труда лиц, нуждающихся в повышенной социальной защите. Дисс. канд. юрид. наук. – Омск, 2000. – С. 185 – 189.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

УДК 623.444
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.111.1.010

Конкуренция уголовно-правовых и административно-правовых норм в сфере оборота гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения, газового оружия и холодного оружия

А.П. Бохан*,
С.Н. Чмырев**,
Я.К. Евстафиади***

Аннотация. В статье проанализированы диспозиции ч. 4 ст. 222 УК РФ и ч. 6 ст. 20.8 КоАП РФ. Статья посвящена возможным путям устранения недостатков законодательной регламентации ответственности за незаконный оборот гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения, газового оружия и холодного оружия в уголовном и административном законодательстве. Рассматривается целесообразность внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: конкуренция, сбыт, продажа, гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие, огнестрельное оружие ограниченного поражения, газовое оружие, холодное оружие.

---

* *Бохан Андрей Петрович*, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России. E-mail: boxan@mail.ru),

Bokhan Andrey Petrovich, Candidate of Law Sciences, associate professor Novorossiysk branch Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

** *Чмырёв Сергей Николаевич,* кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России. E-mail: chmyrevsn@mail.ru

Chmyrev Sergey Nikolaevich, Candidate of Law Sciences, associate professor Novorossiysk branch Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

*** *Евстафиади Янис Константинович,* кандидат юридических наук, преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России. E-mail: 79181578099@yandex.ru

Evstafiadi Janis Konstantinovich, Candidate of Law Sciences, Novorossiysk branch Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Competition between criminal law and administrative and legal norms in the field of the circulation of civilian firearms smoothbore long-barreled weapons, firearms limited defeat, gas weapons and cold weapons

Annotation. In article dispositions of the p. 4 of Art. 222 of the Criminal Code of the Russian Federation and the p. 6 of Art. 20.8 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences are analysed. Article is devoted to possible ways of elimination of shortcomings of a legislative regulation of responsibility for illicit trafficking in civil fire smooth-bore long-barreled weapon, firearms of limited defeat, gas weapon and cold weapon in the criminal and administrative legislation. The expediency of modification the Criminal Code of the Russian Federation and the Russian Federation Code of Administrative Offences is considered.

Keywords: competition, sale, sale, civil fire smooth-bore long-barreled weapon, firearms of limited defeat, gas weapon, cold weapon.

Анализируя действующее административное и уголовное законодательство, а также с учетом исторических особенностей мы обнаруживаем сходство этих отраслей права. Во-первых, административное и уголовное законодательство является кодифицированными, во-вторых, совпадают задачи этих отраслей законодательства, в-третьих, однородность общественных отношений, регулируемых ими, в-четвертых, идентичность методов правового регулирования, совпадение круга общественных отношений, которые взяты под охрану уголовным и административным законодательством Российской Федерации. Таким образом, наличие в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) и Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) множества сходных, совпадающих по основным конструктивным признакам составов преступлений и административных правонарушений влечет за собой возникновение различного рода коллизий или назовем это конкуренцией правовых норм.

В данной статье мы хотим обратить внимание на имеющуюся проблему в разграничении составов, предусмотренных ч. 6 ст. 20.8 КоАП РФ и ч. 4 ст. 222 УК РФ. Нисколько не претендуя на всестороннее и глубокое исследование указанной проблемы, авторы ставят своей целью осветить ее отдельные аспекты, представляющиеся наиболее актуальными, высказать некоторые суждения и предложения по ее разрешению, которые могут оказаться вполне полезными, как законодателю, так и правоприменителям и возможно привлечь внимание других исследователей.

Все чаще и чаще в последнее время у сотрудников правоохранительных органов возникают вопросы относительно квалификации действий лиц, которые незаконно сбывают гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие, огнестрельное оружие ограниченного поражения, газовое оружие, холодное оружие, в том числе метательное ору-

жие. С какими же сложностями применения правовых норм сталкивается правоприменитель?

В уголовном законодательстве ч. 4 ст. 222 УК РФ устанавливает ответственность за незаконный сбыт гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения, газового оружия, холодного оружия, в том числе метательного оружия [1] и в административном законодательстве предусмотрена ответственность за незаконное приобретение, продажу, передачу, хранение, перевозку или ношение гражданского огнестрельного гладкоствольного оружия и огнестрельного оружия ограниченного поражения [2] (ч. 6 ст. 20.8 КоАП РФ). На первый взгляд, действительно, речь может идти о довольно таки-спорной ситуации в случае незаконной продажи гражданского огнестрельного гладкоствольного оружия или, например, огнестрельного оружия ограниченного поражения. Прежде чем перейдем к рассмотрению предложенной ситуации, необходимо раскрыть термины, которыми мы будем оперировать в дальнейшем.

Первое – необходимо определить незаконный характер действий как для ч. 4 ст. 222 УК РФ, так и для ч. 6 ст. 20.8 КоАП РФ. Правила оборота гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения, газового оружия и холодного оружия определены, прежде всего, в Федеральном законе

«Об оружии» [3], а также в постановлениях Правительства Российской Федерации, касающихся правил, которые регулируют оборот выше указанных видов оружия и иных ведомственных нормативных правовых актах. Для признания действий незаконными необходимо устанавливать, какие именно правила были нарушены лицом.

Второе – надлежит подвергнуть анализу понятия «продажа» и «сбыт». Для определения понятия «незаконный сбыт» обратимся к п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5, в соответствии с которым: «Под незаконным сбытом указанных предметов следует понимать их безвозвратное (в отличие от незаконной передачи) отчуждение в собственность иных лиц в результате совершения какой-либо противоправной сделки (возмездной или безвозмездной), т.е. продажу, дарение, обмен и т.п.» [4]. Раскроем следующее понятие. Продажа (sale, selling) – факт (действие, событие, сделка) обмена товара и (или) услуги на их эквивалент в виде денег. Продажа – процесс (менеджмент, управление) выработки общих условий обмена товара на его эквивалент в денежном выражении, в котором участвуют такие категории, как продавец и покупатель, заинтересованные в совершении сделки по продаже [5]. Само по себе определение термина «продажа» интереса в рамках данного исследования не представляет. Ключевым моментом является факт отнесения продажи как разновидности сбыта.

Третье – дадим определения следующим видам оружия, таким как гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие, огнестрельное оружие ограниченного поражения, газовое оружие, холодное оружие и как разновидности холодного оружия метательное оружие.

Гражданское огнестрельное глад-коствольное длинноствольное оружие предназначено для использования гражданами Российской Федерации в це-

лях самообороны, для занятий спортом и охоты. Гражданское огнестрельное оружие должно исключать ведение огня очередями, иметь емкость магазина (барабана) не более 10 патронов и общую длину оружия не менее 800 мм.

Огнестрельное оружие ограниченного поражения (пистолет, револьвер, огнестрельное бесствольное устройство отечественного производства) с патронами травматического действия, патронами газового действия и патронами светозвукового действия.

Газовое оружие: газовые пистолеты и револьверы, в том числе патроны к ним, механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные слезоточивыми или раздражающими веществами, разрешенными к применению федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения.

Холодное оружие – оружие, предназначенное для поражения цели при помощи мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектом поражения.

Метательное оружие – оружие, предназначенное для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение при помощи мускульной силы человека или механического устройства [3].

Под холодным оружием и в том числе метательным оружием следует понимать изготовленные промышленным или самодельным способом:

– предметы, предназначенные для поражения цели при помощи мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектом поражения, которые включают в себя холодное клинковое оружие (кинжалы; боевые, национальные, охотничьи ножи, являющиеся оружием; штыки-ножи; сабли; шашки; мечи и т.п.), иное оружие режущего, колющего, рубящего или смешанного действия (штыки, копья, боевые топоры и т.п.), а также оружие ударно-дробящего действия (кастеты, нунчаки, кистени и т.п.);

– предметы, предназначенные для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение при помощи мускульной силы человека (метательные ножи и топоры, дротики и т.п.) либо механического устройства (луки, арбалеты и т.п.) [6, с. 59].

Необходимо обратить внимание на несоответствие понятия «холодное оружие», которое указано в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 и в Федеральном законе «Об оружии» от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ. Так, в ст. 2 Федерального закона «Об оружии» используется понятие «холодное оружие», а в п. 2, 3 ст. 3 указано на разновидность холодного оружия, на холодное клинковое оружие, а в п. 5 ст. 3 Федерального закона «Об оружии» на холодное клинковое оружие, предназначенное для ношения с казачьей формой, а также с национальными костюмами народов Российской Федерации, атрибутика которых определяется Правительством Российской Федерации. Считаем в целях единообразного применения норм необходимо в уголовном и административном законодательстве использовать объединяющее понятие «холодное оружие», которое включает и метательное оружие как разновидность холодного оружия.

Итак, как квалифицировать действия лица, которое продает, например, гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие? В целом действия такого лица подпадают под действие уголовного закона и административного законодательства. В соответствии с рекомендациями, которые высшая судебная инстанция предложила в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», судам при «рассмотрении дел о нарушениях правил оборота оружия и боеприпасов необходимо иметь в виду, что неправомерные действия лица могут содержать одновременно признаки состава как административного правонарушения, так и преступления, в связи с чем необходимо отграничивать виды ответственности владельцев оружия» [4].

«При этом в случаях, когда допущенное лицом административное правонарушение (например, нарушение правил хранения или ношения оружия и боеприпасов, их продажи, несвоевременная регистрация и перерегистрация оружия и т.п.) содержит также признаки уголовно наказуемого деяния, указанное лицо может быть привлечено лишь к административной ответственности» [6, с. 61].

Подводя промежуточный итог, отметим, что в приведенном нами примере применяются нормы административного законодательства, а именно действия виновного необходимо квалифицировать по ч. 6 ст. 20.8 КоАП РФ.

Однако могут возникнуть другие ситуации. Например, лицо с нарушением установленного порядка дарит, а не продает гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие. В этом случае в строгом соответствии с законодательством действия такого лица надлежит квалифицировать по ч. 4 ст. 222 УК РФ.

Или другой пример. Лицо незаконно продает газовое оружие или холодное оружие. И в этой ситуации действия лица квалифицируем по ч. 4 ст. 222 УК РФ.

Для чего приведены данные примеры? С одной единственной целью: показать несовершенство законодательства в области оборота гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения, газового оружия и холодного оружия. Если посмотреть на ситуацию, когда лицо не продает гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие, а дарит его. Зададимся вопросом: неужели общественная опасность такого деяния повышается до уровня признания такого деяния преступлением? Нет, конечно! Пример с продажей газового оружия или холодного оружия также указывает на необходимость, обратить внимание законодателя на возникшее противоречие. Когда за продажу оружия, которое обладает большей поражающей силой (гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие), наступает административная ответственность, а продажу оружия, которое обладает меньшей поражающей силой (газовое оружие), надлежит квалифицировать как преступление.

Также обратим внимание на еще одно обстоятельство. Статья 20.10 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за незаконное

изготовление, продажу пневматического оружия или передачу пневматического оружия. Ссылкой на данную норму хотим подтвердить наши выводы о необходимости установления ответственности за незаконный оборот газового оружия и холодного оружия, в том числе метательного оружия в рамках административного законодательства. Совсем нелогичным выглядит установление административной ответст-венности за незаконный оборот пневматического оружия и отсутствие таковой за незаконный оборот газового оружия и холодного оружия.

И завершая наше исследование, обратим внимание еще на одно несоответствие.

Касаясь смыслового соответствия диспозиции ч. 6 ст. 20.8 КоАП РФ отметим, что выявляется определенное несоответствие, которое заключается в следующем: диспозиция нормы – незаконные приобретение, продажа, передача, хране-ние, перевозка или ношение гражданского огнестрельного гладкоствольного оружия и огнестрельного оружия ограниченного поражения… Буквально трактуя диспозицию ч. 6 ст. 20.8 КоАП РФ, отметим, что применение союза «и» предполагает совершение действий, указанных в рассматриваемой части статьи, одновременно относительно гражданского огнестрельного гладкоствольного оружия и огнестрельного оружия ограниченного поражения считаем, что использование союза «и» ограничивает применение ч. 6 ст. 20.8 КоАП РФ, так как незаконные действия, направленные на приобретение, продажу, передачу, хранение, перевозку или ношение, должны отдельно распространятся на гражданское огнестрельное гладкоствольное оружие и отдельно на огнестрельное оружие ограниченного поражения. Учитывая выше сказанное, диспозицию ч. 6 ст. 20.8 КоАП РФ необходимо изложить следующим образом: «незаконные приобретение, продажа, передача, хранение, перевозка или ношение гражданского огнестрельного гладкоствольного оружия или огнестрельного оружия ограниченного поражения».

В связи с вышеизложенным, считаем возможным и обоснованным внести изменения и дополнения в ст. 222 УК РФ и ст. 20.8 КоАП РФ. В целях устранения выявленных противоречий предлагаем исключить ч. 4 из ст. 222 УК РФ, а ч. 6 ст. 20.8 КоАП РФ изложить в следующей редакции:

«6. Незаконные приобретение, сбыт, передача, хранение, перевозка или ношение гражданского огнестрельного гладкоствольного оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения, газового оружия или холодного оружия».

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 1.

3. Федеральный закон Российской Федерации «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 51. – Ст. 5681.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – № 5.

5. См.: http://design-for.net/page/prodazha (дата обращения: 21.09.2018).

6. Уголовное право в 2 т. Т. 2. Особенная часть: учебник для академического бакалавриата / Отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2017. – 442 с.

УДК 340
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.111.1.011

К вопросу о реализации принципа гуманизма в уголовно-исполнительном праве Российской Федерации с учетом требований международных правовых стандартов

И.Н. Коробова*

Аннотация. Функционирование любой отрасли права базируется на основополагающих принципах, в том числе общеправовых. Уголовно-исполнительное право не является исключением. В настоящее время развитие уголовно-исполнительного законодательства идет путем дальнейшего развития общеправового принципа гуманизма при исполнении уголовных наказаний с учетом требований международных правовых стандартов и уголовно-исполнительной политики государства.

Ключевые слова: принципы права, принцип гуманизма, международные правовые стандарты, уголовно-исполнительное законодательство.

On the implementation of the principle of humanism in the criminal Executive law of the Russian Federation taking into account the requirements international legal standards

Annotation. The functioning of any branch of law is based on fundamental principles, including General legal ones. The criminal Executive law is not an exception, at present the development of the criminal Executive legislation goes through the further development of the General legal principle of humanism in the execution of criminal penalties, taking into account the requirements of international legal standards and the criminal Executive policy of the state.

Keywords: principles of law, the principle of humanism, international legal standards, penal legislation.

Построение любой отрасли права, как и любого здания, невозможно без надежного фундамента, каковым в юриспруденции являются принципы права, отражающие основополагающие идеи, исходящие из общечеловеческих ценностей. Одним из наиболее значимых в данной когорте является принцип гума-

* *Коробова Ирина Николаевна,* заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России. E-mail: i-korobova@yandex.ru

Korobova Irina Nikolaevna, Deputy head of the Department of criminal Executive law of the Academy of the FSIN of Russia.

низма, который на современном этапе развития нашего общества пронизывает всю национальную систему права, не исключая уголовно-исполнительное законодательство.

В связи с этим логичным представляется исследование важности принципа гуманизма в теории уголовно-исполнительного права. Следует отметить тот факт, что в работах отечественных ученых-пенитенциаристов данный вопрос всегда был предметом научных изысканий. Так, Н.А. Стручков неоднократно отмечал, что «принцип гуманизма, прежде всего, состоит в том, что применение наказания служит интересам всего общества [1].

Гуманизм не означает филантропии, всепрощения. Государство во имя интересов, благополучия и безопасности общества подвергает лиц, совершивших преступные деяния, каре, т. е. ограничениям и даже лишениям, которые объективно доставляют осужденным известные, главным образом нравственные, страдания. Эти лишения и страдания не самоцель, ибо закон категорически исключает цель причинения осужденному страданий и унижения человеческого достоинства. Они – элемент наказания. Лишения и страдания связаны с фактом изоляции, которая нужна, чтобы обезопасить общество от преступных посягательств посредством решения задач частного (специального) и общего предупреждения, достижения цели исправления и перевоспитания осужденного.

Поэтому нельзя считать наказание гуманным актом лишь в том случае, если оно исчерпывается одним фактом изоляции. Поместить осужденного в место заключения еще не значит обеспечить кару. Лишение свободы является наказанием тогда, когда оно выражается в надлежащей изоляции преступника и связано с лишениями и ограничениями ряда личных прав и бытовых удобств [2, с. 78].

Уголовно-исполнительное законодательство в русле рассматриваемой проблемы должно соответствовать как общим, так и специальным международным правовым стандартам, среди которых доминирующее место занимают документы, ратифицированные на территории нашей страны: Всеобщая декларация прав человека 1948 г.; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.; Конвенция о правах ребенка 1989 г.; Конвенция о правах инвалидов 2006 г. и др.

Специальные международные правовые стандарты, регламентирующие порядок обращения с заключенными, также содержат в себе данный принцип. В первую очередь к таким стандартам специального характера следует отнести Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы, 2015), Европейские пенитенциарные правила (2006), Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила, 1990) и др.

Анализ данных документов свидетельствует о том, что они регламентируют порядок обращения со всеми категориями лиц, содержащихся в местах лишения свободы, без их разделения по различным социально-демографическим основаниям, за исключением специальных международных правовых стандартов, определяющих основополагающие правила обращения с осужденными несовершеннолетними, среди которых можно назвать Пра-

вила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), принятые Генеральной Ассамблеей ООН в 1985 г., а также Правила ООН, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила, 2010), в которых уже наиболее ярко прослеживается реализация данного принципа в отношении конкретно определенной категории преступников.

Многие рекомендации международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с несовершеннолетними осужденными и женщинами реализованы в российском законодательстве. Речь прежде всего идет о Руководящих принципах ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних, принятых в Эр-Рияде, а также о Правилах ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, принятых VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 1990). Руководящие принципы исходят из того, что поступки молодых людей или поведение, которое не соответствует общим социальным нормам и ценностям, во многих случаях связаны с процессом взросления и роста и что, как правило, по мере взросления поведение большинства индивидов самопроизвольно изменяется (п. «е» ч. 5 разд. I) [3, с. 99–105].

Необходимо отметить, что приведение национального законодательства в соответствие с международными стандартами, разработка новых гуманистических подходов к исполнению наказаний, обращению с осужденными является важной задачей государства и одним из направлений его внутренней политики. Указанная деятельность определяет возможности признания такого государства международным обществом и налаживания с ним партнерских отношений. Кроме того, использование и внедрение международных стандартов в отечественное уголовно-исполнительное законодательство свидетельствует о гуманизации исполнения и отбывания наказаний в исправительных учреждениях. В то же время принципы международного сотрудничества говорят о том, что соблюдение международных стандартов не может быть навязано средствами экономического, политического или военного воздействия, что призвано сохранить государственный суверенитет.

Безусловно, современное состояние российской уголовно-исполнительной системы еще не позволяет говорить о том, что она полностью соответствует параметрам международно-правовых актов. Вместе с тем в современном мире вряд ли какая-либо страна может провозгласить полное фактическое соответствие всем требованиям, которые изложены в международных принципах. Для всех государств особенно актуальны вопросы предотвращения пыток и латентного насилия в местах лишения свободы, обеспечения осужденных оплачиваемым трудом, юридической защитой, социально-реабилитационной помощью после освобождения и, конечно, создания условий отбывания наказания женщин с учетом их физиологических, психологических и биологических особенностей, а также поддержания и укрепления взаимоотношений с детьми и семьей.

Говоря о содержании принципа гуманизма в уголовно-исполнительном праве, следует отметить, что гуманизм – это общечеловеческая

и высоконравственная идея, в основе которой лежит признание личности высшей социальной ценностью общества и государства.

Приоритетные направления государственной политики в области развития уголовно-исполнительной системы определяются уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации и Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р. Одними из основных целей Концепции являются гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и осужденных, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов в соответствии с международными стандартами [4].

В настоящее время в соответствии с Конституцией Российской Федерации права и свободы человека провозглашены высшей ценностью.

Принцип гуманизма также получил свое закрепление в ст. 8 УИК РФ. Вместе с тем следует отметить, что содержание ныне действующих норм о гуманизме недостаточно отражает все проблемы, связанные с реализацией воздействия рассматриваемого принципа в отношении субъектов уголовных и уголовно-исполнительных правоотношений.

Принцип гуманизма в уголовно-исполнительном праве РФ находит свое выражение и в правовом положении осужденных, и в режиме отбывания наказания, и средствах его обеспечения.

Наиболее ярко проявляется принцип гуманизма при исполнении наказания в виде лишения свободы в правовом статусе осужденных. Гуманизм принадлежит к тем основополагающим началам правового статуса граждан, которые с исчерпывающей полнотой выражают истинную человечность существующей правовой системы, ее целенаправленную способность содействовать формированию гармонически и всесторонне развитого человека.

Сложившаяся в последние годы практика законотворчества и правоприменительной деятельности позволяет сделать вывод о том, что если нормы, регламентирующие режим отбывания наказания и средства его обеспечения достаточно стабильны, то нормы уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующие правовое положение осужденных к лишению свободы, в последнее время подвержены изменению, становясь более гуманными.

Одним из последних примеров проявления гуманизма в отношении осужденных, отбывающих наказание, было внесение изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав детей, родители которых отбывают наказание в виде лишения свободы. Данные изменения были внесены с учетом требований Конвенции о правах ребенка, в которой устанавливается ответственность государства за организацию регулярных контактов ребенка с матерью в целях минимизации неблагоприятного влияния разлуки с нею на эмоциональное состояние ребенка, а также в целях предотвращения проблем в его развитии. Эти изменения коснулись ст. 89, 97 и 121 УИК РФ, суть изменений сводится к предоставлению дополнительных свиданий матери или отца, являющегося единственным родителем, с ребенком, возможности дополнительных выез-

дов данной категории осужденных за пределы исправительного учреждения, а также возможности проживания за пределами ИУ.

В литературе обоснованно отмечается, что потеря осужденными полезных социальных связей порождает духовную изоляцию, влекущую за собой социальное отчуждение. Последствием такого отчуждения является формирование у осужденных антинравственных связей, возникновение которых существенно осложняет процесс исправления и перевоспитания, поскольку эти связи неизбежно порождают у осужденных новую систему ценностных ориентаций и зависимостей.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, воспринявший нормы международного права, снял ограничения в переписке, отменено взыскание в виде лишения осужденных свиданий с близкими родственниками. Приоритетный характер норм международных стандартов в вопросах гуманизма режима исполнения (отбывания) закрепляется в Концепции реформирования уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г. [4].

Кроме того, анализ изменений уголовно-исполнительного законодательства за последние несколько лет позволяет сделать вывод о том, что законодатель и дальше стремится сделать условия отбывания более гуманными, в частности, увеличение количества разрешенных к расходованию денежных средств, увеличение количества длительных и краткосрочных свиданий, а также длительности прогулок.

Проявлением акта гуманизма государства в данном направлении стало решение Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности п. «б» ч. 3 ст. 125 и ч. 3 ст. 127 УИК РФ, в котором Конституционный Суд признал нормы УИК, исключающие возможность длительных свиданий для пожизненно осужденных в течение первых 10 лет их срока, не соответствующими Основному Закону. Эта норма начала действовать сразу после утверждения постановления, до момента корректировки УИК РФ. Таким образом, осужденные к пожизненному лишению свободы смогут рассчитывать на одно длительное свидание в год. Свое решение Конституционный Суд объяснил тем, что в Конституции закреплено право осужденных просить о помиловании или смягчении наказания, а потому не исключается и возможность освобождения пожизненно осужденного. По мнению Конституционного Суда, это обязывает законодателя учитывать при выборе ограничений для осужденных то, что необходимо достигать всех целей наказания: не только восстановления социальной справедливости и предупреждения совершения новых преступлений, но и исправления осужденного. Прежние нормы не позволяли оценить характер поведения осужденных, а также индивидуализировать меры воспитательного воздействия на них, счел Конституционный Суд. В частности, речь шла о том, о перевод из строгих условий отбытия наказания – в обычные, где у человека есть права на длительные свидания, происходит не ранее чем через 10 лет [5]. Законодатель учел это решение и внес изменения в ч. 2 ст. 125 УИК РФ.

Это лишь основные штрихи проявления принципа гуманизма в правовом статусе осужденных.

Таким образом, осужденный должен рассматриваться одновременно как человек, личность и гражданин. Учет этих компонентов позволяет вы-

явить также связи и отношения осужденного с обществом и государством, которые составляют содержание его правового статуса, выражают идею достоинства личности.

Библиографический список

1. Коробова И.Н., Давыдова И.А. Гуманизм как принцип уголовно-исполнительного законодательства // Юридическая мысль. – 2017. – № 5 (103). – С. 69.

2. *Полищук Н.И., Иванова Н.А.* Гуманизация исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин. – Рязань, 2012. – 208 с.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2016 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта "б" части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В. Королева и В.В. Королевой» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 31.05.2012) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СПС «КонсультанПлюс».

5. *Стручков Н. А.* Курс исправительно-трудового права. Т. 1: Проблемы Общей части. – М.: Юрид. лит., 1984. – 240 с.

УДК 343.35
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.111.1.012

Борьба с коррупцией в России на современном этапе

Н.И. Савченко*

Аннотация. Проанализированы и раскрыты причины, порождающие коррупцию. Рассмотрено проявление коррупции в Федеральной службе исполнения наказаний. Автор исходит из того, что в каждой государственной структуре для появления коррупции имеются свои внутренние условия, коррупция в УИС зависит как от общих причин, детерминирующих ее в обществе, так и от условий и обстоятельств внутриведомственного характера, обусловливающих совершение коррупционных преступлений и правонарушений.

Ключевые слова: причины коррупции, борьба с коррупцией, коррупция в ФСИН.

The fight against corruption in Russia at present stage

Annotation. Analyzed and disclosed the causes of corruption. The manifestation of corruption in the Federal penitentiary service is considered. The author proceeds from the fact that each state structure has its own internal conditions for the emergence of corruption, corruption in the penal system depends both on the General causes determining it in society, and on the conditions and circumstances of the intradepartmental nature that lead to the Commission of corruption crimes and offenses.

Keywords: causes of corruption, fight against corruption, corruption in the FSIN.

В настоящее время коррупция в Российской Федерации имеет место практически во всех сферах государственной деятельности. Исходя из этого, общественное мнение склоняется к тому, что Россия является одним из самых пораженных коррупцией государств. Тем самым отсутствует доверие со стороны общественности в отношении государственных органов в реальность борьбы с коррупцией. Большинство населения полагает, что сегодня борьба с коррупцией – это очередная имитация. Однако последние дела,

* *Савченко Нина Ивановна*, Академия права и управления ФСИН России, командир взвода юридического факультета. E-mail: academy@apu.fsin.su

Savchenko Nina Ivanovna, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, platoon commander of the Faculty of Law.

вызвавшие общественный резонанс показывают, что государство на сегодняшний день активизировало свои действия по борьбе с коррупцией в силовых структурах.

Обстоятельства и условия возникновения и распространения коррупции многообразны, причем в каждой государственной структуре имеются свои внутренние условия ее проявления [1, с. 57]. Отсюда следует ряд базовых причин, которые порождают коррупцию в России. Среди них [2]:

– несовершенство законодательной базы противодействия коррупции;

– неопределенность норм многих отраслей и институтов законодательства;

– нечеткость законотворческих процедур и как следствие издержки правоприменительной практики за коррупционные преступления и правонарушения;

– наличие бюрократической государственной системы управления и малоэффективная система контроля, что неизбежно приводит к бюрократизму и усложняет процедуру прохождения и принятия практических решений.

Но самая главная причина – это чрезвычайно высокий порог терпимости граждан к проявлению коррупции. Граждане Российской Федерации, хотя и требуют от государственной власти активности по борьбе с коррупцией, сами не готовы к этому, считая коррупцию этически приемлемой формой взаимоотношений, а иногда сами, того не зная, создают условия для ее образования.

Исходя из того, что коррупция имеет системный характер и зависит от множества факторов: экономических, организационных, социальных, духовных, этнических, политических, исторических и законодательных, то ее невозможно преодолеть в какой-либо одной из сфер государственной деятельности, например, в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС). Борьба с коррупцией будет эффективна только в результате проведения комплекса профилактических, предупреждающих и выявляющих мероприятий в рамках антикоррупционной политики государства.

Таким образом, коррупция в УИС зависит как от общих причин, детерминирующих ее в обществе, так и от условий и обстоятельств внутриведомственного характера, обусловливающих совершение коррупционных преступлений и правонарушений.

Ни одна силовая система в России не свободна от коррупции, особую опасность она имеет в Федеральной службе исполнении наказания (ФСИН), так как из-за постоянного общения осужденных с сотрудниками УИС и ограниченного пространства осужденные для улучшения своего положения и других послаблений режима прибегают к разнообразным способам для склонения к противоправным действиям сотрудников УИС.

В большинстве случаев коррупционные риски присутствуют при принятии должностными лицами решений о предоставлении условно-досрочного освобождения, перевода осужденных из одного исправительного учреждения в другое, предоставлении осужденным необоснованных льгот и послаблений в режиме отбывания наказания.

Большую часть противоправных действий, к которым осужденные склоняют сотрудников УИС, составляет пронос запрещенных предметов.

Так, Следственным комитетом Российской Федерации по Смоленской области завершено расследование уголовного дела по обвинению заведующей складом ФКУ ИК № 2 УФСИН России по Смоленской области в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ [3].

Следствием установлено, что в период с октября 2016 г. по март 2017 г. женщина систематически осуществляла пронос алкогольной продукции в целях сбыта осужденным. 15 марта 2017 г. обвиняемая попыталась провезти на территорию колонии очередную партию этилового спирта объемом 7,5 литра. Однако была задержана с поличным. Всего за незаконно оказанные услуги обвиняемая получила взятку на общую сумму 195 тысяч рублей. В ходе допроса женщина свою вину признала полностью. Уголовное дело было возбуждено на основании материалов оперативно-розыскной деятельности, представленных сотрудниками собственной безопасности УФСИН по области при тесном взаимодействии с региональным УМВД России. Следствием собрана достаточная доказательственная база, в связи с чем уголовное дело направлено в суд для рассмотрения по существу.

Также, например, 18 сентября 2017 г. органами Следственного комитета Российской Федерации по Тульской области возбуждено уголовное дело в отношении первого заместителя начальника Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Тульской области 41-летнего Всеволода Снурницина, подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 290 УК РФ (получение взятки в особо крупном размере) [4]. По версии следствия, заместитель начальника Управления получил денежные средства в сумме 300 тысяч рублей от осужденного за способствование положительному решению вопроса о замене лишения свободы на более мягкий вид наказания и предоставлении облегченных условий содержания в исправительном учреждении. Стоит отметить, что полученная сумма являлась только частью денежных средств в размере 1 миллиона 300 тысяч рублей, которые намерен был получить подозреваемый от осужденного. Преступление выявлено в результате совместных действий сотрудников регионального управления Следственного комитета Российской Федерации, федеральной и региональной служб безопасности ФСИН России, а также УЭБиПК УМВД России по Тульской области. В настоящее время подозреваемый задержан, решается вопрос об избрании в отношении него меры пресечения.

В данных примерах ярко выражены такие уголовно-правовые проявления коррупции, как подкуп государственных служащих. В УИС такой вид коррупции как подкуп, выявляется достаточно редко, как правило, на сотрудников исправительных учреждений заводят уголовные дела, связанные с получением взятки, а лицо, от которого поступило предложение о получении взятки, «уходит» от ответственности.

Для того чтобы снизить преступления коррупционного характера, необходимо не только выявлять недобросовестных сотрудников, но и требовать скоординированной работы всех звеньев УИС.

Следует учитывать, что коррупционные проявления в уголовно-исполнительной системе порождены не только внутренними обстоятельствами ее деятельности, но и в большей степени порождаются той ситуацией,

которая сложилась в обществе, результативность борьбы с ней в первую очередь зависит от последовательности, быстроты и твердости проведения государством антикоррупционной политики. Исходя из последних резонансных дел в отношении начальствующего состава ФСИН, следует сделать вывод о том, что ее реализация, возможно, потребует существенных ресурсов (временных, людских, материальных и т. п.), но это необходимо не только для дальнейшего развития государственно-организованного общества в России, но и для всех стран мира, включая международные организации, поскольку, как показала практика, коррупция представляет собой явление мирового масштаба [5]. И только совместными усилиями в противодействии коррупции можно ожидать снижения коррупционных правонарушений.

Библиографический список

1. Годунов И.В. Основы противодействия коррупции: учебник. – М.: Академический проект, 2012. – 302 с.

2. См.: https://www.bygeo.ru/strany/greciya/1481-korrupcionnaya-situaciya-v-ugolovno-ispolnitelnoy-sisteme-kriminologicheskie-i-ugolovno-pravovye-problemy.html

3. См.: http://smolensk.sledcom.ru/news/item/1155757

4. См.: http://tula.sledcom.ru/news/item/1164799/

5. *Артемьев А.Б., Комаров С.А.* Коррупция как объективное явление: концепция исследования //Юридическая мысль. – 2010. – № 4. – С. 19.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, провозащитная и правоохранительная деятельность

УДК 343.163
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.111.1.013

О содержании методики прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования

О.Н. Коршунова*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования актуальных вопросов повышения эффективности прокурорского надзора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Рассмотрены принципы и этапы осуществления указанной деятельности, а также ее составляющие, применительно и с учетом которых должны разрабатываться методические рекомендации, составляющие содержание рассматриваемой методики, которая призвана обеспечить защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина, защиту интересов общества и государства, достижение целей деятельности органов прокуратуры и целей уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, предварительное расследование, законность предварительного расследования, права и свободы человека и гражданина, относимость и допустимость доказательств, методика прокурорского надзора.

About the maintenance of the technique of public Prosecutor's supervision of procedural activity of bodies of preliminary investigation

Annotation. The article presents the results of a study of topical issues of improving the effectiveness of prosecutorial supervision in the pretrial stages of criminal proceedings. The principles and stages of the implementation of these

* *Коршунова Ольга Николаевна*, заведующая кафедрой прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник прокуратуры РФ, почетный работник прокуратуры РФ. E-mail: olga_korshunova1@mail.ru.

Korshunova Olga Nikolaevna, head of the Department of prosecutorial supervision and participation of the Prosecutor in criminal, civil and arbitration cases of the St. Petersburg law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, doctor of law, Professor, Honored worker of the Prosecutor's office of the Russian Federation, honorary worker of the Prosecutor's office.

activities, as well as its components, with reference to which should be developed guidelines that make up the content of the methodology, which aims to protect the constitutional rights and freedoms of man and citizen, protect the interests of society and the state prosecutors and the objectives of criminal proceedings.

Keywords: prosecutor's office, prosecutor's supervision, preliminary investigation, legality of the preliminary investigation, rights and freedoms of a person and citizen, relevance and admissibility of evidence, methods of prosecutor's supervision**.**

Конституция Российской Федерации в отличие от ранее действовавшего законодательства закрепила новые подходы к определению приоритетов в деятельности государства, органов государственной власти и органов местного самоуправления страны. В настоящее время человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью. Их признание, соблюдение и защита являются обязанностью государства. За время действия Конституции РФ уже выработаны механизмы и накоплен определенный опыт в обеспечении защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина должна при осуществлении деятельности в различных направлениях.

Известно, что наиболее существенные нарушения и ограничения указанных прав и свобод могут иметь место в рамках уголовного судопроизводства. Именно поэтому законность деятельности всех участников уголовного судопроизводства имеет такое большое значение. Специфика целей и задач, стоящих перед судом, органами, осуществляющими предварительное расследование, а также органами, осуществля-ющими оперативно-розыскную деятельность, предопределяют и задачи, стоящие перед органами прокуратуры. Закрепленный в Конституции РФ подход нашел отражение и в Федеральном законе «О прокуратуре РФ» при формулировании предмета надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина не просто выступает составной частью предмета надзора в данном направлении, но стоит на первом месте при формулировании его в статье 29 Закона о прокуратуре. Исходя из системного толкования нормы, можно сделать вывод о том, что соблюдение установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий и проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие должны оцениваться прежде всего с точки зрения соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Не умаляя того значения, которое для достижения целей уголовного судопроизводства имеет законность оперативно-розыскной деятельности и соответственно надзор прокурора за исполнением законов при ее осуществлении, в данной статье представляется целесообразным остановиться на

возможностях повышения эффективности прокурорского надзора за законностью предварительного расследования. Это обусловлено рядом причин.

Прежде всего представляется необходимым подчеркнуть, что именно при осуществлении процессуальной деятельности органов предварительного расследования принимаются решения, которые могут весьма существенно ограничить реализацию конституционных прав и свобод человека и гражданина. Именно органы предварительного расследования принимают решение о возбуждении уголовного дела, кроме того, принятием либо непринятием процессуальных решений указанных органов обеспечивается «движение уголовного дела» от стадии к стадии, от этапа к этапу. Несвоевременность принятия тех или иных решений, непринятие необходимых решений, как и принятие незаконных или необоснованных решений приводят к нарушениям прав и свобод человека и гражданина, организаций, потерпевших от преступлений, не позволяют обеспечить необходимую степень защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Поэтому трудно переоценить то значение, которое имеет эффективное осуществление прокурорского надзора в данном направлении.

Различным проблемам, связанным с определением роли и значения участия прокурора в уголовном судопроизводстве, включая вопросы обеспечения необходимого уровня эффективности надзора за законностью предварительного расследования и участия в рассмотрении уголовных дел судами, после принятия Конституции РФ традиционно уделяется значительное внимание учеными и практиками. При этом круг проблем, которые становятся предметом того или иного исследования, определяется рядом обстоятельств. Прежде всего исследуются проблемы процессуального характера [1]. Такой подход обусловлен тем, что в соответствии с Законом о прокуратуре, как уже упоминалось, деятельность органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве включает прежде всего надзор за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, а также как участие в рассмотрении дел судами. Предмет надзора составляют соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, а также законность решений, принимаемых указанными органами. Поскольку порядок рассмотрения и разрешения сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях, процесс раскрытия и расследований преступлений, а также круг прав и свобод участников уголовного судопроизводства установлены уголовно-процессуальным законодательством, такой подход представляется вполне оправданным. Что же касается участия в рассмотрении уголовных дел судами, то в соответствии со ст. 35 Закона о прокуратуре прокурор осуществляет эту деятельность в случаях и соответственно в порядке, установленном также уголовно-процессуальным законодательством.

Вместе с тем, представляется, что для обеспечения необходимого уровня эффективности надзора прокурора за тем, чтобы права и свободы человека и гражданина (и прежде всего те, которые закреплены Конституцией РФ) соблюдались, а также была обеспечена законность деятельности

и решений органов предварительного расследования, необходимо процессуальную (или процедурную) составляющую дополнить содержательной. Уголовно-процес-суальное законодательство, устанавливая единые правила уголовного судопроизводства, не учитывает и не должно учитывать особенности производства предварительного расследования в зависимости от того, преступление какого вида (подвида) или группы было совершено или готовится [2].

В результате следует признать тот факт, что анализ и оценка собранных по делу доказательств не могут производиться, исходя только из тех положений, которые закреплены законодательно. То, что органы предварительного расследования должны учитывать специфику совершенного преступления при определении направлений расследования, выдвижении версий, определении предмета и пределов доказывания по делу, целесообразную последовательность следственных действий, производство которых необходимо, давно известно. Именно этим в определенной мере было обусловлено появление и развитие криминалистики.

Что же касается аналогичных подходов к деятельности прокурора в рамках уголовного судопроизводства в целом, то они только формируются [3]. В большей степени вопросы возможности и целесообразности указанных подходов стали предметом исследования, применительно к деятельности государственного обвинителя, в том числе, и участвующего в рассмотрении уголовных дел судом присяжных [4]. Исследование же аналогичных проблем научного обеспечения деятельности прокурора, надзирающего за законностью предварительного расследования, находится в начальной стадии [5].

В исследованиях, посвященных указанным проблемам, рассматриваются лишь отдельные вопросы [6]. Представляется, что складывающиеся подходы нуждаются в осмыслении и систематизации. На современном этапе уже сложились необходимые предпосылки для форму-лирования общих подходов и правил разработки и совершенствования методики надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, исполнения требований закона, определяющих порядок возбуждения уголовных дел, раскрытия и расследования преступлений, принятия иных законных и обоснованных решений органами предварительного расследования.

Для того чтобы обеспечить необходимый уровень эффективности прокурорского надзора за законностью предварительного расследования, методика указанной деятельности должна объединять методические рекомендации, базирующиеся на результатах современных теоретических исследований, учитывать специфику полномочий прокурора, которыми он наделен в отношении органов предварительного следствия и органов дознания.

Статьей 37 УПК РФ определены полномочия прокурора в ходе досудебного и судебного производства. Не умаляя того значения, которое имеет участие прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства, подчеркнем, что именно в ходе досудебного производства закладываются основы рассмотрения уголовного дела в суде, происходит сбор и первичная

оценка доказательств, необходимых для вынесения законного и обоснованного решения по делу, справедливого приговора. Кроме того, с учетом высокого уровня разработанности теоретических основ процессуальной составляющей деятельности надзирающего прокурора представляется возможным более подробно остановиться на исследовании особенностей его познавательной деятельности, которые обусловливают содержание тактико-методических рекомендаций, использование которых позволит обеспечить необходимый уровень эффективности надзорной деятельности прокурора.

Прежде всего представляется необходимым подчеркнуть, что деятельность прокурора по надзору за законностью деятельности органов предварительного расследования, несмотря на различия в объеме процессуальных полномочий в отношении органов предварительного следствия и дознания, имеет определенные общие черты. Результаты изучения и сравнительного анализа теоретических, методических и тактических аспектов надзорной деятельности прокурора в данном направлении позволили выявить общие закономерности и выработать некоторые общие принципы и правила.

Прежде всего следует подчеркнуть, что поскольку прокурор осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, то большое значение имеет изучение материалов уголовного дела, в которых должны найти отражение ход и результаты познавательной деятельности самих органов предварительного расследования. Поэтому методические рекомендации, составляющие основу методики надзора за исполнением законов в данном направлении, должны обеспечивать, в том числе, целенаправленное и эффективное изучение таких материалов для принятия обоснованных решений в пределах предоставленных прокурору законом полномочий.

Результаты исследования высказываемых в литературе точек зрения пока не позволяют констатировать, что на современном этапе уже сформулирован единственно возможный с точки зрения науки подход. Представляется очевидным то, что содержание деятельности, объем информации, которую надлежит изучить и оценить прокурору с точки зрения закона, различны на разных этапах досудебного производства. Максимальный объем информации прокурор изучает и оценивает при изучении материалов при поступлении уголовного дела с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением). Однако оценка законности принимаемых органами предварительного расследования решений на более ранних стадиях и этапах также имеет большое значение. Трудно переоценить то значение, которое для соблюдения прав и свобод человека и гражданина имеют решения о наличии либо отсутствии оснований для возбуждении уголовного дела, о задержании и избрании меры пресечения, о производстве следственных действий, которые существенно ограничивают конституционные права и свободы человека.

Однако при этом в распоряжении прокурора оказывается значительно меньший объем информации, отраженной в представленных материалах. Поэтому разработка методических рекомендаций, которые бы позволяли оценивать законность принимаемых решений и производимых действий на каждом из упомянутых стадий и этапов, имеет также большое значение.

Таким образом, представляется возможным и целесообразным помимо общей методики надзора прокурора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в досудебном производстве, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, законностью проведения расследования, а также законностью решений, принимаемых органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, разрабатывать методические рекомендации, предназначенные прокурорам, осуществляющим надзор за законностью процессуальной деятельности органов предварительного следствия или дознания с учетом специфики полномочий. Кроме того, внутри разрабатываемых методик следует систематизировать методические рекомендации в зависимости от этапа деятельности, объема предоставляемой информации, характера решений, законность которых необходимо оценивать прокурору.

Кроме того, несомненно существует ряд особенностей, характерных для анализа и оценки прокурором тех или иных материалов в зависимости от вида (группы) расследуемого преступления. Следовательно, могут быть, кроме того, разработаны и внедрены в практическую деятельность комплексы рекомендаций, учитывающих и специфику процесса доказывания в зависимости от различных видов (групп, типов, категорий) преступлений.

Представляется, что не требует дополнительной аргументации вывод о том, что для разработки и использования соответствующей методики осуществления прокурорского над-зора за законностью предварительного расследования необходимо учитывать общие принципы уголовного преследования, такие как принципы законности, научности, динамичности, конкретности, преемственности и наглядности. Вместе с тем, содержание и реализация указанных принципов имеют свои особенности.

Принцип законности является основополагающим для организации и осуществления деятельности всех государственных органов страны, уголовного судопроизводства в целом, а также основным принципом деятельности органов прокуратуры. Прокурор должен не только обеспечить безусловную законность своей деятельности, но и организовать и осуществлять свою деятельность таким образом, чтобы обеспечить достижение целей, стоящих перед органами прокуратуры, в пределах своих полномочий обеспечить законность деятельности и решений органов предварительного расследования, достижение целей уголовного судопроизводства.

Не менее важным принципом разработки методики прокурорского надзора за законностью процессуальной деятельности органов предварительного расследования выступает принцип научности и теоретической обоснованности.

Определенной спецификой обладают также принципы динамичности и конкретности осуществления деятельности прокурора в данном направлении надзор. При осуществлении надзора за законностью процессуальной деятельности органов предварительного расследования принцип динамичности следует рассматривать с нескольких точек зрения. С одной стороны, достаточно динамичным является сам процесс предварительного расследования и особенно в случае осуществления его в форме дознания, сроки которого еще более ограничены, чем сроки предварительного следствия. Кро-

ме того, весьма динамичен процесс получения и трансформации доказательств: появляются новые доказательства, меняются количество и содержание собранных доказательств. Те факты, которые представляются доказанными на одном этапе, уже не являются достаточными для принятия решений на последующих этапах предварительного расследования. Может происходить передача уголовного дела от одного дознавателя (следователя) другому, от одного органа предварительного расследования другому и т.д. Включение в процесс получения, анализа и оценки доказательств по делу новых субъектов уголовного преследования даже повышает динамичность процесса.

С другой стороны, недостаточная динамичность процесса предварительного расследования может привести как к нарушению прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и к ограничению прав и свобод личности, незаконному и необоснованному ее обвинению. Поэтому разрабатываемые методические рекомендации должны обеспечивать возможность прокурору оказывать необходимое влияние на эти процессы в пределах предоставленных ему законом полномочий.

Соответственно указанные рекомендации должны обеспечивать и необходимый уровень конкретности деятельности прокурора, конкретности принимаемых им решений, обоснованности указанных решений материалами конкретного уголовного дела, собранными по делу доказательствами, а также имеющимися в их совокупности пробелами.

В свою очередь реализация рассмотренных выше принципов может быть обеспечена только при условии плановости организации и осуществления деятельности прокурора. С этих позиций и определяется то значение, которое принцип плановости имеет для разработки и реализации методических рекомендаций рассматриваемого вида.

Принцип плановости предполагает своевременность определения целей и задач деятельности прокурора, времени, места и объектов проверки законности предварительного расследования в том или ином органе, по тем или иным уголовным делам. С принципом плановости тесно связан принцип этапности и ситуационности.

Как уже подчеркивалось, деятельность прокурора, осуществляющего надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, за законностью деятельности и решений органов предварительного расследования, по своему содержанию различается в зависимости от тех целей и задач, которые определяются спецификой соответствующих стадий уголовного судопроизводства выделяемых внутри указанных стадий этапов. Следует иметь в виду, что так же, как стадии уголовного судопроизводства, этапы не просто следуют один за другим. Достижение целей и задач одного этапа выступает необходимой предпосылкой для правильного определения, а затем и достижения целей и задач последующих. Важно не просто выделить те или иные этапы, но правильно определить наиболее значимые особенности каждого из них, которые должны быть учтены при разработке методических рекомендаций, а также в процессе применения рекомендаций прокурором в практической деятельности.

Определенной спецификой отличается и реализация принципа преемственности. При разработке методических рекомендаций для надзирающего прокурора следует учитывать, что преемственность познания должна быть обеспечена не только для самого прокурора, но и для органов предварительного расследования. Выше подчеркивалось, что количество и качество собранных по делу доказательств может приводить к тому, что диаметрально противоположные процессуальные решения окажутся законными и обоснованными на различных этапах и стадиях, однако целесообразная последовательность познания должна быть обеспечена. Также должно быть обеспечено единство подходов к анализу и оценке одних и тех же обстоятельств при неизменности количество и качества собранных доказательств. Выводы, сделанные на предыдущих этапах или стадиях, не являются обязательными для последующих, однако, позиция надзирающего прокурора должна быть последовательной, деятельность и решения органов предварительного расследования должны оцениваться в едином комплексе: последующие действия и решения должны оцениваться с учетом результатов оценки предыдущих в целях обеспечения законности деятельности и решений как самого прокурора, так и органов предварительного расследования.

Преемственность надзорной деятельности прокурора в свою очередь обеспечивает реализацию принципов плановости деятельности, этапности и ситуационности.

Подходы к определению границ и содержания этапов могут быть различными, однако очевидно, что они должны быть связаны прежде всего с теми действиями и теми решениями, реализация которых может наиболее существенным образом ограничить или даже нарушить конституционные права и свободы человека и гражданина. При этапизации следует также принимать во внимание момент принятия органами предварительного расследования таких решений, которые обеспечивают «движение» уголовного дела от этапа к этапу и от стадии к стадии: о возбуждении (отказе в возбуждении) уголовного дела, о приостановлении расследования, о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), о задержании лица, об избрании меры пресечения, о предъявлении обвинения, о производстве осмотра или обыска в жилище и др.

Следует подчеркнуть, что при всей сложности процесса познания, осуществляемого надзирающим прокурором, по конкретному уголовному делу необходимость всех возможных этапов может отсутствовать. Например, могут не приниматься решения о производстве тех или иных следственных действий, требующих соответствующего судебного решения; может не возникнуть необходимость в приостановлении производства по делу и т.д. Однако представляется целесообразным при определении структуры и содержания методики надзора прокурора за законностью процессуальной деятельности органов предварительного расследования ориентироваться на необходимость разработки и систематизации максимально подробных, детализированных рекомендаций применительно к каждому из возможных этапов.

Большое значение для обеспечения необходимого уровня эффективности деятельности прокурора, осуществляющего надзор за законностью

предварительного расследования, имеет также реализация принципа наглядности.

Полномочия, предоставленные законом надзирающему прокурору, в меньшей степени позволяют так или иные оказывать воздействие на обеспечение наглядности уголовного преследования, чем, например, государственному обвинителю. Однако следует иметь в виду, что при осуществлении надзора прокурор должен анализировать и оценивать ту информацию, которая содержится в материалах уголовного дела. Он должен уметь прогнозировать, как те или иные доказательства будут представлены суду, какое значение они могут оказать при принятии решения судом. Поэтому методические рекомендации должны разрабатываться с учетом возможности и необходимости использования прокурором предоставленных ему законом полномочий для того, чтобы собранные по делу доказательства нашли необходимое отражение в материалах уголовного дела.

Исходя из общих подходов к формированию методических основ организации и осуществления надзора прокурора за законностью предварительного расследования, следует признать, что очевидной представляется необходимость разработки рекомендаций более частного характера – в зависимости от того, по делам о преступлениях каких именно видов и групп осуществляется рассматриваемая деятельность прокурора. Данная позиция, сформулированная применительно к методикам расследования преступлений [7] и обоснованная применительно к методикам поддержания государственного обвинения, представляется вполне справедливой и в контексте обсуждаемых проблем.

Особенности обстоятельств совершения преступлений определенного вида (подвида), группы предопределяют и особенности процесса их предварительного расследования, своеобразие подходов к определению предмета и пределов доказывания, которые не может не учитывать надзирающий прокурор. Представляется, что игнорирование или недостаточный учет указанных обстоятельств не позволят прокурору обеспечить достижение целей и задач, стоящих перед ним.

Важную составную часть методики надзора за законностью предварительного расследования составляют рекомендации, призванные обеспечить необходимую эффективность анализа и оценки прокурором отдельных материалов уголовного дела, протоколов отдельных следственных действий.

Реализация рассмотренных выше подходов не исчерпывает всех проблем, связанных с необходимостью и возможностью обеспечить необходимый уровень эффективности деятельности надзирающего прокурора. Вместе с тем представляется, что научно-обоснованный подход к разработке и реализации методических основ деятельности прокурора, осуществляющего надзор за законностью процессуальной деятельности органов дознания и предварительного следствия, позволит обеспечить необходимую полноту соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следст-

вие, будет способствовать укреплению конституционных основ деятельности государственных органов в уголовном судопроизводстве.

Библиографический список

1. *Халиулин А.Г.* Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации: проблемы осуществления в условиях правовой реформы: Дисс. … д-ра юрид. наук. – М., 1997. – 261 с.; *Халиулин А.Г.* Судебный контроль и прокурорский надзор за законностью расследования // Уголовный процесс. – 2000. – № 1. – С. 69-73; *Шалумов М.* Судебный контроль и прокурорский надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности и расследования уголовных дел // Уголовный процесс. – 2001. – № 1. – С. 54-57; *Тисен О.Н.* Формирование коллегии присяжных заседателей: (теоретические и практические проблемы): автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – Оренбург, 2009. – 23 с.; *Агабаева А.В.* Процессуально-правовой статус прокурора в суде с участием присяжных заседателей: Дисс. …канд. юрид. наук. – М., 2015. – 225 с.; *Буланова, Н. В.* Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами: монография / Н.В. Буланова; Академия Генеральной прокуратуры РФ. Науч. изд. – М.: Проспект, 2016. – 92 с. и др.

2. В определенной степени исключением является глава 50 УПК РФ, регламентирующая особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

3. *Коршунова О.Н.* Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы уголовного преследования: дисс. … д-ра юрид. наук. – М., 2006. – 418 с.

4. *Исаенко В.Н.* Методика поддержания государственного обвинения (понятие, принципы, содержание): монография. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 176 с.; Криминалистика для государственных обвинителей: учебник / под ред. А.Ф. Козусева, В.Н. Исаенко, А.М. Кустова; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М. : Норма; ИНФРА-М, 2012. – 480 с.; Руководство для государственного обвинителя: учеб. пособие / под ред. О.Н. Коршуновой. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2015. – 821 с.

5. Криминалистический анализ и оценка прокурором материалов уголовного дела: монография / Н.А. Данилова, В.Н. Исаенко, О.Н. Коршунова, Т.Г. Николаева; отв. ред. В.Н. Исаенко; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2013. – 244 с.

6. *Данилова Н.А., Елагина Е.В., Николаева Т.Г.* О некоторых аспектах анализа и оценки прокурором материалов проверки сообщения о преступлении // Вестн. Орловского гос. ун-та. – 2013. – Вып. 3. – С. 11–15; *Данилова Н.А., Николаева Т.Г.* Анализ прокурором материалов уголовного дела: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – 2014. – № 2 (40). – С. 67–72; *Данилова Н.А., Коршунова О.Н., Николаева Т.Г.* Криминалистика и уголовный процесс в прокурорской деятельности: междисциплинарный подход к научным исследованиям // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – 2015. – № 3 (47). – С. 84–88.

7. *Гармаев Ю.П.* Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений. – Иркутск, 2003. – С. 13.

УДК 343.163
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.111.1.014

Обеспечение законности оперативно-розыскной деятельности средствами прокурорского надзора и ненадзорных функций прокуратуры

Е.Л. Никитин*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы обеспечения законности оперативно-розыскной деятельности при осуществлении прокурорского надзора и ненадзорных функций прокуратуры, а также обосновывается возможность и необходимость интегративного (комплексного) применения различных средств прокурорской деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, обеспечение законности в оперативно-розыскной деятельности, прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности, функции прокуратуры, средства прокурорского надзора и ненадзорных функций прокуратуры.

Ensuring the legality of operational search activities by means of prosecutorial supervision and improper functions of the Prosecutor's office

Annotation. The article deals with the problems of ensuring the lawfulness of the operational-search activity in the exercise of prosecutorial supervision and the non-supervising functions of the prosecutor's office, and also substantiates the possibility and necessity of integrative (complex) use of various means of prosecutorial activity.

Keywords: operational investigative activities, ensuring legality in operational investigative activities, prosecutor's supervision over the implementation of laws in operational investigative activities, the functions of the prosecutor's office, means of prosecutor's supervision and non-supervisory functions of the prosecutor's office.

В решениях коллегий Генеральной прокуратуры РФ [1], ежегодных Докладах Генерального прокурора РФ Федеральному Собранию РФ [2], приказах и указаниях Генерального прокурора РФ [3] неоднократно указывалось на крайнюю необходимость для общества и государства обеспечить законность оперативно-

* *Никитин Евгений Львович*, кандидат юридических наук, профессор кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, старший советник юстиции, доцент. E-mail: gakan73@mail.ru.

Nikitin Evgeniy l`vovich, Candidate of Legal Sciences, Professor of the Prosecutor's Supervision and Participation of the Prosecutor in the Consideration of Criminal, Civil and Arbitral Cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Senior Counselor of Justice, Associate Professor.

розыскной деятельности (далее – ОРД). Пристальное внимание общества и государства к сфере ОРД совершенно оправдано состоянием законности этой правоохранительной работы. Обобщения прокурорской, судебной и следственной практики действительно свидетельствуют о многочисленных и разнообразных нарушениях, допускаемых оперативно-розыскными службами при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) и осуществлении ОРД [4]. При этом в принимаемых документах постоянно декларируется приоритетное значение именно прокурорского надзора за исполнением законов в этой сфере, необходимость его активизации, усиления и развития.

В результате на сегодняшний день большинство ученых-правоведов и практиков-правоприменителей сходятся во мнениях, что реальный механизм, позволяющий предотвращать, эффективно выявлять, пресекать и устранять нарушения прав и свобод человека и гражданина в сфере ОРД, нарушения российского законодательства при проведении (документировании) ОРМ, принятии решений оперативно-розыскными органами, до настоящего времени не является в полной мере эффективным и фактически находится в процессе становления. Вывод о пока еще недостаточной эффективности прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД в Российской Федерации подтверждается решениями Европейского суда по правам человека [5].

Как показало проведенное исследование, в настоящее время обеспечить законность ОРД исключительно средствами прокурорского надзора достаточно сложно, поскольку их существующий объем представляется явно недостаточным и, таким образом, не соответствующим поставленным целям и задачам деятельности органов прокуратуры в сфере ОРД. Кроме того, сам порядок их применения законодательно урегулирован не в полной мере, что создает дополнительные сложности при их практической реализации. Поэтому в целом, полагая необходимым внесение законодательных изменений, направленных на совершенствование средств прокурорского надзора, уже сейчас пред-ставляется крайне важным дополнить применение средств прокурорского надзора целенаправленным применением средств основных ненадзорных направлений деятельности прокуратуры (ненадзорных функций), согласованно и системно использовать их возможности для обеспечения законности ОРД.

К сожалению, в настоящее время средства надзорных и ненадзорных направлений деятельности прокуратуры (функций) применяются несогласованно, отсутствует система при реализации различных функциональных полномо-чий прокурора по достижению законности ОРД, не определены пути эффективного взаимодействия и синхронной деятельности различных должностных лиц и структурных подразделений как внутри органов прокуратуры, так и во внешней системе отношений с институтами судебного и ведомственного контроля. Указанные обстоятельства, в конечном счете, определяют не только теоретическую, но и практическую значимость исследования механизма обеспечения законности в ОРД средствами надзорных и ненадзорных направлений (функций) прокурорской деятельности.

В настоящее время прокуратура Российской Федерации помимо функции надзора за исполнением законов реализует следующие ненадзорные функции: уголовного преследования; координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью; участия в рассмотрении дел судами; участия в правотворчестве. В принципе, в науке уже давно существует точка зрения о слиянии в конечном счете всех функций прокуратуры в единую прокурорскую деятельность. Считается, что основная функция прокуратуры – надзор за исполнением законов реализуется через различные направления единой прокурорской деятельности. Таким образом, надзорная функция прокура-туры за исполнением законов является функцией, из которой вытекают все иные, являющиеся дополнительными [6]. Действительно, надзор за исполнением законов – основная функция прокуратуры, предопределившая необходимость создания этого органа государства. Однако, надзорная функция не исключает объективного существования других функций прокуратуры [7, с. 23], в том числе и производных.

Безусловно, для успешного решения стоящих перед прокурором задач система правоприменения, осуществляемая прокурором, должна быть гибкой, позволяющей использовать весь круг полномочий и правовых средств, которыми обладает прокурор, осуществляя деятельность в различных направлениях и формах. Таким образом, предполагается формирование комбинаторного (комплексного) характера применения различных средств прокурорской деятельности как надзорного, так и ненадзорного содержания. Рассмотрение теоретических и правовых проблем использования интегративного подхода для обеспечения законности осуществления ОРД, обоснование возможности и целесообразности применения средств прокурорской деятельности как надзорного, так и ненадзорного характера в едином комплексе для достижения законности в ОРД обусловливает новизну предлагаемого подхода.

В ранее подготовленных публикациях нами неоднократно указывалось на наличие серьезных правовых и теоретических проблем, связанных с явно недостаточной правовой регламентацией надзорных полномочий прокурора при осуществлении надзора за исполнением законов в ОРД, определением содержания и объема применяемых правовых средств [8]. При наличии очевидной пробельности действующего законодательства на практике прокуроры применяют надзорные полномочия, закрепленные в ст. 22 и 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Такой подход является вынужденным, но допустимым и оправданным в сложившихся условиях. Как представляется, на данный момент арсенал правовых средств прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД в нашей стране в силу отсутствия специальной нормы Закона о прокуратуре носит крайне ограниченный характер. Применяемый «набор» средств прокурорского надзора и актов прокурорского реагирования характерен скорее для сферы «общего надзора» и не учитывает специфику правоотношений в области оперативно-розыскной деятельности, а также правоотношений при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД. Действующее законодательство не позволяет прокурору непосредственно

воздействовать на проведение оперативно-розыскных мероприятий и решения, принимаемые оперативно-розыскным органом, в связи с чем уполномоченным прокурором в этих случаях не используется такой акт реагирования, как постановление. Отменить своим постановлением какое-либо незаконное решение руководителя оперативно-розыскного органа либо признать незаконным проведение оперативно-розыскного мероприятия в настоящее время прокурор не вправе. В таких случаях прокурор обычно действует опосредованно, направляя руководителю оперативно-розыскного органа протест или представление.

Кроме того, с точки зрения теории и практики возникает проблемный вопрос о наделении уполномоченного прокурора правовым средством прокурорского надзора предупредительной направленности – санкционировать (согласовывать) обращения руководителей органов, осуществляющих ОРД, с ходатайствами о проведении ОРМ в суд, а также правовым средством участия прокурора в рассмотрении дел судами – при наличии оснований опротестовывать (обжаловать) состоявшиеся судебные решения, не отвечающие требованиям законности, обоснованности и мотивированности. По действующему законодательству обращение руководителя оперативно-розыскной службы в суд с ходатайством о даче согласия на проведение ОРМ, которое ограничивает конституционные права граждан, не обусловлено предварительным санкционированием (получением согласия) прокурора на это действие. Более того, в законе не установлено правило обязательного информирования уполномоченного прокурора о факте такого обращения.

Отсутствие у российских прокуроров полномочий по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, позволяющих своевременно и эффективно устранять допущенные нарушения законов, предупреждать их возможные нарушения позволяет предложить разработку специальных полномочий, формирование специальных правовых средств, имеющих оперативный характер, и соответствующих форм их реализации. Необходимо ввести в арсенал средств прокурорского надзора такие, которые позволят непосредственно и быстро устранять наиболее серьезные и значимые нарушения, например, связанные с несоблюдением конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также предупреждать такие нарушения. Такими правовыми средствами, как представляется, могут стать: право прокурора инициировать проведение оперативно-розыскных мероприятий (в случае бездействия оперативно-розыскного органа); право прекращать незаконно начатые и проводимые оперативно-розыскные мероприятия (в том числе, ограничивающие конституционные права и свободы человека и гражданина); право санкционировать постановление руководителя оперативно-розыскного органа о возбуждении ходатайства перед судом о даче согласия на проведение оперативно-розыскного мероприятия, ограничивающего конституционные права и свободы человека и гражданина.

Ограниченность правовых средств прокурорского надзора может быть частично компенсирована системным применением правовых средств неналзорных направлений (функций) прокурорской деятельности. Сущест-

вующие правовые средства ненадзорных направлений (функций) прокуратуры также нуждаются в совершенствовании, в том числе при их применении для обеспечения законности ОРД.

Для обеспечения законности ОРД и привлечения к уголовной ответственности виновных лиц прокурор ранее (до 2007 г.) возбуждал уголовное дело, а сейчас только опосредованно инициирует уголовное преследование либо в отношении сотрудников оперативных служб, совершивших преступления, либо лиц, в отношении которых проводилась оперативная проверка либо разработка, по результатом которых собраны достаточные данные о совершении ими преступлений в рамках ОРД. Правовые средства прокурора при осуществлении уголовного преследования в настоящее время дифференцированы в зависимости от стадий уголовного судопроизводства.

Правовыми средствами прокурора при осуществлении уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, применяемыми для обеспечения законности ОРД и привлечения виновных к уголовной ответственности, в настоящее время являются: право давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ) с целью собирания обвинительных доказательств в отношении конкретного лица; право принять решение об утверждении обвинительного заключения (обвинительного акта) и направлении уголовного дела в суд (ст. 221, 222, 226 УПК РФ); право давать письменные указания прокурором при принятии решения о неутверждении обвинительного заключения (обвинительного акта) и возвращении уголовного дела как дознавателю, так и следователю о производстве дополнительного рассле-дования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых (а также для пересоставления обвинительного заключения или обвинительного акта и устранения выявленных недостатков) (п. 15 ч. 2 ст. 37, п. 2 ч. 1 ст. 221, п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК РФ).

Правовыми средствами прокурора при осуществлении уголовного преследования в судебных стадиях уголовного судопроизводства являются: право поддерживать государственное обвинение в суде (ч. 3 ст. 37, ст. 246 УПК РФ); право вносить представления (апелляционные, кассационные, надзорные) на незаконные и необоснованные судебные акты, а также представления (апелляционные, кассационные, надзорные) на незаконные, необоснованные и несправедливые приговоры.

Объем указанных правовых средств представляется явно недостаточным и не соответствует международно-правовым документам, устанавливающим стандартный перечень полномочий прокурора и средств прокурорской деятельности в странах современного мира. Сужение правовых средств уголовного преследования, реализуемых прокурором, произошедшее в связи с выделением прокурорского следственного аппарата и его передачей в органы Следственного комитета РФ, противоречит важнейшим международно-правовым документам, принятым при участии Российской Федерации: положениям (ст. 5, 22, 25, 31, 39, 43) Модельного закона «О прокуратуре» для стран СНГ (принят на 27-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 27-6 от 16 ноября 2006 г.); п. п. 2, 16 Рекомендации Комитета Ми-

нистров Совета Европы Rec (2000) 19 «Роль прокуратуры в системе уголовного правосудия» (принята Комитетом Министров Совета Европы 6 октября 2000 г. на 724-м заседании Представителей министров); п. п. 11, 15 Руководящих принципов, касающихся роли лиц, осуществляющих судебное преследование (приняты 8-м Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, г. Гавана, 27 августа–7 сентября 1990 г.). Все перечисленные международно-правовые документы предполагают конструирование предмета деятельности прокурора при осуществлении уголовного преследования значительно шире, чем действующее российское законодательство. Это позволяет предложить расширение правовых средств уголовного преследования, реализуемых прокурором в Российской Федерации, в том числе для обеспечения законности ОРД и привлечения к уголовной ответственности виновных лиц. С учетом положений этих документов, к правовым средствам прокурора при осуществлении уголовного преследования должны быть также отнесены: право возбуждать уголовные дела в отношении конкретного лица либо право совершать действия, направленные на установление лица, совершившего преступление в рамках расследования уголовного дела возбужденного по факту совершения преступления; право проводить расследование преступлений, совершенных сотрудниками правоохранительных органов (в том числе их оперативных подразделений), и иных преступлений, в случаях, если это будет предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством; право давать письменные указания следователю о направлении расследования, производстве процессуальных действий с целью собирания обвинительных доказательств в отношении конкретного лица.

Важное значение имеет также координирующая роль прокурора в согласовании действий и создании надлежащих условий взаимодействия органов, осуществляющих дознание и предварительное следствие, и органов, осуществляющих ОРД. В научной литературе постоянно акцентируется внимание на крайней необходимости этого процесса, так как координация деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью прямо связана с осуществлением ОРД и уголовного преследования, поскольку неразрывно связана как с выявлением и раскрытием преступления, т.е. обнаружением лица, совершившего преступление, пресечением его преступных действий, так и включает в себя согласованные действия по собиранию обвинительных доказательств, изобличению виновного лица, его привлечению к уголовной ответственности, а также устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений. Таким образом, речь должна идти о скоординированности не только уголовно-процессуальной, но и оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов [9, с. 43]. Эту точку зрения разделяют и другие авторы, указывая, что для повышения уровня взаимодействия следственных и оперативно-розыскных органов в поле зрения прокурора также должно находиться выполнение скоординированного плана следственных действий и ОРМ [10, с. 14].

Правовыми средствами координации деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью для обеспечения законности

ОРД являются: право прокурора истребовать статистическую и другую необходимую информацию; право прокурора созывать и проводить заседания координационного совещания, в рамках которых координировать деятельность следственных и оперативно-розыскных органов; право организовывать рабочие группы из представителей правоохранительных органов (в том числе оперативных служб) по борьбе с отдельными видами преступлений; право инициировать применение иных форм координации, указанных в п. 6 Положения о координации, утвержденного Указом Президента РФ № 567 от 18 апреля 1996 г.

Следует учитывать, что в свое время одной из широко распространенных и удачно используемых форм координации являлось создание следственно-оперативных групп из представителей различных правоохранительных органов. Такое решение принималось прокурором в рамках функции координации и при использовании процессуальных полномочий, но в связи с изменениями уголовно-процессуального законодательства и существенного сокращения полномочий прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства прокурор теперь не участвует в формирования таких групп. Эффективным средством, которое при этом применял прокурор, было его право давать обязательные для исполнения указания о проведении ОРМ, хотя и считалось, что прокурор не уполномочен обязывать органы, осуществляющие ОРД, использовать определенные ОРМ, но вправе в необходимых случаях дать им рекомендации по этому вопросу [11, с. 39 – 42]. Полагаем, что при уже давно обсуждаемом расширении процессуальных полномочий прокурора он должен получить (вернуть) право создавать и руководить деятельностью следственно-оперативных групп, например, при расследовании преступлений, совершенных сотрудниками оперативно-розыскных органов, и в иных необходимых случаях.

Обеспечение законности ОРД осуществляется и при реализации функции прокуратуры по участию прокурора в рассмотрении дел судами. К правовым средствам участия прокурора в рассмотрении дел судами для обеспечения законности ОРД относятся следующие: право обращаться в суд согласно процессуальному законодательству (с исковым заявлением в порядке гражданского судопроизводства о возмещении ущерба, причиненного неправомерными действиями оперативно-розыскных органов; с административным исковым заявлением в порядке административного судопроизводства при выявлении фактов нарушений, допущенных органами, осуществляющими ОРД, которые устраняются в судебном порядке); право реализовывать права лица, участвующего в деле, для обеспечения законности и обоснованности судебных актов.

Вместе с тем следует учитывать, что Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» не определяет обязанности по участию прокурора в реализации функции судебного контроля либо инициированию пересмотра незаконных и необоснованных судебных решений, вынесенных в порядке судебного контроля, а также правовые средства прокурорской деятельности. Такие нормы не содержит и Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», поскольку ст. 9 указанного Закона регламентирует исключительно вопросы судебной процедуры (порядка) рас-

смотрения судебного рассмотрения материалов об ограничении конституцион-ных прав граждан при проведении ОРМ. Аналогичным образом положения указанных федеральных законов не устанавливают обязанности и не дают право уполномоченному прокурору принимать участие в рассмотрении судом жалоб граждан на действия (бездействие) и решения органов, осуществляющих ОРД, в том числе при проведении ОРМ, которые привели к нарушению их прав и свобод, направленных согласно ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В законодательстве прямо не установлено и право прокурора на обращение в суд в защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц, нарушенных (затронутых) в рамках оперативно-розыскной деятельности. Отсутствие надлежащей нормативной (законодательной) регламентации участия прокурора при реализации судебного контроля в ОРД и при рассмотрении жалоб граждан и юридических лиц, чьи права и законные интересы нарушены (затронуты) действиями (бездействием) или решениями органа, осуществляющего ОРД, представляется серьезной проблемой и правовым пробелом, требующим своего устранения. Так, право инициировать пересмотр незаконных и необоснованных судебных актов (например, о даче разрешения на проведение ОРМ) по основаниям и в порядке, предусмотренным соответствующим процессуальным законодательством, в данный момент явно недостаточно законодательно регламентировано, но применяется согласно сложившейся практике [12]. Отрицая отнесение оценки законности судебного решения к предмету прокурорского надзора, полагаем необходимым введение действенного механизма пересмотра незаконных и необоснованных судебных решений о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина, по инициативе уполномоченного прокурора в рамках функции участия прокурора в рассмотрении дел судами.

К правовым средствам участия прокурора в рассмотрении дел судами для обеспечения законности ОРД, по нашему мнению, также должны относиться: законодательно установленное право прокурора инициировать пересмотр незаконных и необоснованных судебных актов, принятых в порядке судебного контроля законности проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина; право вступать в процесс, начатый по инициативе иных лиц, для дачи заключения согласно процессуальному законодательству (в порядке гражданского и административного судопроизводства при рассмотрении дел по обращениям граждан, оспаривающих правомерность действий и решений органов, осуществляющих ОРД, требующих возмещения ущерба, причиненного в результате неправомерного осуществления ОРМ).

Одним из средств обеспечения законности ОРД служит участие прокуроров в правотворческой деятельности. Средства участия в правотворческой деятельности вытекают из специальных полномочий, реализуемых в соответствии с п. 4 ст. 1 и ст. 9 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Указанный Закон не определяет форму и процедуры участия прокурора в правотворчестве и не регламентирует правовые средства такого участия. Приказом Генерального прокурора РФ [13] установле-

но, что деятельность прокуроров по участию в правотворчестве надлежит подчинить обеспечению соответствия нормативных правовых актов федеральному законодательству и потребностям в правовом регулировании общественных отношений. При этом прокуроры должны в рамках предоставленных полномочий принимать меры к устранению его пробелов и коллизий законодательства (п. 2, 2.2).

Полагаем, что с учетом специфики сферы ОРД и ее правовой регламентации к необходимым правовым средствам, направленным на достижение задач участия прокурора в правотворческой деятельности для обеспечения законности ОРД, следует отнести: право разрабатывать либо участвовать в разработке проектов законов и иных нормативных правовых актов, непосредственно связанные с регламентацией ОРД; право подготавливать правовые заключения на законопроекты и иные нормативные правовые акты, непосредственно связанных с регламентацией ОРД; право участвовать в обсуждении законопроектов и иных нормативных правовых актов, непосредственно связанных с регламентацией ОРД. Кроме того, в предусмотренных законом случаях прокурор должен получить и использовать право согласовывать содержание подзаконных нормативных правовых актов, регламентирующих ОРД.

Таким образом, надзорная и ненадзорная деятельность прокуратуры должна всемерно способствовать установлению и поддержанию законности ОРД в нашем государстве. Изучение теоретических и правовых проблем обеспечения законности ОРД в рамках прокурорской деятельности позволило прийти к выводу о необходимости именно комплексного подхода к использованию существующего функционала органов прокуратуры. Так, достижение целей деятельности прокуратуры по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты охраняемых законом интересов общества и государства в сфере оперативно-розыскной деятельности в полной мере могут быть достигнуты только при сочетании (комплексном применении) как надзорных, так и ненадзорных средств прокурорской деятельности.

Библиографический список

1. Решение расширенного заседания коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 5 марта 2013 г.; Решение коллегии Генеральной прокуратуры РФ от 15 февраля 2018 г. и др.

2. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 26 апреля 2017 г. «О состоянии законности и правопорядка в 2016 году и о проделанной работе по их укреплению»; Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 18 апреля 2018 г. «О состоянии законности и правопорядка в 2017 году и о проделанной работе по их укреплению» и др.

3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» от 15 февраля 2011 г. № 33; Приказ Генерального прокурора РФ 29 августа 2014 г. № 454 «Об организации прокурорского надзора за

исполнением законодательства о противодействии коррупции» от (в ред. от 9 марта 2017 г.); Указание Генеральной прокуратуры РФ от 31 января 2013 г. № 49/69 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований законодательства об оперативно-розыскной деятельности при проведении органами внутренних дел гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» и др.

4. «Обзор о состоянии законности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и практике прокурорского надзора за исполнением законов в указанной сфере» от 27 марта 2017 г. №36-11-2017 г. (подписан заместителем Генерального прокурора РФ В. Я. Гринем).

5. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Роман Захаров против Российской Федерации» (Roman Zakharov v. Russia) (жалоба № 47143/06) от 15 декабря 2015 г.; Комаров С.А., Лаптева И.В., Титенков Д.И. Права человека и правовая инфильтрация норм Конвенции и решений Европейского суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации**:** монография. 2-е изд. /Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.-СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2015. – 426 с.

6. *Мурашин Г.А.* Органы прокуратуры в механизме советского государства. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Киев, 1972; Прокурорский надзор в СССР / Под. ред. Галкина Б.А. – М.: Юридическая литература, 1982. – С. 39; *Гаврилов В.В.* Сущность прокурорского надзора в СССР. – Саратов, 1984. – С. 64; *Костенко Н.И.* Место прокуратуры в государственном механизме // Государство и право. – 1995. – № 11. – С. 20; *Шалумов М.С.* Прокурорский надзор и государственный контроль за исполнением законов: разграничение компетенции и ответственности // Государство и право. – 1999. – № 1. – С. 82.

7. *Долежан В.В.* Проблемы компетенции прокуратуры. Дисс. … д-ра. юрид. наук. – М., 1991.

8. *Никитин Е.Л.* Особенности определения и реализации полномочий прокурора при осуществлении надзора за исполнением законов в ОРД // Юридическая мысль. – 2017. – № 1 (99). – С. 124-130; *Никитин Е.Л.* Акты и меры прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной. прокуратуры Респ. Беларусь»; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.], под ред. В.В. Марчука, А.В. Солтановича – Минск: Изд. Центр изд. БГУ, 2018. – Вып. 11. – С. 357-363.

9. *Кобзарев Ф. М.* Координационная деятельность по борьбе с преступностью // Законность. – 2005. – № 4.

10. *Исаенко В.* Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью по расследованию серийных убийств // Законность. – 2005. – № 9.

11. *Жук О. Д.* О понятии и содержании оперативно-розыскного преследования // Законность. – 2004. – № 5.

12. «О положительном опыте организации прокурорского надзора за законностью проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан»: информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 24 мая 2013 г. № 69-12-2013; «О состоянии надзора за соблюдением законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан»: информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 10 апреля 2015 г. № 27-20-2015; «О практике прокурорского надзора за соблюдением законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права

граждан»: информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 11 апреля 2017 г. № 36-11-2017.

13. Приказ Генерального прокурора РФ от 17 сентября 2007 г. № 144 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления», утвердивший «Положение об организации правотворческой деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации» (ред. от 6 февраля 2013 г.) //www.consultant.ru

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

УДК 343.9
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.111.1.015

К вопросу об этапах получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами♦

Н.А. Архипова*
А.В. Шебалин**

Аннотация. Данная статья посвящена структуре тактики получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. В статье автором проводится анализ периодизации этапов производства следственного действия, регламентированного ст. 186.1 УПК России. Авторами проводится анализ действий следователя на каждом этапе производства получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Ключевые слова: абонент, абонентское устройство, операторы связи, расследование преступлений, следственное действие.

To the question about the stages of obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices

Annotation. This article is devoted to the structure of tactics for obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices. In the article, the author analyzes the periodization of the stages of the investigation, regulated by Art. 186.1 Code of Criminal Procedure. The authors analyze the actions of the investigator at each stage of the production of ob-

♦ Настоящее исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-33-01160-ОГН.

* *Архипова Надежда Анатольевна* – старший преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России. Электронная почта: akula_1983@mail.ru

Arkhipova Nadezhda Anatolievna – Senior Lecturer of the Department of Criminalistics of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Email: akula_1983@mail.ru

** *Шебалин Александр Владимирович* – заместитель начальника кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России. Электронная почта: shebalinav@mail.ru

Shebalin Alexander Vladimirovich - Deputy Head of the Department of Criminalistics of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

taining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices.

Keywords: subscriber, subscriber device, telecom operators, crime investigation, investigative action.

Следственные действия, их сущность, цели, задачи, тактические приемы подготовки, производства, фиксации результатов исследуются криминалистической наукой с момента ее возникновения. В настоящее время по-прежнему тактике их производства уделяется пристальное внимание, о чем свидетельствует большое количество научных исследований, посвященных данной тематике. Тщательному изучению с позиций криминалистической тактики подвергаются не только традиционные следственные действия, но и введенные в текст УПК России относительно недавно. Это в полной мере относится и к появившейся в составе УПК России в 2010 г. ст. 186.1, которая определила порядок проведения нового следственного действия «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами».

Важным для понимания крими-налистической сущности данного следственного действия является рассмотрение его структуры, кото-рая, как и любое следственное действие, состоит из четырех этапов: 1) подготовка к проведению следственного действия; 2) произ-водство следственного действия (рабочий этап); 3) фиксация его хода и результатов (заключительный этап); 4) оценка и использование в доказывании результатов получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Однако относительно содержания этапов данного следст-венного действия среди ученых-криминалистов развернулась дискус-сия. Рассмотрим это несколько подробнее.

Подготовительный этап любого следственного действия начинается с момента принятия решения о его производстве. Большинство исследователей отмечает, что на данном этапе следователь определяет цели и задачи следственного действия, изучает материалы уголовного дела, выносит постановление о возбуждении перед судом ходатайства о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. После согласования с руководителем следственного органа (прокурором) постановление совместно с копиями материалов уголовного дела направляется в суд. Затем после принятия судом решения о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами его копия направляется следователем в осуществляющую услуги связи организацию.

По рассматриваемому вопросу в литературе можно встретить предложение о разделении подготовительного этапа на две стадии. Так, Р.А. Дерюгин предлагает на первой стадии данного этапа изучить материалы уголовного дела, установить известные данные об абоненте или абонентском номере, а на второй стадии вынести постановление о возбуждении перед судом ходатайства о получении информации о соединениях между абонен-

тами и (или) абонентскими устройствами [1, с. 18-19]. Кроме того, по мнению Д.В. Муленкова, А.Б. Соколова, О.Н. Лазаренко в подготовительный этап должны входить действия следователя по получению сведений о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами от организации, осуществляющей услуги связи [2, с. 173].

Для производства получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами следователю (дознавателю) требуется не только вынести мотивированное постановление, но и получить судебное решение. Поэтому приступить к непосредственному проведению рассматриваемого следственного действия возможно только при наличии постановления судьи, разрешающего его проведение. Проанализировав цели и задачи подготовительного этапа, мы пришли к выводу о том, что он должен оканчиваться моментом направления следователем копии решения суда о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами руководителю организации, осуществляющей услуги связи. Таким образом, следователем будут осуществлены все подготовительные действия по обеспечению возможности производства следственного действия (ст. 186.1 УПК РФ).

Если обратиться к названию рассматриваемого следственного действия, то его суть состоит в «получении». В толковом словаре С.И. Ожегова указывается, что слово «получить» означает «взять, приобрести вручаемое, предлагаемое, искомое» [3, с. 481]. Термин «получение» должен быть истолкован как процесс принятия информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Таким образом, «получение» является основополагающим действием при проведении рассматриваемого следственного действия и его особенности должны рассматриваться на рабочем этапе.

По поводу тактических приемов, складывающихся на рабочем этапе рассматриваемого следственного действия, существуют различные мнения авторов. Так, некоторые ученые-криминалисты связывают рабочий этап с деятельностью следователя, связанную с осмотром документов, содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами [2, с. 174]. Данная позиция нами рассматривается как спорная ввиду того, что рабочий этап характеризуется реализацией следователем намеченного плана и решением поставленных задач. Осмотр документов, содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, имеет место уже после принятия решения о производстве получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Поэтому проведение осмотра документов, содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, возможно после поступления следователю соответствующих документов от осуществляющей услуги связи организации.

Таким образом, рабочий этап следственного действия не может состоять только из осмотра документов, содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Важен процесс получения результатов данного следственного действия. В ч. 4 ст. 186.1 УПК РФ определена процедура «получения» информации о соединениях

между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Однако в статье не конкретизирована форма принятия следователем документа, содержащего информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Некоторые ученые, в частности, А.А. Варданян и А.А. Цыкора, считают, что данное следственное действие имеет два рабочих этапа. Первый этап связан с получением указанной информации. Второй этап связан с осмотром представленных документов, содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, а также с ее визуальным обследованием и выбором информа-ции, имеющей значение для уголовного дела [4]. Позиция данных авторов нам близка, однако, считаем, что подобное структурирование тактики производства данного следственного действия некорректно, поскольку традиционно рабочий этап включает в себя стадии. В связи с чем указание на два рабочих этапа считаем идущим в разрез с традиционными взглядами на этот счет, принятыми в науке криминалистике. Поэтому предлагаем рабочий этап разделить на две стадии. Первая стадия направлена на получение представляемых документов, содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, а вторая – на их осмотр. Данные стадии объединяет общая задача, которая направлена на описание тактических приемов получения и описания документов, содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, что позволяет их объединить в рамках одного рабочего этапа.

На стадии получения документов от организаций, осуществляющих услуги связи, следователь не знает, обладают ли они относимостью, содержат ли они сведения, имеющие значение для результатов расследования преступления. Документы, полученные от осуществляющей услуги связи организации, подлежат осмотру. Только в ходе осмотра следователь может выяснить, что в документе отсутствует имеющая значение для уголовного дела информация или же она составляет не все содержание документа.

Относительно заключительного этапа интересна позиция В.М. Старичкова, который считает, что «получение следователем информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, ее изучении и приобщении к материалам дела» [5] относится к заключительному этапу. Эта позиция нам также кажется неоднозначной, поскольку, согласно УПК России процедура получения следователем документов, содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, не протоколируется. Поэтому нами не усматриваются особенности фиксации получения следователем информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Особенность заключительного этапа состоит в составлении протокола осмотра представленных осуществляющей услуги связи документов, содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, приобщении их в качестве вещественных доказательств, обеспечении их сохранности, так как они хранятся в материалах уголовного дела в опечатанном виде.

Таким образом, нами рассмотрена структура получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Правильное понимание содержания этапов данного следственного действия будет способствовать его эффективному производству, что, несомненно, отразится на качестве расследования различных категорий преступлений.

Библиографический список

1. *Дерюгин Р.А.* Тактические особенности производства следственного действия, предусмотренного ст. 186. 1 Уголовно-процессуального кодекса РФ // Электронное предложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. – № 1. – С. 18-22.

2. *Муленков Д.В., Соколов А.Б., Лазаренко О.Н.* Организационно-тактические особенности в деятельности следователя по получению информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами //Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 1. – С. 173-176.

3. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 57 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 600 с.

4. *Варданян А.А., Цыкора А.А.* Правовая природа и тактико-криминалистические особенности производства следственных действий, связанных с получением и анализом информации о телекоммуникационных соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Известия Тульского государственного университета. – 2013. – № 4-2. – С. 21-24.

5. *Старичков М.В.* Тактико-криминалистические аспекты получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2017. – № 3-2. – С. 101-107.

УДК 343.9
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.111.1.017

Влияние правового сознания на эффективность оперативно-розыскной деятельности

Л.Ю. Перемолотова*

Аннотация. В статье исследуются вопросы влияние правового сознания на эффективность проводимых оперативно-розыскных мероприятий, без которых невозможно должным образом противодействовать преступности и обеспечить желаемый общественный порядок в государстве.

Ключевые слова: права и свободы человека, закон, уголовно-исполнительная система, оперативно-розыскные правоотношения.

Influence of legal consciousness on the effectiveness of investigative activities

Annotation. In article questions influence of legal consciousness on the effectiveness of the held investigation and search operations without which it is impossible to counteract properly crime are investigated and to provide desirable public order in the state.

Keywords: human rights and liberties, the law, penal system, investigative relationship.

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) называет высшей ценностью человека, его права и свободы. Следовательно, одной из основных обязанностей государства является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Но в определенных обстоятельствах, например, при осуществлении защиты граждан от преступных посягательств, государство в лице правоохранительных органов нарушает границы неприкосновенной области прав и свобод отдельных лиц, имеющих непосредственное (или даже косвенное) отношение к преступлению. При этом одним из важнейших условий подобного «вторжения» должно стать неуклонное соблюдение норм правовой культуры.

В современных условиях приоритетное значение приобретает разработка научных основ совершенствования оперативно-розыскной организации и тактики борьбы с преступностью с учетом тенденций развития эко-

* *Перемолотова Лилианна Юрьевна,* кандидат юридических наук, доцент, докторант Академии ФСИН России. E-mail: lady.peremolotova@yandex.ru

Peremolotova Liliana Yurievna, PhD in law, Associate Professor, Doctoral Student of the Academy of the FPS of Russia.

номической и криминологической обстановки в стране. Оперативно-розыскная деятельность, как таковая, по объективным причинам (ввиду своего характера и поставленных перед ней целей) связана с необходимостью в отдельных случаях ограничивать права некоторых лиц, гарантированные им Конституцией РФ. При расследовании преступлений, как правило, невозможно обойтись без проведения оперативно-розыскных мероприятий, причем обычно они носят негласный характер. Именно конфиденциальность, непубличность оперативно-розыскных действий дают гарантию своевременного и эффективного предотвращения, пресечения либо раскрытия преступление, хотя и посредством вторжения в частную жизнь лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших его. Проведение ряда оперативно-розыскных мероприятий непосредственно связано с ограничением прав личности, закрепленных в ст. 23, 24 и 25 Конституции РФ.

Итак, вероятность того, что конституционные права граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий могут быть ограничены, закреплена непосредственно в ч. 2 ст. 23 Основного Закона, но с оговоркой о том, что ограничение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений допускается, но только на основании судебного решения. Между тем смысл понятия «частная жизнь» раскрывается лишь в общих чертах при анализе ст. 23, 24 и 25 Конституции РФ, где в качестве элементов частной жизни названы личные, интимные, семейные, бытовые и иные отношения личности (за исключением выполнения служебных обязанностей). При этом необходимо отметить, что понятие «частная жизнь» (за исключением неприкосновенности жилища, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений) охватывает собой и такие составляющие, как тайна денежных вкладов, состояние здоровья, исповедь, нотариальные действия и иные другие сведения, которые можно назвать его личной или семейной тайной, так как он не хочет предавать их огласке [4]. По нашему мнению, к сфере частной жизни справедливо отнести брак, рождение (либо усыновление) детей, семейный бюджет, распоряжение собственностью, а также развод и раздел имущества.

Следовательно, применяя словосочетание «частная жизнь», мы объективно подразумеваем, что оно охватывает своим содержанием многообразную жизнедеятельность индивидуума, за исключением его официальной деятельностью (работой, службой), составляющие которой находятся под гарантией и охраной различных конституционных норм. Конституция, обладая общесоциальным значением, отражает устои общества, государства, культуры, права и свободы человека и гражданина и представляет базовый комплекс принципов, сознательное усвоение которых способствует развитию и становлению личностного мировоззрения [2, с. 30].

Нам представляется, что частная жизнь также может быть дополнена такими составными частями, как убеждения личности (политические либо религиозные), свобода общения, желание поддерживать семейные и родственные связи, общение в быту, товарищеские, дружеские, интимные связи и т. п. Данную позицию поддерживает и А. Ю. Шумилов, который считает, что там, где нет государственного присутствия в жизни человека и его обя-

зательств перед обществом, – только там и есть частная жизнь личности [7, с. 65].

Законодательство четко следует конституционным установлением, закрепляя в ч. 1 ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» положение о том, что при проведении оперативно-розыскных мероприятий компетентные органы (либо должностные лица) обязаны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина в отношении неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны. Информация, полученная в создавшихся условиях при проведении указанных мероприятий, не может подвергаться огласке. Та же самая норма закреплена в ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации, где содержится санкция за незаконный сбор и распространение сведений о частной жизни гражданина, являющихся его личной и семейной тайной.

Таким образом, можно отметить, что по отношению к личной и семейной тайне можно применять одно характеризующее и объединяющее их понятие – «частная жизнь». Так как понятия частной жизни, личной и семейной тайны и относящихся к ним сведений законодательно не определены, то неясно, в чем заключается их содержание и что понимается под неприкосновенностью данных прав. Вследствие этого предпринимались неоднократные попытки дать формулировку указанным дефинициям, а правоприменитель получал конкретные ориентиры для руководства этим процессом.

На наш взгляд, наиболее справедливым толкований понятия «неприкосновенность» можно назвать то, которое дал В. В. Новиков, который считал неприкосновенностью частной жизни определенное состояние защищенности от незаконного вторжения посторонних лиц в область личной и семейной жизни, а также право каждого самому решать относительно того, какой «статус» дать сведениям о нем и его личной жизни – разглашать или не разглашать ни в коем случае [5, с. 43].

Стоит считать постулатом принадлежность права на частную жизнь каждому человеку с того момента, когда он родился. И он сам, единолично, может решать, какие сведения являются для него личной или семейной тайной, а какие не имеют существенного значения. Ошибочно понимать, как незаконное вторжение проведение оперативно-розыскных мероприятий, поскольку они осуществляются на законных, четко регламентированных основаниях.

Однако некоторые ученые считают, что даже если оперативно-розыскные мероприятия, ограничивающие конституционные права граждан, будут санкционированы судебной инстанцией, никто не даст гарантии того, что информация, касающаяся частной жизни лица, не станут достоянием гласности. Следует отметить то обстоятельство, что судебный контроль за проведением подобных мероприятий является краткосрочным и носит разовый характер, так как перед ним стоит конкретная задача – обеспечить законность и обоснованность их проведения.

При проведении данных мероприятий надо не упускать из виду то обстоятельство, что их задача – собрать скрываемые от правоохранительных органов сведения, важные для характеристики преступной деятельности.

Факты и сведения, которые необходимо получить, должны иметь непосредственное отношение к уголовно наказуемым деяниям [3, с. 52] и нужны только для решения оперативно-тактических задач. При этом информация о личной жизни граждан не должна попадать в поле зрения сотрудников, а если такое случилось, то не должна подлежать разглашению. Часто сотрудники правоохранительных органов против своей воли становятся обладателями конфиденциальных сведений (например, при прослушивании телефонных разговоров не представляется возможным делать это выборочно, ибо частная жизнь человека и его преступная деятельность тесно взаимосвязаны).

Конституционный Суд Российской Федерации дает свое толкование понятию «частная жизнь», считая, что оно обозначает всю сферу жизнедеятельности человека, относящейся только к нему, касается только его и не может быть подвергнута общественному и государственному контролю, за исключением случаев, когда это лицо занимается противоправной деятельностью [6]. Значит сведения о частной жизни человека, имеющие преступный характер, могут быть преданы огласке, так как ч. 1 ст. 9 Декларации прав и свобод человека и гражданина предусматривает ограничение данного права согласно законодательству, если на этот случай есть судебное решение. Но при принятии решений даже такому государствен-ному органу, как Конституционный Суд, приходится применять свою интуицию и принимать решение исходя из собственных убеждений. Создание правового акта, всесторонне регламентирующего такой институт, как частная жизнь, позволит уменьшить число жалоб граждан на нарушения их прав при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

По нашему мнению, право каждого члена общества на неприкосновенность частной и семейной жизни и сохранение в тайне подразумевает наличие у него возможности контролировать сведения личного, интимного характера, получив гарантированное право личности на владение и распоряжение ими, т.е. иметь право на зону собственного частного контроля. Причем данную возможность человеку должно гарантировать государство. В связи с изложенным не теряет своей актуальности проблема выработки критериев соразмерности ограничений прав граждан в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности, касающихся определенных действий лиц и возникновения в результате этого конфликтов и угроз безопасности криминального и некриминального характера, а также их разрешения.

Принимая во внимание то, что в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ не проведено дифференцирование значимости основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, и они представлены как равноценные, справедливо заключить: федеральный закон, регламентирующий оперативно-розыскную деятельность, допускает возможность в определенных условиях ограничить права и свободы человека и гражданина. Предметом соразмерного ограничения прав личности может выступить именно право. Иначе говорить о необходимости установления соразмерности ограничения конкретного права личности, гарантией которого

напрямую служит Конституция РФ, не имеет смысла, ибо охраняемое ею отдельное право не может превышать по значимости конституционных ценностей, включая права личности.

Однако цели отраслевого закона должны учитываться при установлении соразмерности ограничения прав личности. В противном случае результатом может стать оправдание любых ограничений прав личности, если цели закона, реализация положений которого допускает подобные ограничения, в своем общем виде соответствуют положениям ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Как справедливо отмечает Ю.В. Астафьев, современное оперативно-розыскное законодательство отличается некоторой неконкретностью и бланкетностью правовых норм, хотя и нет оснований утверждать, что подобное положение в правовом государстве должно быть исключено, ибо «является пережитком тоталитарной системы, когда засекреченность была способом сокрытия беззаконности, предотвращения общественного контроля за деятельностью спецслужб» [1].

Согласно ст. 3 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» она основывается на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также на принципах конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств. Закрепление указанных отраслевых принципов оперативно-розыскной деятельности вызвано необходимостью борьбы с организованной и латентной преступностью. Правоохранительная деятельность субъектов оперативно-розыскной деятельности должна соответствовать криминальной угрозе, носящей скрытый и замаскированный характер. Как показывает практика, ни одно государство в мире не отказалось от использования негласных форм и методов противодействия преступности, в том числе конфиденциального содействия граждан. Поэтому мы полагаем вполне логичным и обоснованным закрепить в соответствующих секретных ведомственных нормативных актах отдельные моменты организации и тактики осуществления негласных мероприятий, процесса оказания конфиденциальной помощи граждан в выявлении и раскрытии преступлений.

Помимо прочего, анализируя действующее законодательство и юридическую практику его применения, мы пришли к выводу о том, что некоторые законодательные нор-мы не находят своей реализации либо не дают должного эффекта из-за отсутствия установленного правового механизма их реализации. Хотя законодатель по мере возможности вносит в содержание Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» отдельные правила, обеспечивающие его применение, но список их неполон и отличается обобщенным характером, поэтому о регламентации данной юридической процедуры, как таковой, говорить не приходится. В связи с этим в ч. 2 ст. 4 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предусмотрена возможность для органов, ее осуществляющих, разрабатывать и принимать специальные правоприменительные акты (положения, инструкции и т. п.), устанавливающие порядок (процедуру) его реализации. Вследствие этого в тексте этого нормативного акта довольно часто встречаются бланкетные правовые нормы. Например, ст. 6 предусматривает проведение отдельных

оперативно-розыскных мероприятий в порядке, установленном межведомственными нормативными актами или соглашениями между органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность; ст. 9 определяет, что перечень руководителей органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, имеющих право выносить постановление о проведении оперативно-розыскного мероприятия, ограничивающего конституционные права граждан, содержится в ведомственных нормативных актах; ст. 10 устанавливает, что перечень дел оперативного учета и порядок их ведения определяются нормативными актами органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность; в ст. 11 определено, что представление результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд осуществляется на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыск-ную деятельность, в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами.

Итак, учитывая изложенное и принимая во внимание актуальность исследованной проблемы, представляется целесообразным сформулировать конкретные определения, которыми можно было бы оперировать в законодательстве, касающемся частной жизни, личной и семейной тайны, закрепить перечень соответствующих сведений и порядок обращения с ними, объединив все перечисленное в едином нормативно-правовом акте. Его принятие будет способствовать соблюдению норм правовой культуры и более эффективному разрешению проблем, которые могут возникнуть в ходе правоприменительной деятельности, в том числе при проведении оперативно-розыскных мероприятий, а значит, и соблюдению прав граждан, закрепленных конституционно.

Считаем целесообразным также решить ряд научных и практических задач, например следующие: совершенствование оперативно-поисковой и аналитической работы правоохранительных органов и органов уголовно-исполнительной системы, оперативно-розыскной организации и тактики борьбы с преступностью, включая пенитенциарную; повышение профессиональной подготовки субъектов оперативно-розыскной деятельности; модернизация системы раннего оперативно-розыскного предупреждения и эффективного раскрытия преступлений.

Библиографический список

1. *Астафьев Ю.В.* Совершенствование форм и методов оперативно-розыскной деятельности в правовом государстве // Право и политика. – 2005. – № 11. – С. 83–92.

2. *Бобина Г. С.* Конституция РФ в системе современной российской культуры // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2016. – № 2 (31). – С. 30.

3. *Бобров В.Г.* Некоторые суждения по монографии Н.С. Железняка и А.Д. Васильева «Черные дыры» и «белые пятна» ФЗ «Об ОРД»: юрид. и лингвистич. аспекты // Оперативник (сыщик). – 2011. – № 1. – С. 52.

4. Комментарий к Конституции Российской Федерации /под ред. С.А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство «Юрайт», 2019. – 333 с. (Серия: Профессиональный комментарий).

5. *Новиков В.В.* Понятие частной жизни и уголовно-правовая охрана ее неприкосновенности // Уголовное право. – 2011. – № 1. – С. 43.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О // СПС «Консультант Плюс».

7. *Шумилов А. Ю.* Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». 7-е изд., доп. и перераб. – М., 2007. – С. 65.

Авторский указатель за 2018 год

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Фамилия, имя, отчество	Наименование статьи	№ журнала
Альбиков Р.Ф.	Правосознание молодежи как важный фактор совершенствования государственной молодежной политики на современном этапе развития российского демократического общества	№ 4, с. 8-21
Архипов С.В.	Интегративное правопонимание в контексте учения о праве А. Райнаха	№ 2, с. 8-12
Баркалов О.В.	Концепция правового государства в историко-правовой ретроспективе	№ 3, с. 8-12
Борисов А.С.	К вопросу о сущности и значении тайны в уголовном судопроизводстве	№ 3, с.13-18
Быков К.В.	Место полиции в системе взаимодействия гражданского общества и государства	№ 6, с. 22-25
Васильев С.В.	Об адекватности права конкретно-историческим условиям России: неоднозначность подхода	№ 1, с. 8-11
	Гражданская активность и институты публичной власти: правовые контуры проблемы взаимодействия	№ 5, с. 8-11
Виноградов А.С.	Причины и особенности миграционных процессов в дореволюционной России	№ 1, с. 12-16
Груздев В.В.	Исторические аспекты судебной практики по должностным преступлениям в Новгородской губернии	№ 6 с. 26-31
Гусев О.Ю.	Церковь, государство и право в их историческом взаимодействии (к вопросу о теоретико-правовых основаниях трактовки)	№ 2, с. 13-20
Денисов А.М.	Жизнь и научное творчество Фридриха Карла фон Савиньи	№ 3, с. 19-25
Дроздова А.М.	Совет Европы и программа «Десятилетие детства» в России	№ 4, с. 22-29
Егорочкин А.Л.	Историческая эволюция государственно-правового механизма осуществления экологической функции в России и СССР	№ 3, с. 26-34
	Особенности развития экологической функции Российского государства в условиях глобализации	№ 4, с. 30-41
Ивлиев П.В.	Экономическая функция Российского государства и современное решение проблем российской экономики	№ 4, с. 42-51
Ирошников Д.В.	Правовые основы обеспечения региональной безопасности в Российской Федерации	№ 6, с. 43-47
Кабанова Л.Н.	К вопросу о соотношении имущественных санкций и юридической ответственности	№ 6, с. 10-17

Кириллов С.И.	Детерминанты социального насилия	№ 5, с. 12-15
Кириллова Т.К.	Верховная самодержавная власть по Основным законам Российской империи 23 апреля 1906 года	№ 1, с. 17-19
Кириллова Т.К.	Право женщин на образование в дореволюционной России	№ 5, с. 16-21
Кирюхин А.Б.	Детерминанты социального насилия	№ 5, с. 12-15
Ковалев А.Н.	Место полиции в системе взаимодействия гражданского общества и государства	№ 6, с. 22-25
Ковалев О.Г.	К вопросу о предупреждении коррупционных проявлений организационно-правовыми способами	№ 1, с. 18-21
Комаров С.А.	Юридическая ответственность за нарушение законодательства о персональных данных в Российской Федерации и Республике Казахстан	№ 4, с. 52-61
Колесникова Ю.П.	Право в системе социального регулирования: формы взаимодействия	№ 4, с. 62-67
Кнурова В.А.	Правовой статус совета при князе в Древнерусском государстве	№ 5, с. 22-26
Коновалова Е.В.	Понятие преступления международного характера	№ 5, с. 27-32
Кочетков А.В.	Исторические аспекты судебной практики по должностным преступлениям в Новгородской губернии	№ 6 с. 26-31
Кочетков В.В.	С.И. Гессен и Всеобщая декларация прав человека 1948 года	№ 4, с. 68-74
Куксин И.Н.	Отражение принципа справедливости в праве и правотворчестве	№ 4, с. 85-91
Маков Б.В.	Место полиции в системе взаимодействия гражданского общества и государства	№ 6, с. 22-25
Масленников Д.В.	Отношение религии и государства в философии права Г.В.Ф. Гегеля	№ 1, с. 20-25
Маслов И.А.	Государственное принуждение в социальном контексте	№ 3, с. 35-39
Маслов И.А.	Современные теоретико-правовые основы государственно-правового принуждения	№ 5, с. 33-37
Мерзлякова А.В.	Нормативное толкование мер охраны и защиты объектов культуры	№ 1, с. 68-73
Митина С.И.	Исторические аспекты судебной практики по должностным преступлениям в Новгородской губернии	№ 6 с. 26-31
Мицкая Е.В.	Юридическая ответственность за нарушение законодательства о персональных данных в Российской Федерации и Республике Казахстан	№ 4, с. 52-61
Печникова О.Г.	Становление нормативного регулирования санитарии и гигиены в России до XVIII века	№ 4, с. 75-78
Ревнова М.Б.	Отношение религии и государства в философии права Г.В.Ф. Гегеля	№ 1, с. 20-25

Ревнов Б.А.	О некоторых вопросах оспаривания нормативных правовых актов	№ 4, с. 30-37
	О некоторых вопросах проведения судебной реформы в Российской Федерации	№ 6, с. 52-58
Романова И.В.	Причины и особенности миграционных процессов в дореволюционной России	№ 1, с. 12-16
Руденко А.С.	Взаимодействие правоохранительных органов с общественностью по противодействию коррупции: проблемы и перспективы	№ 5, с. 107-111
Сапогов В.М.	К вопросу о предупреждении коррупционных проявлений организационно-правовыми способами	№ 1, с. 18-21
Синькевич Н.А.	Право женщин на образование в дореволюционной России	№ 5, с. 16-21
	Гражданская активность и институты публичной власти: правовые контуры проблемы взаимодействия	№ 5, с. 8-11
	Об адекватности права конкретно-историческим условиям России: неоднозначность подхода	№ 1, с. 8-11
Твердова Т.В.	Роль права в предотвращении межэтнических конфликтов: некоторые актуальные проблемы	№ 1, с. 51-61
Ходикова Н.А.	Значение критического мышления в деятельности судебного эксперта	№ 3, с. 40-45
Чепус А.В.	Конституционный деликт в теории права: понятие и виды	№ 5, с. 38-45
Чечельницкий И.В.	Отражение принципа справедливости в праве и правотворчестве	№ 4, с. 85-91
Чистотина О.Н.	Взаимодействие правоохранительных органов с общественностью по противодействию коррупции: проблемы и перспективы	№ 5, с. 107-111
Юганова М.В.	Юрген Хабермас об институционально-правовых основах развития социально-экономических процессов в современном обществе	№ 4, с. 92-96

12.00.02 – Конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право

Алексеев К.В.	Особенности президентского контроля в Российской Федерации	№ 6, с. 38-42
Винокуров В.А.	Органы внутренних дел современного Российского государства: толкование понятия	№ 1, с. 26-32
Воробьев Н.Ф.	Особенности президентского контроля в Российской Федерации	№ 6, с. 38-42
Васильева О.И.	Особенности правового положения депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющего депутатские полномочия без отрыва от основной деятельности	№ 6, с. 32-36

Дроздова А.М.	О реализации государственной политики в сфере защиты прав детей-сирот (на примере Ставропольского края)	№ 1, с. 33-41
Двоеглазова Т.В.	Становление и перспективы развития института Уполномоченного по правам человека в Приволжском федеральном округе	№ 2, с. 21-25
Дикаев С.У.,	О механизме реализации принципа права народа на самоопределение при сохранении государственного суверенитета	№ 2, с. 26-29
Дикаева Д.М.	О механизме реализации принципа права народа на самоопределение при сохранении государственного суверенитета	№ 2, с. 26-29
Исламгулов С.Ф.	Проблемы реализации недопущения ограничения конкуренции органами власти	№ 6, с. 48-51
Ревнов Б.А.	О некоторых вопросах применения пропаганды	№ 2, с. 38-45
Ревнова М.Б.	О некоторых вопросах применения пропаганды	№ 2, с. 38-45
Селивановский И.С.	Акты, обладающие нормативными свойствами: благо или ошибка правового регулирования (признание «квазинормативных» актов в правовой системе России)	№ 5, с. 55-61
Твердова Т.В.	Механизм реализации конституционного права на жилище: размышления о справедливости	№ 4, с. 97-102

12.00.03 – Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право

Алиева Л.М.	Легализация права собственности на самовольную постройку	№ 3, с. 57-61
Вольфсон В.Л.	Принцип добросовестности как легальная презумпция бесконфликтности намерений в осуществлении субъективного гражданского права	№ 3, с. 62-68
	Требование добросовестности «при исполнении обязанностей» и при заверениях об обстоятельствах: мнимость и необходимость	№ 4, с. 103-111
Голубцова Е.В.	Нормативно-правовое регулирование маркировки товаров и общий рынок ЕАЭС	№ 2, с. 74-77
Джалилов Э.А.	Теоретические аспекты исключительного права на коммерческое обозначение	№ 5, с. 62-55
Дерметханова З.Н.	Особенности гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего по современному законодательству Российской Федерации	№ 3, с. 69-73
Захаров Д.Е.	К вопросу о понятиях «охрана и защита субъективных гражданских прав, охраняемый законом интерес»	№ 5, с. 66-73
Зайцев О.В.	Формирование современного представления правовой науки о субъектах права	№ 1, с. 62-67

Исламгулов С.Ф.	Проблемы реализации недопущения ограничения конкуренции органами власти	№ 6, с. 48-51
Кашаров З.А.	Объекты корпоративных правоотношений	№ 6, с. 59-62
Ковров Н.Н.	Общие положения об ответственности в договорах подряда и субподряда	№ 2, с. 46-54
Комаров В.С.	Осуществление преимущественного права выкупа государственного недвижимого имущества: гражданско-правовой аспект	№ 4, с. 67-73
Максимов Д.А.	Нормативно-правовое регулирование маркировки товаров и общий рынок ЕАЭС	№ 2, с. 74-77
Мерзлякова А.В.	Нормативное толкование мер охраны и защиты объектов культуры	№ 1, с. 68-73
Попова А.В.	Разрешение тупиковых ситуаций в свете новелл обязательственного права: корпоративный договор vs «ведра с крабами»	№ 2, с. 55-62
Романова И.Н.	Страхование предпринимательских рисков как важная составляющая страховой защиты	№ 2, с. 63-66
	Страхование репутационных рисков субъектами предпринимательства в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ	№ 6, с. 63-68
Ревнов Б.А.	О некоторых вопросах заключения контракта с единственным поставщиком на сумму до 100 000 рублей безотносительно предмета закупки	№ 2, с. 42-50
Твердова Т.В.	Осуществление преимущественного права выкупа государственного недвижимого имущества: гражданско-правовой аспект	№ 4, с. 67-73
Троценко О.С.	К вопросу о комплексной правовой природе соглашения о государственно-частном партнерстве	№ 5, с. 74-79
	Комплексная правовая природа соглашения о государственно-частном партнерстве	№ 6, с. 69-75
Чмырева В.С.	Семья, личность и алиментные обязательства родителей и детей	№ 4, с. 79-84
Шафиев Р.М.	Нормативно-правовое регулирование маркировки товаров и общий рынок ЕАЭС	№ 2, с. 74-77
Яцук Н.П.	Разрешение тупиковых ситуаций в свете новелл обязательственного права: корпоративный договор vs «ведра с крабами»	№ 2, с. 55-62

12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право

Алексеев С.В.	Некоторые вопросы правоприменительной практики по заполнению справок и проверки достоверности и полноты сведений о доходах, расходах, об имуществе судей судов общей юрисдикции, военных судов, мировых судей	№ 1, с. 101-104

12.0.05 – Трудовое право; право социального обеспечения

Скачкова Г.С.	Будущее сферы труда и социальная ответственность бизнеса	№ 3, с. 102-106

12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право

Епифанов А.Е.	Регламентация и практика в сфере обращения с отходами	№ 5, с. 118-125
Миронова С.М.	Регламентация и практика в сфере обращения с отходами	№ 5, с. 118-125
Козырева Е.В.	Некоторые вопросы правового обеспечения реализации вещных прав на землю (на примере размещения объектов линейной инфраструктуры)	№ 2, с. 93-100
Матвеева С.А.	Некоторые вопросы правового обеспечения реализации вещных прав на землю (на примере размещения объектов линейной инфраструктуры)	№ 2, с. 93-100
Шишов Д.А.	Некоторые вопросы правового обеспечения реализации вещных прав на землю (на примере размещения объектов линейной инфраструктуры)	№ 2, с. 93-100

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Аболмасова Т.Е.	Социально-партнерские отношения ФСИН России с религиозными организациями как средство обеспечения права на свободу вероисповедания осужденных, отбывающих уголовные наказания в виде лишения свободы	№ 3, с. 74-79
Аминова З.Л.	Личностные факторы преступности несовершеннолетних насильственной ориентации	№ 4, с. 112-118
Асадов В.В.	К проблеме предупреждения совершения повторных преступлений осужденными к наказаниям без изоляции от общества	№ 6, с. 76-79
Бармашов В.И.	О расширении практики использования научной и научно-технической продукции в Центрах трудовой адаптации осужденных исправительных колоний	№ 5, с. 80-83
Белая Н.П.	Некоторые вопросы организационно-правового обеспечения профилактики преступлений в исправительных учреждениях и уголовно-исполнительных инспекциях	№ 6, с. 80-84

Белова Е.Ю.	Некоторые исторические аспекты становления подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы	№ 1, с. 74-77
Белова Е.Ю.	Совершенствование деятельности уголовно-исполнительной системы России в вопросах обеспечения микросоциальных условий осужденных, лишенных свободы, с учетом требований Нельсона Манделлы	№ 6, с. 85-88
Благов Е.В.	Об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим	№ 3, с. 80-87
Борисенко И.В.	Актуальные проблемы прокурорского надзора за соблюдением законов судебными приставами по обеспечению установленного порядка деятельности судов	№ 6, с. 89-93
Высоцкий Д.А.	Некоторые вопросы организационно-правового совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы по профилактике правонарушений, совершаемых осужденными без изоляции от общества	№ 6, с. 94-100
Годунов И.В.	Некоторые аспекты аналитической работы в уголовно-исполнительных инспекциях в современных условиях	№ 1, с. 78-81
Гришин Д.А.	Применение административно-предупредительных мер в особых условиях функционирования органов и учреждений УИС: теоретико-правовые аспекты	№ 3, с. 88-94
Горкина С.А.	Организационно-правовой механизм социальной работы как одно из звеньев успешного взаимодействия с муниципальными органами власти по вопросам социальной адаптации осужденных (на примере УФСИН России по Мурманской области)	№ 2, с. 78-83
Демин М.А.	Организация правоохранительной деятельности и система патроната над освобождаемыми из исправительных учреждений в трудах Сергея Викторовича Познышева	№ 6, с. 105-108
Дихтиевский П.В.	Совершенствование деятельности уголовно-исполнительной системы России в вопросах обеспечения микросоциальных условий осужденных, лишенных свободы, с учетом требований Нельсона Манделлы	№ 6, с. 85-88
	Актуальные проблемы прокурорского надзора за соблюдением законов судебными приставами по обеспечению установленного порядка деятельности судов	№ 6, с. 89-93
	Организация деятельности исправительных учреждений по осуществлению индивидуальной профилактике рецидива преступлений ВИЧ-инфициро-ванных осужденных	№ 6, с. 101-104

Дикаев С.У.	Общие и специальные требования к протоколу судебного заседания: проблемы правовой регламентации	№ 1, с. 82-87
Долгаев В.В.	Общие и специальные требования к протоколу судебного заседания: проблемы правовой регламентации	№ 1, с. 82-87
Епифанов С.С.	Содержание организационно-правового и научно-технического обеспечения предупреждения и раскрытия преступлений, совершаемых осужденными к наказаниям без изоляции от общества	№ 6, с. 109-113
Журавлев А.Н.	Некоторые вопросы организационно-правового обеспечения профилактики преступлений в исправительных учреждениях и уголовно-испол-нительных инспекциях	№ 6, с. 80-84
Иваняков Р.И.	Организация правоохранительной деятельности и система патроната над освобождаемыми из исправительных учреждений в трудах Сергея Викторовича Познышева	№ 6, с. 105-108
Казак Б.Б.	Актуальные проблемы организационно-правового обеспечения режима контртеррористической операции	№ 6, с. 114-117
Каштанова А.О.	К вопросу о «раннем материнстве» в условиях изоляции от общества	№ 5, с. 84-89
Ковалев О.Г.	К проблеме предупреждения совершения повторных преступлений осужденными к наказаниям без изоляции от общества	№ 6, с. 76-79
	Некоторые вопросы организационно-правового обеспечения профилактики преступлений в исправительных учреждениях и уголовно-исполнительных инспекциях	№ 6, с. 80-84
	Организация деятельности исправительных учреждений по осуществлению индивидуальной профилактике рецидива преступлений ВИЧ-инфициро-ванных осужденных	№ 6, с. 101-104
Комарницкий А.В.	Формы сексуальной эксплуатации несовершеннолетних в международном и отечественном законодательстве	№ 3, с. 95-101
	Неотвратимость и целесообразность уголовной ответственности несовершеннолетних: сравнительный анализ	№ 2, с. 84-92
	Виктимологическая характеристика лиц, совершивших преступление против несовершеннолетних	№ 5, с. 90-96
Косолапова Д.В.	К вопросу повышения эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций по привлечению осужденных к отбыванию исправительных работ	№ 6, с. 118-121
Миронов Р.Г.	К проблеме предупреждения совершения повторных преступлений осужденными к наказаниям без изоляции от общества	№ 6, с. 76-79

Михалина С.П.	Проблемы совершенствования уголовно-правовой статистики в исследованиях корыстно-насильственных преступлений, совершаемых участниками этнических преступных групп	с. 119-124
Никитин Д.А.	Организация деятельности исправительных учреждений по осуществлению индивидуальной профилактике рецидива преступлений ВИЧ-инфициро-ванных осужденных	№ 6, с. 101-104
Петренко Н.И.	Организационно-правовые основы обеспечения правопорядка в местах лишения свободы (на примере Нерчинской каторги в начале XX века)	№ 1, с. 97-100
	Некоторые вопросы организационно-правового совершенствования деятельности уголовно- исполнительной системы по профилактике правонарушений, совершаемых осужденными без изоляции от общества	№ 6, с. 94-100
Синькевич Н.А.	Организация правоохранительной деятельности и система патроната над освобождаемыми из исправительных учреждений в трудах Сергея Викторовича Познышева	№ 6, с. 105-108
Смирнова И.Н.	К вопросу повышения эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций по привлечению осужденных к отбыванию исправительных работ	№ 6, с. 118-121
	Некоторые аспекты развития организации деятельности по применению мер взыскания к осужденным к лишению свободы	№ 6, с. 122-126
Смирнов С.Н.	Некоторые аспекты развития организации деятельности по применению мер взыскания к осужденным к лишению свободы	№ 6, с. 122-126
Субботина О.М.	Организационно-правовой механизм социальной работы как одно из звеньев успешного взаимодействия с муниципальными органами власти по вопросам социальной адаптации осужденных (на примере УФСИН России по Мурманской области)	№ 2, с. 78-83
Шабанов В.Б.	Совершенствование деятельности уголовно-испол-нительной системы России в вопросах обеспечения микросоциальных условий осужденных, лишенных свободы, с учетом требований Нельсона Манделлы	№ 6, с. 85-88
	Содержание организационно-правового и научно-технического обеспечения предупреждения и раскрытия преступлений, совершаемых осужденными к наказаниям без изоляции от общества	№ 6, с. 109-113
	Актуальные проблемы организационно-правового обеспечения режима контртеррористической операции	№ 6, с. 114-117

Шамсунов С.Х.	Актуальные проблемы прокурорского надзора за соблюдением законов судебными приставами по обеспечению установленного порядка деятельности судов	№ 6, с. 89-93
	Некоторые вопросы организационно-правового совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы по профилактике правонарушений, совершаемых осужденными без изоляции от общества	№ 6, с. 94-100
	Содержание организационно-правового и научно-технического обеспечения предупреждения и раскрытия преступлений, совершаемых осужденными к наказаниям без изоляции от общества	№ 6, с. 109-113
Шуранова О.А.	Вопросы применения пожизненного лишения свободы, как альтернативы смертной казни: российский опыт	№ 6, с. 127-130

12.00.10 – Международное право, Европейское право

Горлова Н.И.	Особенности регулирования волонтерской деятельности в зарубежных странах: историко-правовой аспект	№ 3, с. 107-119
Исмайлова С.Р.	Исполнение решений договорных органов по правам человека: национальные интересы или двойные стандарты?	№ 1, с. 105-110
Крутицкая Е.В.	Особенности регулирования волонтерской деятельности в зарубежных странах: историко-правовой аспект	№ 3, с. 107-119

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Коршунова О.Н.	Особенности анализа и оценки прокурором результатов допросов по делам о преступлениях медицинских работников в сфере родовспоможения	№ 5, с. 97-106
Иванов С.А.	Международное сотрудничество прокуратуры Российской Федерации в рамках Содружества Независимых Государств: проблемы и пути решения	№ 5, с.112-117
Иванова Я.И.	Особенности анализа и оценки прокурором результатов допросов по делам о преступлениях медицинских работников в сфере родовспоможения	№ 5, с. 97-106
Середа Е.В.	Международное сотрудничество прокуратуры Российской Федерации в рамках Содружества Независимых Государств: проблемы и пути решения	№ 5, с.112-117

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Никитин Е.Л.	Законодательное регулирование оперативно-розыскной деятельности как основа обеспечения ее законности: историко-правовой и сравнительно-правовой аспекты	№ 1, с. 88-96

12.00.14 – Административное право, административный процесс

Ревнов Б.А.	О некоторых вопросах привлечения к административной ответственности за незаконное вознаграждение от имени юридического лица	№ 5, с. 46-54
Гришин Д.А.	Применение административно-предупредительных мер в особых условиях функционирования органов и учреждений УИС: теоретико-правовые аспекты	№ 3, с. 88-94

Юбилеи

К 80-летию доктора юридических наук, профессора Э.В. Кузнецова	№ 2, с. 101

ТРЕБОВАНИЯ
к оформлению рукописей, представляемых для опубликования

1. Рукопись представляется **в одном экземпляре.** Текст должен быть отпечатан через 1.5 компьютерных интервала 14 шрифтом. Страницы должны быть пронумерованы. Сноски оформляются в виде затекстовых ссылок в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Библиографический список». Источники в списке располагаются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Справки по оформлению списка литературы». При ссылке на конкретный фрагмент текста источника в отсылке указывается порядковый номер и страницы. Например:

– в тексте [8, с. 15].

– в затекстовой ссылке: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. – СПб.: Издательство Юридического института, 2012. – 520 с.

2. Объем статьи не должен превышать **8** машинописных страниц, а рецензии – **3** страниц.

3. Автор оплачивает расходы за редактирование, рецензирование и подготовку к публикации в размере **5600 руб.**, за превышение установленного объема – дополнительно **300 руб.** за каждую страницу.

4. К статье должны прилагаться:

– **справка об авторах (соавторах)** с указанием:
  а) фамилии, имени, отчества;
  б) ученой степени, ученого звания;
  в) должности, основного места работы;
  г) контактного e-mail, домашнего и служебного адресов и телефонов;

– **аннотация статьи (не менее 5 строк);**

– **ключевые слова;**

– **рецензия;**

– **перевод на английский язык:**
  а) фамилии и инициалов автора;
  б) заглавия статьи;
  в) аннотации;
  г) ключевых слов.

5. Автором должен быть подписан экземпляр статьи и лицензионный договор (высылается после утверждения «в печать» редакционной коллегией).

Статьи аспирантов должны быть подписаны их научным руководителем (руководителями) с приложением рецензии.

6. Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

7. Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с производственными изменениями и исправлениями в тексте **(в отпечатанном виде)** и с **электронной копией**.

8. Рецензии присылаются вместе со статьями. В противном случае статьи опубликованы не будут.

9. Статьи направляются **по почте** (не заказной) на адрес редакции: **199106, Санкт-Петербург, В.О., ул. Гаванская, д. 3** и по электронной почте: **lawinst-spb@mail.ru; journal@lawinst-spb.ru.**

10. В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению публикации редакция оставляет за собой право ее не рассматривать.

REQUIREMENTS
for Manuscripts,
submitted for publication

1. The manuscript is submitted **in one copy**. The text should be printed in 1.5 com-puter range 14 print. Pages must be numbered. Footnote out in the form of refer-ences in the endnotes according to bibliographic requirements are placed after the text of the article under the heading «References». Sources in the list are ar-ranged in accordance with GOST R 7.0.5-2008 «Help on registration list of the lit-erature». When referring to a specific piece of text is-sending source in the serial number and pages. For example:

– In the text [8, p. 15].

– In transtextual link: Komarov S.A. The general theory of state and law: the textbook. – St. Petersburg: Publishing House «Law Institute (St. Petersburg)», 2012. – 608 pp.

2. The paper should not exceed **8** printed pages and reviews – **3** pages.

3. The author pays for editing, review and preparation for the publication in the amount of 5 600 rubles., For exceeding the specified amount – an additional 300 rubles. for each page.

4. Article shall be accompanied (in electronic form):

– **information about the author (co-author),** indicating:
  a) surname, name and patronymic;
  b) scientific degree, academic rank;
  c) the principal place of work, position;
  d) an e-mail, home and office addresses and phone numbers;
– **abstract of the article (not less than 5 lines)**
– **keywords**
– **review**
– **translation into English:**
  a) the name and initials of the author;
  b) the title of the article;
  c) the summary;
  d) keywords.

5. The author must be signed copy of the article and a license agreement (sent after the approval of «print» the editorial board). Articles graduate students must be signed by their research supervisor (presiding-lyami) to review the application.

6. The fee for the publication of a post-graduate students will be charged.

7. Articles, aimed authors for revision shall be returned to the editor in the recom-mendatory term production changes and corrections in the text (**in the form of imprint**) and an **electronic copy**.

8. Reviews are sent along with the article. Otherwise, the article will not be pub-lished.

9. Article sent **by mail** (not registered) to the editorial office: **199106, 3, Gavanskaya st., Saint Petersburg, Russia** and by e-mail: **lawinst-spb@mail.ru**; **jour-nal@lawinst-spb.ru**.

10. In the case of non-compliance with these requirements by designing the publica-tion editors reserve the right not to consider it.

Частное образовательное учреждение
высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
(Санкт-Петербург)

основан в 1992 году

ЛИЦЕНЗИЯ АККРЕДИТАЦИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

специализации:

- гражданско-правовая;
- государственно-правовая;
- международно-правовая;
- уголовно-правовая

Документы:

1. Документ об образовании
2. Шесть фотографий размером 3х4 см
3. Свидетельства ЕГЭ по русскому языку, обществознанию, истории России

По окончании института выпускникам присваивается
степень бакалавра или ***магистра***
(в зависимости от срока обучения)
и выдается ***государственный диплом о высшем образовании***

Срок обучения:
ДНЕВНОЕ – 4 года, ЗАОЧНОЕ – 5 ЛЕТ

Для лиц со ***средним юридическим*** и ***высшим образованием*** –
ускоренный курс обучения – *3 года*

Ведется прием в АСПИРАНТУРУ

по научным специальностям:

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве
12.00.02 – конституционное право, конституционный судебный процесс;
муниципальное право
12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

**199106, г. Санкт-Петербург,
ул. Гаванская, д. 3
(812) 325-46-25, 322-18-08**

Официальный сайт: www.lawinst-spb.ru

Книжный интернет-магазин на сайте института

редактор **М.В. Старцева**
верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
E-mail: Legal_thought@mail.ru
Сайт: http://lawinst-spb.ru/magazine
http://matgip/ru
Телефон: (812) 325-4625; (499) 431-5806

Издатель: ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Адрес издателя: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 25.02.2019. Формат 61x86 $^{1}/_{8}$.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 18,42. Усл. п.л. 9,9. Тираж 500 экз. Заказ № __

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru